

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2016 / №5

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2016 / №5

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя)

Клычников В.М. — к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д. пед. н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д. пол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюцев Е.И. — д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухун Г.Т. — д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2016. — № 5. — 152 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712**

© МГОУ, 2016.

© ИИУ МГОУ, 2016.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д. и. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д. и. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. — к. пол. н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** — д. и. н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** — д. и. н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук**

В.В. — д. пол. н., к. ю. н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Жу-**

равлев В.В. — д. и. н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** — д. и. н., проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** — д. пол. н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** —

д. пол. н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** — д. и. н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** — д. и. н.,

проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** — д. пол. н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** — д. пол. н., д. ф.-м. н.,

проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** — д. и. н., проф., МГОУ

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow State Regional University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Politology, Associate Professor, MSRU; **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **S.A. Voronin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa; **J. González** – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia); **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU; **V.A. Kovalyov** – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University; **M.Yu. Martynov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University; **M. Natalici** – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy); **D.G. Seltzer** – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; **S.S. Sulakshin** – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MSRU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow State Regional University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chief of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. – 2016. – № 5. – 152 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0077-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MSRU, 2016.

© MSRU Publishing house, 2016.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1918)

<i>Егоров В.Г., Абрамова Ю.А.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ МИРА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОКОВ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ.....	8
--	---

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

<i>Савельев П.Ю.</i> ЗАРУБЕЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ РСДРП.....	32
--	----

Всеобщая история

<i>Барбаилов А.А.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ЕГИПТА И ЭГЕИДЫ В III – СЕР. II ТЫС. ДО Н. Э.....	39
<i>Долгов М.Е.</i> ОТНОШЕНИЯ КЕНТА И КОРОЛЕВСТВ САУТУМБРИИ В КОНЦЕ VI – НАЧАЛЕ VII ВВ.....	49
<i>Курков Н.В.</i> АМЕРИКАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ТРУДА И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ США В 1920-Е ГГ. В РЕСПУБЛИКЕ ПАНАМА	57
<i>Синицын Ф.Л.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РУМЫНСКИХ ОККУПАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТРАНСИСТРИИ (1941–1944).....	63

Отечественная история

<i>Анисимов М.Ю.</i> ДЕЛО О СТРОИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ КРЕПОСТИ СВЯТОЙ ЕЛИЗАВЕТЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ СЕРЕДИНЫ XVIII В.	71
<i>Соловьёв Я.В.</i> СОСРЕДОТОЧЕНИЕ В МИНИСТЕРСТВЕ ФИНАНСОВ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ И ЭКОНОМИКОЙ В 1810–1820-Е ГГ.	81
<i>Бухаренкова О.Ю.</i> ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛЕННОСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: БЫТ И ОБРАЗ ЖИЗНИ	88
<i>Борщевский И.В.</i> МОСКОВСКИЕ ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ КУРСЫ И КОМИССИЯ КНЯЗЯ М.С. ВОЛКОНСКОГО.....	100
<i>Горлов В.Н.</i> МОЛОДЕЖНЫЕ ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ В СССР – РЕАЛЬНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ В 1970–1980-Е ГОДЫ	110
<i>Зимовина Е.П.</i> ЛИТОВСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: МИГРАЦИИ И СОХРАНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ.....	117

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Алексеев Р.А.</i> ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕФЕРЕНДУМ: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	127
--	-----

Грачева М.С. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ОСМЫСЛЕНИИ ЗАПАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ	138
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Панов А.И., Шишкин В.А. О СОВРЕМЕННОМ КРИЗИСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	143
--	-----

CONTENTS

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF WORLD WAR I (1914-1918)

V. Yegorov, Yu. Abramova. ECONOMIC INTERESTS OF THE LEADING POWERS AND THEIR INFLUENCE ON THE FORMING OF POLITICAL-MILITARY BLOCKS IN THE EARLY XX CENTURY.....	8
--	---

SECTION I. HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

P. Savel'ev. FOREIGN COLLECTIONS OF DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE RSDLP	32
--	----

General history

A. Barbashov. ECONOMIC AND CULTURAL CONTACTS OF EGYPT AND THE AEGEAN IN III – THE MIDDLE OF THE II MILLENNIUM B.C.	39
M. Dolgov. THE RELATIONSHIP BETWEEN KENT AND THE SOUTHUMBRIAN KINGDOMS IN THE LATE 6 TH – EARLY 7 TH CENTURIES	49
N. Kurkov. THE AMERICAN FEDERATION OF LABOR AND THE 1920S IMPERIALIST EXPANSION OF THE UNITED STATES INTO THE REPUBLIC OF PANAMA.....	57
F. Sinitsyn. THE ETHNIC AND RELIGIOUS POLICY OF ROMANIAN INVADERS IN TRANSNISTRIA (1941–1944)	63

Native History

M. Anisimov. CONSTRUCTION OF THE RUSSIAN ST. ELIZABETH'S FORTRESS IN INTERNATIONAL POLICY OF THE MIDDLE OF THE 18 TH CENTURY	71
Y. Soloviev. THE CONCENTRATION IN THE MINISTRY OF FINANCE THE MAIN FUNCTIONS OF MANAGEMENT OF PUBLIC FINANCES AND THE ECONOMY IN THE 1810–1820S.....	81
O. Bukharenkova. RUSSIAN URBAN CRAFTSMANSHIP IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: HOUSEKEEPING AND WAY OF LIFE	88
I. Bortashevich. MOSCOW HIGHER LADIES' COURSES AND THE PRINCE VOLKONSKIY'S COMMITTEE	100
V. Gorlov. YOUTH RESIDENTIAL COMMUNITIES IN THE USSR – THE AUTHORITIES' REAL ACHIEVEMENT IN 70_80S.....	110
E. Zimovina. LITHUANIAN POPULATION OF KALININGRAD REGION: MIGRATIONS AND SAVING OF ETHNOCULTURAL PECULIARITIES.....	117

SECTION II. POLITOLOGY

R. Alekseev. ELECTRONIC REFERENDUM: PROBLEMS AND EXPERIENCE IN MODERN RUSSIA	127
---	-----

<i>M. Gracheva.</i> MODERN YOUTH'S POLITICAL PROTEST IN WESTERN POLITOLOGY' CONCEPTUAL COMPREHENSION	138
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>A. Panov, V. Shishkin.</i> ON MODERN CRISIS OF PUBLIC MANAGEMENT	143
--	-----

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

УДК 94(100)"1914/19"

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-8-31

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ МИРА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОКОВ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Егоров В.Г., Абрамова Ю.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А*

Аннотация. В статье анализируются экономические интересы Англии, Франции, Германии и России, а также возникшие к началу XX в. в связи с реализацией этих интересов противоречия между странами. Аренами экономического противоборства «великих держав» стали Ближний Восток, Балканы и Дальневосточный регион. По заключению авторов, из двух тенденций – интернациональный характер капитализма и необходимость реализации национальных интересов конкретной страны, – последняя тенденция возобладавала. Совпадение экономических интересов тех или иных стран предопределило конфигурирование военно-политических блоков конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: Первая мировая война, военно-политические блоки, Антанта, Тройственный союз, империализм, «великие державы», экономические интересы.

ECONOMIC INTERESTS OF THE LEADING POWERS AND THEIR INFLUENCE ON THE FORMING OF POLITICAL-MILITARY BLOCKS IN THE EARLY XX CENTURY

V. Yegorov, Yu. Abramova

*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the economic interests of England, France, Germany and Russia, as well as the contradictions between the countries, arose by the early XX century due to their interests' realization. The arenas for the Great Powers' economic confrontation were the Middle East, the Balkans and the Far East. The authors conclude that there were two tendencies: the international character of capitalism and the necessity to implement a certain country's national

interests, and the last one prevailed. The concurrence of certain countries' economic interests predetermined the configuration of the political-military blocks of the late XIX – early XX centuries.

Key words: World War I, political-military blocks, the Entente, Triple Alliance, imperialism, the Great Powers, economic interests.

Экономическая реальность, сложившаяся к началу XX столетия, явилась необратимым фактором трансформации системы международных отношений и институтов, обеспечивавших прежде относительную стабильность и предотвращение мировых военно-политических катаклизмов. Даже созданный в 1900 г. международный трибунал в Гааге, ставший символом «цивилизованного» разрешения конфликтов, не смог остановить катастрофы, обусловленной нарастанием экономических противоречий. Мировая экономическая конкуренция, преодолевая социальные, идеологические, династические и культурные предпочтения, выдвинулась в ряд важнейших условий, фундирующих международный военно-политический кризис, вылившийся в величайшую драму начала прошлого столетия.

Вопреки утверждающемуся в современной российской историографии положению о том, что Россия была втянута вразрез с собственными интересами в «большую игру» против Германии, с которой наблюдалось политическое сближение [23, с. 5–18], в российском предвоенном официальном и общественном мнении осознавалась опасность экономической экспансии германской индустрии. В российских деловых кругах широко транслировалось крылатое выражение министра торговли В.И. Тимирязева: «Мы не можем позволить, чтобы русская промышленность была полностью сокрушена германской индустрией» [16, с. 226].

Возрастающая мощь Германии, в конечном счете, дестабилизировала сложившуюся экономическую расстановку сил в мире. Учитывая прямую зависимость эффективности оборота «экономического» капитала от емкости рынков, включение в борьбу за их обладание нового, быстро развивающегося «игрока», неизбежно обуславливало эскалацию напряженности международных отношений.

В отличие от все более укрепляющейся в канун «великой трагедии» уверенности европейского истеблишмента в неизбежности столкновения «ведущих экономик», актуальным оставался вопрос о возможности и составе союзов в будущей войне. Имея в виду традиционные политические и экономические противоречия России и Великобритании, династические российско-германские, британо-германские связи, последствия боснийского и итало-турецкого кризисов, исход его решения был далеко не очевидным.

«В предвоенные годы, – пишет М. Хейстингс, – европейские симпатии и антипатии не отличались незыблемостью, то и дело меняясь, перетасовываясь и перестраиваясь. Французы вступали в новое столетие с мыслью о возможном вторжении Англии, и в 1905 году Британия на самом деле вынашивала подобные планы. Какое-то время существовала вероятность, что Россия выйдет из Антанты и присоединится к Тройственному союзу» [24, с. 34].

Новелла мировой экономической эволюции заключалась во вступлении планетарной цивилизации в очередной виток научно-технического прогресса, сопровождавшейся ростом массового производства, требующего новых рынков и источников сырья; появлении в системе международных хозяйственных связей нового, быстро растущего лидера – Германии и, наконец, в обострении классовых противоречий и росте рабочего движения, одним из способов противостояния которому могла быть война, вызывающая волну патриотизма [10, с. 57].

Экономический подъем Германии

Осознание экономических успехов собственной страны позволило «железному канцлеру» Отто фон Бисмарку в речи 6 февраля 1888 г. в рейхстаге заявить: «Мы больше не просим о любви ни Францию, ни Россию. Мы не просим ни о чем одолжении. Мы, немцы, боимся на этой земле Господа Бога, и никого более!» А уже в 1912 г. расстановка точек экономического соперничества позволила кайзеру Вильгельму II утверждать: «Германские народы (Австрия, Германия) будут вести неминуемую войну против славян (русских) и их латинских (галльских) помощников, при этом англосаксы будут на стороне славян. Причины: жалкая зависть, боязнь обретаемого нами могущества» [23, с. 25, 29].

Росту экономического могущества Германии во второй половине XIX в. способствовало сразу несколько обстоятельств, обусловленных победным завершением франко-прусской войны 1870-1871 гг. Военные успехи явились политическим основанием объединения Германии в давно кон-

струируемую в немецком общественном сознании империю, окормляемую патриотизмом «германского рыцарства». В результате сокрушения давнего соперника – Франции – Германия получила 5 миллиардов золотых франков контрибуции и богатые провинции Эльзас и Лотарингию [2, с. 6]. Темпы, которыми развивалась немецкая экономика, превосходили темпы роста экономик других ведущих держав (см. табл 1).

Быстро развивающаяся экономика требовала включения в ее орбиту нового хозяйственного пространства. «Если мы не приобретем вскоре новых земель, – писал Альбрехт Вирт в своей работе «Народное могущество и мировая война в истории» (1901 г.), – мы неизбежно придем к страшной катастрофе. Все равно, будет ли это в Бразилии, в Сибири, Анатолии или Южной Африке, лишь бы мы могли веселиться и наслаждаться свободой и дать возможность нашим детям пользоваться в изобилии воздухом и светом в хороших условиях. Сегодня, как и две тысячи лет тому назад, когда варвары, кимвры и тевтоны стучали в ворота Рима, раздастся тот же крик... «Земель, новых земель!» [5, с. 11].

Если противоречия между великими державами, возникающими в результате освоения немецким капиталом Африканского континента удалось купировать, благодаря организованной сторонником сохранения стабильности международных отношений О. Бисмарком Берлинской конференции (1884-1885 гг.), то территории, освоенные британцами и французами, стали проблемой, решить которую мирными средствами не представлялось возможным.

Таблица 1

Производство основных видов промышленной продукции в 1887 по 1911 гг.

<i>Добыто угля в млн. тонн</i>			
	В 1887 г.	В 1911 г.	Увел. в %
Англия	160,0	276,2	72,6
Франция	19,9	39,8	97,5
США	103,1	450,2	336,6
Германия	73,7	234,5	218,1
<i>Произведено чугуна в тыс. тонн</i>			
Англия	7681	10033	30,6
Франция	1568	4411	281,5
США	6520	29028	368,5
Германия	4024	15574	387,0
<i>Произведено стали в тыс. тонн</i>			
Англия	2403	6107	154,0
Франция	428	3390	692,9
США	2604	26512	910,8
Германия	954	13699	1375,0

Источник: [2, с. 9–10]

Натиск «великих держав» на Восток

Стратегия «Drang nach Osten» (Натиск на восток), овладевшая политическим классом Германии, предполагала два направления движения: на юго-восток, через Балканы, Малую Азию и Месопотамию, к Индийскому и Дальневосточному регионам и другое: в Россию.

Обоснование растущей враждебности к славянам (русским) немецкие идеологи искали в проблеме «восточных территорий традиционного немецкого влияния». «Большие территории, которые прежде были под германским влиянием, ныне снова подчиняются славянской власти, – говорилось в одном из популярных немецких изданий, – и кажутся навсегда потерянными нами. Нынешние русские балтийские провинции были прежде процветающими очагами германской культуры. Германские элементы находятся в Австрии, нашей союзнице, находятся под же-

стокой угрозой; Германия стала открыта постоянному мирному вторжению славянских рабочих. Многие поляки прочно укоренились в сердце Вестфалии. Только слабые меры предпринимаются, чтобы остановить этот поток славянства. Но остановить его требуют не только обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации. До сих пор неясно, сможем ли мы остановить этот поток мирными средствами. Возможно, вопрос германского или славянского превосходства будет решен мечом» [23, с. 27–28].

Но эпицентр противоречий, возникающих в связи с экономической интервенцией Германии, приходился на первое направление «движения на восток».

Развитие германского флота, сопровождавшееся организацией в различных уголках мира угольных стан-

ций, утверждением на морских путях и «мягким» проникновением в колониальные владения Франции и Англии, прямо затрагивало интересы последних. Антагонизм порождало усиливающееся экономическое присутствие Германии на Балканах, в Малой Азии и Месопотамии, где британский и французский капитал создал промышленные предприятия и активно инвестировал в местное производство.

Особый ущерб экономической экспансии Германии наносила интересам Великобритании, которая в качестве «владычицы морей» стремилась препятствовать немецкому освоению Южного океана и «ближней дороги» в Китай.

В записке, которую современники называли пророческой, министр Внутренних дел П.Н. Дурново именно экономические противоречия между Германией и Англией называл главной причиной возможного конфликта. «Действительно, с одной стороны, островное государство, – писал П.Н. Дурново, – мировое значение которого зиждется на владычестве над морями, мировой торговле и бесчисленных колониях. С другой стороны – мощная континентальная держава, ограниченная территория которой недостаточна для возросшего населения. Поэтому она прямо и открыто заявила, что будущее ее на морях, со сказочной быстротой развила огромную мировую торговлю, построила, для ее охраны, грозный военный флот и знаменитой маркой *Made in Germany* создала смертельную опасность промышленно-экономическому благосостоянию соперницы» [8, с. 58].

Существенный урон интересам Великобритании был нанесен проникно-

вением Германии на Ближний Восток. Еще в 1882 г. в Турцию была послана миссия, позднее руководимая фон дер Гольцем. С тех пор этот регион стал основным в политико-экономической экспансии Германии [22, с. 1]. Инициировали расширение германского присутствия на Ближнем Востоке круги, близкие к «Дойче банку», стремившиеся получить свою часть «пирога» разваливающейся Османской империи.

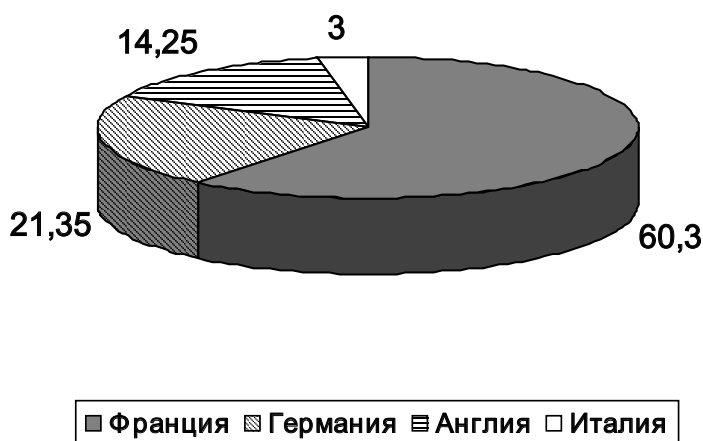
Сближение с Германией отвечало и интересам значительной части официальной Порты, которая видела в столкновении великих держав за доминирование залог сохранения своего суверенитета и была воодушевлена «дипломатической Цусимой» России в Боснийском кризисе 1908–1909 гг. По свидетельству посла России в Турции И.А. Зиновьева, «Германия использовала исход Боснийского кризиса для укрепления позиций на Босфоре» [22, с. 4].

Ориентация младотурецкой элиты на Германию объяснялась еще и тем, что последняя, не рассчитывая на серьезные территориальные приобретения в случае немедленного раздела Османской империи, придерживалась принципа территориального статус-кво Турции. Проитальянская позиция Германии в Триполитанской войне, поражение армии, инструкторов немецкими специалистами в Балканских войнах, свержение летом 1912 г. власти младотурецкого правительства несколько осложнили, но не обратили вспять поступательное освоение германским капиталом турецкого рынка [14, с. 4].

О степени напряженности, с которой пришлось столкнуться немцам в проникновении на рынки Турции, говорят данные об освоении финансовой

системы Порты англо-французскими предпринимательскими структурами. Несмотря на усилия «Дейче банка», наращивающего инвестиции, англо-французское засилье на оттоманском финансовом рынке было очевидным. Даже Оттоманский имперский банк полностью находился в руках финансовых институтов Англии и Франции. Важность этого факта тем более значительна, что именно этому банку принадлежало право эмиссии и другие прерогативы государственного банка Турции [14, с. 6].

В 1854–1862 гг. были заключены соглашения на первые турецкие государственные займы. Воспользовавшись банкротством побежденной в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. страны, Англия и Франция установили полный контроль над ее финансовой системой. Для управления государственным долгом (уменьшенным в 1881 и 1903 гг. наполовину) была создана администрация оттоманского долга, ставшая государством в государстве. Администрация создала по стране 720 агентур.

Источник: [19, с. 9]

Рис. 1. Доля европейских держав в долге Османской империи к 1914 г. (%)

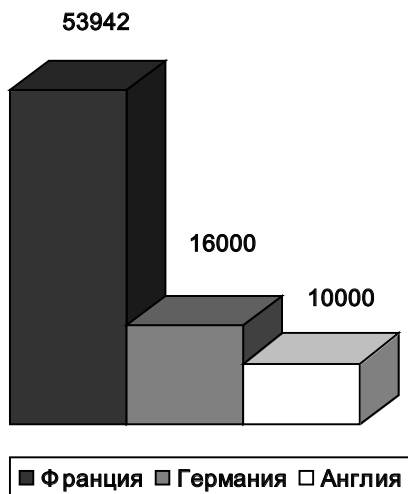
С 1880-х гг. администрация стала активно вмешиваться и в экономику «должника». В 1881 г. было создано «Управление табаководством», которое контролировало все производство табачной отрасли. В 1911 г. был учрежден консорциум для постройки оттоманских портов, в который вошли фирма Крезо, Батиньольское общество сооружений, Оттоманский банк и др. Консорциум получил концессии на

строительство портов Самсун, Трапезунд, Инеболи, Гераклия, Яффа, Триполи, Кайфа.

Важную отрасль приложения французского капитала составляла добывающая промышленность. На рудниках Турции практически безраздельно господствовали французы. Наиболее крупными предприятиями в этом сегменте экономики являлись общество Гераклен, добывающее уголь на берегу

Черного моря, и общество рудников Балиа-Карайдин, извлекающее серебристый свинец и лигнит в богатейших месторождениях Айдинского вилайета.

В целом французские инвестиции в добывающую отрасль Турции составляли 3,5 млрд. франков и составляли 60% всех иностранных капиталов [19, с. 13].

Источник: [19, с. 12]

Рис. 2. Объем капиталовложений европейских держав в строительство турецких портов в 1914 г. (тыс. фр.)

Таким образом, французский капитал в канун Первой мировой войны «инфильтровал весь хозяйственный организм Азиатской Турции: железные дороги, порты, рудники, коммерческие компании и даже муниципальные предприятия». Французские имущества в Азиатской Турции оценивались в 354 млн. фр. (торговые фирмы – 30 млн. фр., недвижимое имущество – 54 млн. фр., железные дороги – 202 млн. фр., портовые сооружения – 20 млн. фр., местные банки – 8 млн. фр., копи и промышленные предприятия – 40 млн. фр.) [19, с. 13]. Присутствие Англии в турецкой экономике носило избирательный характер. Накануне мировой войны Великобритания сохраняла доминирующее положение только во внешней торговле Турции.

Если прямые инвестиции Германии в экономику Порты наращивались постепенно, избегая прямых столкновений с англо-французским капиталом, то полученная в 1903 г. концессия на строительство Багдадской железной дороги была «нацелена в самое сердце британских интересов: Индию» [14, с. 5]. В ходе реализации проекта Багдадской железной дороги «от Берлина до Багдада» планировалось использовать Константинополь «как место перехода из Европы в Азию». Паром должен был принимать железнодорожные пассажирские и грузовые вагоны на европейском берегу Босфора на станции Сиркенджа и доставлять в пункт Хайдарпадшана на азиатском берегу. Далее железная дорога должна была двигаться через всю Турцию на юг, до

портов Газа в Восточном Средиземноморье, Акаба на Красном море и Басра в Персидском заливе. Дополнительная линия железной дороги должна была связать Багдад с персидскими нефтяными месторождениями.

Переговоры, шедшие в течение почти двух лет, закончились в марте 1903 г. подписанием соглашения, по которому Анатолийская железнодорожная компания (ответвление Deutsche Bank) обеспечивала Турции заем в 43 200 000 марок и взамен получала право отстроить дорогу от Эрегли до Мосула и Багдада, с линиями на Кесарию-Сивас, на Диарбекир и к Мерсине и Александrette. Выгодные условия, на которых Германии была предоставлена концессия, возбудили живое внимание в английских финансовых кругах. В палате общин статс-секретарю по иностранным делам Бальфуру был предложен запрос: в какой мере английское правительство намерено принять участие в сооружении Багдадской дороги. Признавая исключительно важное значение новой линии, соединяющей Европу с Персидским заливом и с Индией, Бальфур в своей ответной декларации высказался за интернационализацию предприятия и сообщил, что на этот счет уже идут переговоры с германским правительством. Франция в это время уже вела переговоры с Англией о заключении с ней союза и, естественно, старалась привести линию своего политического поведения в соответствие с английской. В Брюсселе 23 октября 1903 г. между представителями французских и германских финансовых групп было подписано соглашение. Однако ратификация его не состоялась.

Осенью того же 1907 г. Лондонский кабинет, только что добившийся

крупного политического успеха, каким являлось для него соглашение с Россией, решил начать активные действия против Германии. В палате общин новый статс-секретарь по иностранным делам, сэр Эдуард Грей, повторил заявление, сделанное его предшественником, маркизом Лансдоуном: всякое стремление изменить положение в районе Персидского залива было бы признано Англией поводом для войны. Направленная в 1903 г. против России, теперь эта угроза имела в виду Германию. В ноябре, во время пребывания Вильгельма II в Лондоне, Грей, согласовав предварительно с Парижским и Петербургским кабинетами, предложил Германии согласиться на интернационализацию Багдадской дороги. Германия отклонила это предложение и лихорадочно усилила свою деятельность в Азиатской Турции. В июне 1908 г. она не только добилась подписания соглашения с турецким правительством о продолжении багдадского пути до Мардина, с веткой на Алеппо (этим она фактически вторглась в зону французского, а отчасти, и английского влияния), но и распространила свою заинтересованность на путь к мусульманским Святым местам (Геджасскую дорогу). Это усиление активности Германии способствовало сближению между Россией и Англией. Обе эти державы в 1908 г. после «Ревельского свидания» решили выступить совместно в Константинополе.

В финансовой конкуренции за предоставление Турции краткосрочного займа победила Германия, вследствие чего ее позиции в получении железнодорожной концессии стали преобладающими. Турецкий министр финансов Джавид-бей, ездивший в Париж и

Лондон, «по дороге» заехал в Берлин. В октябре-ноябре 1910 г. между Дойче банком и Джавидом начались окончательные переговоры о заключении займа, и одновременно германской печатью был поднят вопрос о допущении Турции в Тройственный Союз.

«Сооружение Багдадской железной дороги, – писал германский публицист А. Норден, – должно было до чрезвычайности обострить отношения Германии с великими державами. Ведь Багдадская железная дорога перерезала жизненно важный путь английского империализма, который вел его к азиатским владениям и сферам влияния. Утверждение Германии у Дарданелл и на Черном море ухудшало вместе с тем ее отношения с Россией, и без того в достаточной степени напряженные вследствие поддержки, которую Германия оказывала антирусской политике Габсбургов на Балканах. К тому же в Лондоне и кое-где еще не могли не слышать торжествующих криков пангерманцев и считавших себя умеренными немецких шовинистов, которым казалось, что вся Передняя Азия уже принадлежит немцам» [15, с. 14–15].

Британские и французские предприниматели, так же как немецкие, участвовали в реализации проекта Багдадской железной дороги. В его руководство, наряду с одиннадцатью немцами, входило восемь французских директоров. «Но Великобритания, – по мнению М. Гилберта, – не могла смириться с самой мыслью о контролируемой немцами транспортной артерии протяженностью почти 3000 километров, пересекающей Европу, Анатолию и доходящей до арабских провинций Османской империи: ее существование представлялось британцам угрозой им-

перии и ее интересам в Персидском заливе и Индийском океане» [7, с. 30].

Помимо деструкции британских интересов, наносимых Багдадской железной дорогой в связи с «разгерметизацией» стратегического пути к Индии, ее строительство прямо угрожало интересам Англии на нефтяных приисках Месопотамии.

В конце XIX в. немецкие и английские геологи и путешественники обнаружили мощную нефтяную зону, простирающуюся от Мосула на юго-востоке до Бендер-Абасса, т.е. до Персидского залива. Важнейшими нефтяными участками являлись Гайара, Керкук, Мендели, Каср-и-Ширин и Майдан-и-Нафтун. Эта зона, расположенная, таким образом, на территории Турции и Персии, тотчас стала объектом внимания концессионеров. Первые победы были одержаны англичанами в Персии, нефтяными богатствами которой овладела известная «Англо-персидская компания».

Гораздо труднее оказалось получить нефтяные концессии в Северной Месопотамии. Начиная с XX в., стремления англичан в овладении приисками Месопотамии столкнулись с активностью немецкого капитала. Последнему удалось не только начать работы по прокладке Багдадского пути, но и получить крайне важную для нее нефтяную концессию, распространявшуюся на Багдадский и Мосульский районы (12 сентября 1904 г.)

С целью предотвращения широкомасштабной конкуренции предполагалось создать общество Turkish Petroleum, в котором с акций должно было принадлежать англичанам, а 1/3 – немцам. Однако планам не было суждено сбыться [19, с. 24].

В начале 1914 г. Великобритания в поиске нефтяных ресурсов, прежде всего, для обеспечения топлива своего флота, перехватила инициативу у немцев, заключив соглашение «о преобладающей доле в персидских нефтяных разработках, на которые была нацелена Германия

при постройке Багдадской железной дороги, что еще в большей степени обострило англо-германские отношения» [7, с. 35].

К началу Первой мировой войны Германии удалось добиться ведущего положения в железнодорожном сообщении Турции (см. рис. 3).

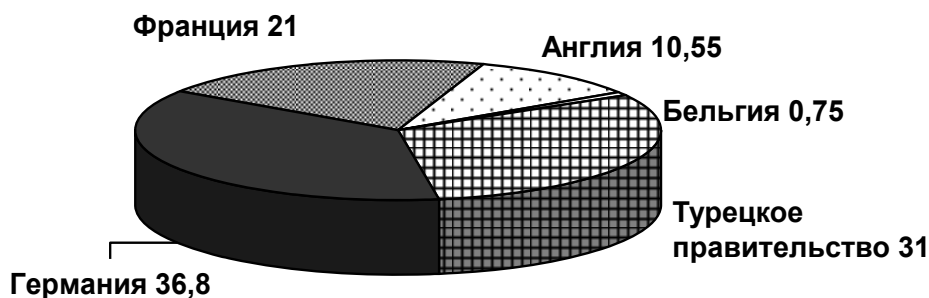

Рис. 3. Участие отдельных держав в контроле над железными дорогами Азиатской Турции (%) (1914 г.)

Источник: [19, с.11]

При этом, например, в Сирии Франция владела 55,5% железных дорог, в Анатолии Франция контролировала железную дорогу Смирна-Кессаба, проходящую по плодородной долине Гермуса и смыкающуюся с Багдадской железной дорогой. Накануне войны Франция вынашивала планы «обширного железнодорожного строительства главным образом, в Восточной Анатолии» [19, с. 12].

Учитывая опасность национальным интересам, обусловленную активизацией европейских держав в железнодорожном строительстве на Ближнем Востоке, остроту противоречий Англии и Германии и затруднительное положение первой в связи с бурской войной, Россия также заявила о своих претензиях на железнодорожное строительство на территориях,

входящих в круг ее сферы внешнеэкономических отношений.

В Петербурге предприняли ряд последовательных попыток проникнуть в южную часть Месопотамии. С этой целью в Тегеране были начаты переговоры о передаче в русские руки Бендер-Аббаса и вместе с тем возбуждено ходатайство о концессии на постройку железной дороги от Тегерана к побережью Персидского залива. Испуганное ростом иностранной предприимчивости в Малой Азии, русское правительство вместе с тем потребовало от турецкого султана ограничения права железнодорожного строительства в полосе, непосредственно примыкающей к кавказской границе. В этой зоне железные дороги могли строиться только Россией и Турцией. (В Петербурге считались с возможностью по-

стройки в ближайшее время железной дороги: Карс-Эрзерум, Эрзерум-Трапезунд.) Соглашение было заключено в марте 1900 г. и вполне отвечало желаниям петербургского кабинета.

К началу Первой мировой войны противоречия великих держав на Ближнем Востоке были затянuty в тугую петлю. Непримируемость каждой из соперничающих сторон была обусловлена величиной понесенных затрат. Французские капиталовложения в Турцию составляли 2,24 млрд франков, Германии – 1,28 млрд франков, Англии – 750 млн. франков. По турецким данным, удельный вес французских финансовых институтов в банках Порты составлял 59%, германских – 22% и английских – 6,8% [20, с. 21]. «Франция является как бы банкиром Турции, – сообщал незадолго до войны морской агент России в Стамбуле, – потому-то во главе турецких финансов и поставлен составитель бюджета Турции француз Лоран» [20, с. 21].

Окрепшие позиции Германии в Турции стали материальной основой ее дипломатического успеха, увенчавшегося 2 августа 1914 г. подписанием немецко-турецкого союзного договора, направленного прежде всего против России и подкрепленного присутствием у берегов Порты военных кораблей «Гебен» и «Бреслау».

Не располагая возможностью полного присутствия в Иране, Великобритания предпринимала усилия для формирования комплиментарной коалиции с Германией для экономического освоения этой страны. Важнейшим предметом вождения интернационального капитала являлось железнодорожное строительство. Именно железнодорожные транспорт-

ные артерии позволяли инвестировать с максимальной прибылью и обеспечить геополитические преимущества владения стратегическими коммуникациями.

В сентябре 1885 г. посол Англии в Берлине Э. Маллет направил канцлеру меморандум, в котором содержался план создания «международной компании персидских железных дорог» под финансовым руководством барона Рейтера. «Мы не хотим, – писал Маллет, – чтобы Россия или Франция принимали участие в реализации плана». О. Бисмарк заметил на полях документа: «Почему бы нет?» [12, с. 18]. С момента описываемых событий экономические отношения Германии и Великобритании в Иране приобрели устойчивый тренд, порождающий непримиримые противоречия.

Депутат Бунзен в выступлении в рейхстаге 15 декабря 1885 г. заявил, что задача германской миссии в Тегеране заключается в том, чтобы подвергнуть глубокому исследованию экономическое положение Ирана и «путем точной информации способствовать развитию отношений германской промышленности и германской торговли с соответствующими областями Центральной Азии» [12, с. 19].

Наряду с увеличением германского экспорта товаров в последнее предвоенное пятилетие в Иране стали строиться промышленные предприятия, принадлежащие немецким фабрикантам. В 1909–1910 гг. была введена в строй ниточная фабрика Кизвини (1500 веретен). В 1912 г. в Берлине возникла компания по импорту восточных товаров «Теппихгезельшафт А.Г.» с филиалами в Стамбуле, Тебризе, Султанабаде, Хамадане, Кермане, Мешхеде

и Ширазе. Компания не ограничилась скупкой ковров, но и организовала собственное ковровое производство. В Тебризе компания построила шерсто-ткацкую и шерстокрасильную фабрики. Успешная деятельность «Теппих-гезельшафт» привела к вытеснению с иранского рынка английской фирмы «Циглер энд К». Ценой больших усилий российскому консульству удалось предотвратить строительство немецким ковровым обществом в 1913 г. фабрики в Тебризе.

В 1914 г. немцами была предпринята неудачная попытка завладеть угольными шахтами в Иранском Азербайджане, находящимися в полосе отчуждения русской железной дороги Джульфа-Тебриз.

По сведениям русского консульства в Тебризе, на освоение территории, входящей в сферу экономических интересов России, немецкие предприятия получали «секретные дотации правительства» [12, с. 182, 184]. Если Россия и Англия для получения преференций были вынуждены обильно сопровождать свои экономические претензии государственными займами (к началу Первой мировой войны первая потратила на эти цели 164 млн. руб., вторая – 10 млн. фунтов стерлингов) [12, с. 180–181], то Германия инвестировала прежде всего в поддержку коммерческих предприятий в Иране. Общая сумма такого рода затрат составила к началу войны 12–15 млн. марок [12, с. 187]. Кроме того, немецкое продвижение в хозяйство Ирана имело не столько экономический, сколько политический смысл – создание геополитического плацдарма для продвижения на Восток.

Балканский узел противоречий

К 1912 г. Германия оставила позади другие европейские страны, кроме Англии, в освоении экономического пространства Балкан. Особую сферу немецких интересов составляли Болгария, Румыния и европейские владения Османской империи.

«Чтобы укрепить эти позиции, Берлин придерживался в балканской политике принципа статус-кво. Германию устраивала сложившаяся ситуация на балканском рынке, обеспечивавшая ее интересы. Экономическое превосходство германского империализма должно было, по замыслам немецкого правительства, способствовать установлению и политической гегемонии Германии на Балканах» [18, с. 15].

Экономической гегемонии Германии на Балканах препятствовал, прежде всего, французский финансовый капитал. В Болгарии и Румынии Франция занимала одно из ведущих мест в числе кредиторов, а в Сербии доминировала в финансовой системе страны. В Сербии Франция контролировала три ведущих банка: Французско-сербский банк, Экспортный банк и Белградский коммерческий банк. Ежегодно Сербия выплачивала Франции в качестве процентов на кредиты более четверти государственного бюджета.

Франции принадлежала ведущая роль в прямых инвестициях в экономику Сербии. В стране функционировали Сербско-французское общество промышленных предприятий, Французско-сербское общество угольной и цементной промышленности [18, с. 27].

Свое доминирование в балканских финансах Франция активно использо-

вала с целью политического давления на страны региона. Так, весной 1912 г. специальный посланник Р. Пуанкаре М. Палеолог предпринял попытку склонить Болгарию к участию в Балканском блоке, пообещав председателю совета министров Болгарии И. Гершову заем в 200 млн. франков. Во время встречи с И. Гершовым М. Палеолог заявил, что Франция дает кредиты «только тем государствам, которые практически идут тем же путем, что и она» [6, с. 38–39].

Английское проникновение в экономику Балкан происходило прежде всего путем овладения подавляющим сегментом внешнеторгового оборота стран региона.

Финансовый инструмент, несмотря на собственное, далекое от благополучного, положение, пыталась использовать Россия для укрепления своих позиций на Балканах. После того, как Болгария объявила 8 октября 1908 г. о своей независимости и отказалась платить Турции компенсации за проходившую по ее территории Восточнорумелистскую железную дорогу, Турция, в свою очередь, угрожая войной, сосредоточила на болгарской границе войска. С целью примирения Турции и Болгарии Россия организовала трехстороннюю финансовую операцию. В Петербурге 6 апреля 1909 г. было заключено финансовое соглашение с Болгарией и Турцией. Тройственное соглашение значительно облегчило финансовое положение Болгарии и Турции. В соответствии с соглашением Россия отказывалась от 500 млн. франков, уплачиваемых Портой в качестве контрибуции после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В свою очередь, Турция отказывалась от получения с Болгарии компенсации за Вос-

точнорумелийскую железную дорогу, перечислив задолженность Болгарии в размере 125 млн. франков на счет России. Последняя сокращала размер платежей с Болгарии до 22 млн. франков и устанавливала льготные условия расщетки [18, с. 46].

Вместе с тем следует отметить, что Россия не уделяла сколько-нибудь серьезного внимания внешнеэкономической политике на Балканах, больше полагаясь на «славянское единство» и неприязнь к туркам. Когда поверенный в делах Цетинье С.А. Лермонтов сообщил в Петербург о готовности Черногории предоставить России концессии на строительство железной дороги от Антивару к Никшичу, а также на сооружение морского порта в Антивару и на разработку полезных ископаемых, С.Ю. Витте отклонил предложение. В резолюции на докладную министра иностранных дел графа В.Н. Ламсдорфа 18 января 1901 г. он написал: «Я нахожу, что у нас не найдется серьезных предпринимателей для этих дел. У нас и самих есть много неразработанных богатств» [18, с. 48].

Однако под давлением буржуазии российское правительство было вынуждено поменять свою экономическую политику на Балканах. Между Россией и Сербией 15 февраля 1907 г. был подписан новый торговый договор на основе принципа наибольшего благоприятствования». В 1908 г. министр торговли и промышленности И.П. Шипов поддержал ходатайство общества судостроителей, механических и литейных заводов г. Николаева на участие в торгах в Сербии и Болгарии на поставку в эти страны речных судов, землечерпалок и строительство мостов через Дунай. С 1908 г. начался

процесс перезаключения торгового договора с Черногорией, который завершился его подписанием в 1909 г.

Для активизации торгово-экономических связей в 1909 г. было принято решение о создании Славянского банка, а в апреле того же года по инициативе Всероссийского славянского съезда были предприняты шаги по учреждению Русско-болгарского банка.

Российские интересы

Немецкое движение на восток шло вразрез с устремлениями российской предпринимательской инициативы. По мере укрепления отечественной промышленности Россия начала формировать собственный центр экономического влияния в странах и регионах, где конкуренция с Западом не приобрела антагонистического характера: в Северном Китае, Афганистане, Северном Иране, Корее. Созданный Русско-Китайский банк инвестировал в восточное внешнеэкономическое направление России [23, с. 32].

Даже не сравнимые по уровню амбиций с другими развитыми странами попытки российского капитала продвинуть собственные интересы за пределы империи встречали сопротивление Германии, активизация внешнеэкономической деятельности которой «трагически» совпала с внешнеэкономическими направлениями России.

Важнейшим, с точки зрения обеспечения экономических приоритетов России, являлся вопрос о черноморских проливах, «через которые проходило 37% российского экспорта» [24, с. 38–39]. Напутствуя генерала Лемана фон Сандерса командовать Константинопольским гарнизоном в 1913 г.,

кайзер Вильгельм II приказывал: «Сколотите мне новую крепкую армию, которая будет подчиняться моим приказам», а в феврале 1914 г. военная разведка России передала правительству секретный немецкий меморандум, согласно которому Германия планировала завладеть Дарданеллами «и закрепить за кайзеровскими офицерами командование артиллерийскими батареями на проливах» [24, с. 39].

При этом проблема проливов, являвшихся главной артерией экспорта хлеба, для аграрной России была жизненно важной. За период с 1906 по 1910 гг. вывоз зерновых из портов Черного моря составил 4691 тыс. тонн, в то время как порты Азовского моря отгрузили 2825 тыс. тонн, Балтийского – всего 1081 тыс. тонн, «т.е. более 80% экспортировались через порты Черного и Азовского морей» [13, с. 65].

Западные державы были заинтересованы в установлении режима использования проливов, не учитывающего интересы прибрежных государств. В своих притязаниях на доминирование в контроле над черноморскими артериями Турция опиралась на поддержку европейских держав и прежде всего Германии. Вместе с тем: «Лондонский кабинет как в устных заявлениях, так и в меморандумах признавал особую заинтересованность России в Проливах и выражал готовность содействовать решению вопроса об их статусе» [13, с. 67].

Однако, несмотря на заинтересованность России в изменении условий Берлинского трактата (запрещающего свободный проход военных кораблей России через Проливы), ее особая позиция не была зафиксирована в российско-английском соглашении 1907 г.

Осенью 1907 г. при личной встрече короля Британии Эдуарда VII и российского монарха в Ревеле, английский король, по словам члена Государственного совета А.А. Половцева, «Обещал нашему императору а) добиться открытия для нашего флота свободного прохода через Дарданеллы, б) устроить приобретение для нашего флота угольной станции в Тихом океане, в) повлиять на английских банкиров в смысле доставления нам денег, потребных для построения Амурской дороги» [13, с. 68].

Российской дипломатии не удалось использовать озабоченность Британии укреплением на Балканах позиций Германии и особенно Австрии в связи с боснийским кризисом 1907–1908 гг. с целью реализации своих позиций по проливам, так же, как, впрочем, новых условий, открывающихся в связи с итало-турецкой войной 1911–1912 гг.

Однако итало-турецкая война окончательно артикулировала «англо-германское и французское противоборство за политическое и экономическое влияние в Турции, противоречия Италии, Австро-Венгрии и России на Балканах» [25, с. 132].

Об интересах России после этих событий в августе 1912 г. определенно высказался российский военно-морской агент в Лондоне Н.Г. Рейн:

«а) Ослабление и ухудшение Турции до распада.

б) Взаимное связывание других балканских государств.

в) Всемерное ослабление Австрии нарочитой ссорой с Италией, Албанией, Сербией и т.д.

г) Улучшение отношений Антанты с Италией, Грецией и принуждение других к дружбе.

д) Владение Дарданеллами и Эгейским морем. Передовой опорный пункт – Крит.

е) Поощрение русской морской торговли, особенно черноморской. Рынки – Турция (и Малая Азия), Греция, Красное море, Северная Африка.

ж) В случае владения Эгейским морем содержание флота, равного 1, 5 флотам Австрии и Греции. В планы Австрии входило: «поглотить Сербию; владея Салониками, командовать Эгейским морем и всей торговлей (из Черного моря тоже); натравить болгар на Константинополь и Россию и, подогревая шовинизм болгар, ссорить оба государства» [1, с. 98].

После поражения Турции в Балканских войнах 1912–1913 гг. в официальном Санкт-Петербурге обсуждались «планы решительных действий в зоне Проливов» [13, с. 76]. Однако, воспользовавшись сложным положением Турции, Германия для размещения на берегах Босфора осенью 1913 г. «военной миссии во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом». Озабоченность по поводу немецких позиций на проливах привела официальный Санкт-Петербург «к намерению «перейти к всемерному сплочению Тройственного соглашения» [13, с. 79, 80].

С 1888 г. основным источником финансирования российской индустриализации стал французский капитал. Сумма российских займов и инвестиций из Франции достигла значительных размеров и составила 25 млрд. франков золотом. Благодаря французскому займу 1906 г. России удалось преодолеть трудности, связанные с поражением в войне с Японией [9, с. 12].

Французский капитал активно инвестировался не только в российский

государственный долг, но и в финансирование индустриализации страны. При участии банка «Креду мобилъе» был учрежден Азовско-Донской коммерческий банк с капиталом в 3 млн. руб. В мае 1875 г. «Французское горнопромышленное общество» начало разработку Донецкого бассейна. «Акционерное общество железоделателей и сталелитейного завода Гуми-Банкова в Домброве» было учреждено в Париже в 1877 г. В 1879 г. открыл свою деятельность на территории России банк «Лионский кредит», а в 1881 г. начало функционировать «Общество Криворожских железных руд», в 1884 г. – «Общество камских железо- и сталелитейных заводов» и «Общество для разработки каменной соли и натуральной соды в южной России». В 1885 г. французская финансовая группа Ротшильда инициировала создание общества «Русский стандарт», а на основе приобретенного Батумского нефтяного и торгового общества учредила «Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество» с первоначальным капиталом до 6 млн. руб. [3, с. 58].

Парижская биржа приобрела перед войной значение основного фондового рынка России. Именно котировки российских ценных бумаг на бирже в Париже определяли капитализацию многих банков и промышленных предприятий. Накануне мировой войны на парижской бирже торговались 140 русских ценных бумаг на сумму 8547,86 млн. руб.

«Париж стал центром для многочисленных русских ценностей, – говорилось в «Русском биржевом ежегоднике» за 1914–1915 гг. – Можно даже сказать, что переговоры об образо-

вании многих русских акционерных промышленных предприятий прежде всего велись в Париже. Многочисленные предприятия, которые формально носят немецкий, бельгийский или английский штампель, были подготовлены и созданы в Париже. Тот, кто внимательно следит за ежедневной жизнью петербургской биржи в последние годы, знает, каким магическим словом для биржевых деятелей является «Париж», стоит лишь распространиться слуху, что такую-то и такую-то бумагу предполагается, хотя бы и в отдаленном будущем, ввести в котировку на парижской бирже, как курс ее немедленно и сильно поднимается» [3, с. 61].

В результате российско-английского соглашения с каждым годом рос приток капитала из Великобритании. В январе 1912 г. в Петербурге встречали парламентскую делегацию Англии. В приеме участвовали российско-британские деловые круги. Газета «Звезда» по случаю этого события писала: «Мы знаем, что представители русской буржуазии, заинтересованные в привлечении иностранных капиталов в Россию, заинтересованные в дешевом английском кредите, в высшей степени заинтересованы в братском единении с богатым энергичным иностранцем. И им, действительно, есть отчего ликовать. Знатные иностранцы, приехавшие к нам, в борьбе и погоне за все новыми и новыми рынками с явным вождением смотрят на «обновленную» Россию, как на огромнейшую колонию, куда можно будет сбывать бесчисленные товары английского производства. Услуга за услугу: вам нужен капитал – извольте; нам нужны рынки – пожалуйста их нам» [11, с. 14].

Выпуск займов в Англии обходился русскому бизнесу значительно дешевле, чем во Франции или Германии. Велико-

британия ежегодно ссужала России от нескольких десятков до ста с лишним миллионов рублей (см. табл. 2).

Таблица 2

Русские займы, размещенные в Англии (в тыс. ф. ст.)

Вид займов	Годы									Всего
	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Первая половина 1914	
Государственные	11660	-	-	5285	-	-	-	-	-	16945
Железнодорожные	-	-	1113	4856	1135	1866	1365	5111	2880	18326
Городские	-	-	1653	985	1843	480	4732	3109	2060	14862
Всего	11660	-	2766	11126	2978	2346	6097	8220	4940	50133

Источник: [11, с. 21]

Около половины английских кредитов (48%) направлялось на строительство железных дорог. (1908-1914: Армавир-Туапсе, Троицкая, Юго-Восточная, Черноморско-Кубанская, Финляндская, Кахетинская и др.). В 1908-1914 гг. на Лондонском финансовом рынке было реализовано 15 займов

российских городов.

Приток британских инвестиций особенно усилился в 1908-1914 гг. (см. табл. 3) Этот период характеризуется масштабными промышленными инвестициями, по уровню которых Англия опередила Германию и Бельгию и составила конкуренцию Франции.

Таблица 3

Английские инвестиции в России (в тыс. ф. ст.)

Отрасли вложения	Годы						
	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Пер. пол. 1914
Горнодобывающая про- мышленность (без нефти)	913,9	52,5	212,5	217,5	-	447,4	-
Нефтяная промышленность	-	186,2	1272,2	261,5	2179,2	287,5	470,6
Предприятия по изысканию богатств недр	-	-	-	446,3	418,6	-	1070
Банки	-	-	-	1300	1444	-	1551,3
Земля и недвижимость	-	-	292,5	-	-	-	-
Торговля	-	20	-	-	-	-	61,5
Пищевая промышленность	-	-	-	-	75	-	-
Всего	913,9	258,7	1777,2	2225,3	4116,8	734,9	3153,4

Источник: [11, с. 27]

Из четырех монополистических групп российской нефтяной промышленности две («Шелл» и Нефтепромышленная финансовая корпорация) полностью контролировались англичанами.

Английский бизнес контролировал большую часть медной промышленности России, более десятка золотодобывающих предприятий. Совокупная доля Франции и Великобритании в иностранных инвестициях в России в 1914 г. составляла 54,6%, в то время как на Германию приходилось менее пятой части всех российских инвестиций.

Наряду с политическим противостоянием Тройственному союзу (Германия, Австрия, Италия (1882 г.)), глубокая инкорпорированность французского капитала в экономику России стала материальным основанием Франко-Русского союза 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.), обязывающего стороны помогать друг другу в случае нападения стран членов Тройственного союза [21, с. 277–280].

Не оправдавшиеся надежды Великобритании занять положение «стороннего наблюдателя» столкновения экономических интересов европейских держав закономерно направляли вектор ее внешнеполитической ориентации в сторону России и Франции. Однако на пути сближения (особенно с Россией) лежал преградой исторический опыт противостояния в Восточной войне 1853–1856 гг., английской военной помощи Турции в 1877–1878 гг., негативной роли Англии в Берлинском конгрессе, содействие англичан поражению России в войне с Японией 1904–1905 гг. Вплоть до начала XX столетия не были урегулированы экономические франко-британ-

ские отношения в Египте и Марокко. И только в 1904 г. Франция и Англия подписали *Entente Cordiale* («сердечное согласие»), снимающее эти противоречия и явившееся реальным шагом на пути создания Антанты, союза Англии, Франции и России [7, с. 26].

В 1907 г. Великобритания подписала соглашение, направленное на преодоление затяжных англо-русских противоречий о сферах влияния в Персии и Афганистане.

«Старые» державы Европы

Две «старых» державы Европы, Великобритания и Франция, предпринимали отчаянные меры мирной борьбы с немецкой гегемонией в нарождающейся международной экономической архитектуре. В Англии внимательно изучался опыт «германского восхождения»; для внедрения новейших технологических разработок привлекались лучшие ученые умы; устраивались научно-технические выставки и съезды. Однако отставание в темпах развития ведущих европейских держав от Германии было столь ощутимым, что вернуть прежние экономические позиции, используя эти меры, не представлялось возможным. Конечно, оставался неоднократно используемый в историческом прошлом вариант введения бойкота. Однако средствами и необходимым временем для организации бойкота, так же как создания таможенного объединения с колониями, европейские страны не располагали.

Справедливости ради следует заметить, что роль мирового капиталистического интернационала в развязывании мирового конфликта не следует сводить исключительно к инициированию противоречий. Вследствие сво-

ей природы капитал (особенно финансовый, оторванный от национальных материальных активов), как правило, лишен нравственных ограничений и чужд всякого рода «препятствиям», в том числе государственным границам, суверенитетам и национальным правовым системам. «Крупп и Виккерс, – писал М.П. Павлович (Мих. Вельтман), – конкурируют друг с другом, все же входят в один и тот же международный синдикат военных заводчиков, английская и германская военная индустрия образуют совместно один трест, поделивший всю Европу на эксплуатационные участки, более того, некоторые немецкие металлурги-сты с своим “патриотизме” доходят до того, что содействуют усилению военной мощи Франции, открывая в этой стране промышленные предприятия вроде «Hauts Fourneaux de Caen», основанных Тиссенем; все эти «патриоты своего отечества» члены одного и того же международного интернационала смерти и разрушения совместными усилиями толкают народы к новым и новым вооружениям и связанным с последними непосильными расходами, и в результате положение настолько запутывается, что сами пушечные короли начинают помышлять о том, как бы разрубить созданный ими же Гордиев узел традиционным способом, именно – ударом меча и страшной силой выкованных на их фабриках орудий разрешить все противоречия, созданные естественной эволюцией капитализма и неизбежно сопутствующего ему милитаризма» [17, с. 32].

Английские деловые круги, в принципе чуждые военному разрешению экономического соперничества, все более склонялись к неизбежности во-

енного столкновения. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что в стремлении добиться собственных экономических преференций, оставаясь «над назревающей» войной, Великобритания не оставляла таких попыток вплоть до ее начала. В частности, 13 августа 1913 г. Англия и Германия тайно договорились «о создании потенциальных сфер влияния в португальских владениях в Африке», а соглашением 20 октября 1913 г. (заключенным спустя два дня после австрийского ультиматума Сербии) устанавливался англо-германский контроль над Анголой и Мозамбиком [7, с. 36].

Противоречия на Дальнем Востоке

Сферу особых интересов мировых держав составлял Китай. Некогда могущественная империя к середине XIX в. представляла собой раздираемую противоречиями страну. Западные державы, благодаря силовому нажиму или займам, подкупу чиновников создали на территории Китая обширные зоны своего исключительного доминирования.

Русский дипломат Н.П. Игнатьев сумел склонить власти Китая к заключению в 1860 г. договора, согласно которому за Россией закреплялись все земли по левому берегу Амура и территория между рекой Уссури и Тихим океаном.

Иностранцы хозяйничали, пользуясь правами экстерриториальности, уплачивая чисто символическую пошлину. Десятки портов Китая открылись для торговой экспансии западных стран. Против попрашения национальных интересов выступили ихэтуани («отряды справедливости и гармонии»). Выступление вылилось в широ-

кое восстание (1898-1891 гг.), которое было подавлено Британией, Россией, Францией, Германией, Австро-Венгрией, Италией, США и Японией.

Россию привлекала в разделе Китая возможность приобретения незамерзающего порта для Сибирской железнодорожной магистрали, сооружение которой началось в 1891 г. Такой порт можно было приобрести только в Корее или на Тихоокеанском побережье Китая. С этой целью в 1896 г. был подписан тайный российско-китайский договор. Согласно договору, Россия получала право на строительство Китайско-Восточной железной дороги, целый ряд торговых льгот, аренду Порт-Артура и Даляня на 25 лет. Одновременно России разрешалась эксплуатация угольных месторождений на территории, входящей в круг российских интересов.

В ответ на враждебные действия губернатора Цицикара Шоу Шаня в 1900 г. мобилизованные российские поселенцы и регулярные войска завладели Амуром и штурмом взяли Айгунь. Инцидент стал поводом для широкомасштабной войны, в результате которой были заняты китайские города Сансин, Ашэхэ, Хайлар, Цицикар, Хуланьчен, Мэр Гэнь, Гирин, Мукден, Хунчунь, перевал на Малом Хингане и установлен контроль над всей КВЖД. Русские войска 1 августа 1900 г., вместе с немцами и англичанами, вошли в Пекин. Столица Китая была поделена на зоны оккупации: восточная – российская, южная – англоамериканская, северная – японская.

После неудачной попытки китайских патриотов сбросить иностранное иго Россия ввела войска в Маньчжу-

рию. Но «укоренение» России в Маньчжурии и продвижение на Корейский полуостров встретили сопротивление Японии, считавшей этот регион зоной своих исключительных интересов. Русско-японские противоречия привели к развязыванию войны. Канцлер Германии Бюлов говорил о причинах войны так: «Граф Остен-Сакен, старый опытный дипломат, не без основания еще осенью 1903 г. сравнивал в разговоре со мной трения между Россией и Японией с началом мексиканской авантюры. Русско-японская и мексиканско-французская войны имеют сходство в том, что обе начались из-за нечистых биржевых спекуляций. Они имеют сходство и в том, что эти инсценированные биржевыми дельцами военные предприятия драпировались патриотическими фразами как дальновидные политические начинания». Один из свидетелей этих событий И.В. Кулаев прямо указал на виновников трагедии: «Виновником Русско-японской войны, если не прямым, то косвенным, часто называют Безобразова, весьма известное в Петербурге лицо. Этот энергичный деятель получил в Корею, в бассейне реки Ялу, большую лесную концессию, для эксплуатации каковой составил товарищество, в которое вошли крупные и важные столичные персоны. Эти господа и были против каких-либо уступок Японии – особенно в корейском вопросе – и довели Россию до войны» [4, с. 29].

Поражение в русско-японской войне нанесло тяжелейший урон экономическим интересам России и окончательно поставило российскую внешнюю политику в зависимость от англо-французских займов.

* * *

Таким образом, контуры экономических противоречий и интересов европейских держав, отчетливо проявившиеся к концу первого десятилетия XX столетия, создали материальную основу военно-политических союзов Первой мировой войны. Эскалация англо-франко-российских и австро-германо-турецких экономических противоречий в предвоенное пятилетие приобрела необратимый характер. Принадлежность к Тройственному союзу или Антанте

совсем не означала полного забвения противоречий внутри самих блоков. Однако, в отличие от последних, разрешение межблокового конфликта экономических интересов, носившего антагонистический характер, могло произойти только со сменой гегемона, определявшего «правила игры» на мировых рынках. Весь XIX в. таковым являлась Великобритания, в непримиримую борьбу за статус которого вступил новый индустриальный гигант – Германия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетян М.Э., Могилевич А.А. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М.: Госполитиздат, 1940. 296 с.
2. Байов А.К. Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллинн-Ревель. [Б/и] 1927. 122 с.
3. Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны: отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М.: МГУ, 1961. 208 с.
4. Виллмотт Г.П. Первая мировая война. М.: Ломоносовъ, 2010. 335 с.
5. Вирт А. Народное могущество и мировая война в истории // Цели войны Германии согласно немецким источникам. Париж. 1917.
6. Галкин И.С. Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав // Вестник Московского университета. Серия: Общественные науки. Т. 11. 1956. № 1. С. 9–40.
7. Гилберт М. Первая мировая война. М.: КоЛибри, 2016. 768 с.
8. Дурново П.Н. Будущая англо-германская война превратится в вооруженное столкновение между двумя группами держав // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи / Сост. А.В. Репников, Е.Н. Рудая, А.А. Иванов. М., 2014. 414 с.
9. Звавич А.И. Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М.: Учпедгиз, 1962. 144 с.
10. Зуев Ф. Международные отношения накануне и в годы Первой мировой войны. М., [Б/и] 1956. 88 с.
11. Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М.: Соцэкгиз, 1962. 242 с.
12. Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1979. 224 с.
13. Лунева Ю.В. Черноморские проливы в международных отношениях России и европейских держав накануне Первой мировой войны // Забытая война и преданные герои. М.: Вече, 2011. С. 65–86.
14. Миллер А.Ф. Турция и Германия в годы Первой мировой войны. М.: Лекционное бюро при Ком. по делам высш. школы при СНК СССР, 1944. 28 с.
15. Норден А. Уроки германской истории. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 330 с.

16. Нотович Ф.Я. Империалистические противоречия накануне Первой мировой войны // Исторические записки. 1947. № 23. С. 185-250.
17. Павлович М.П. (Мих.Вельтман) Основы империалистической политики и мировая война. Милитаризм, маринизм и война 1914-1918 гг. (Военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны). М.: Жизнь и знание, 1918. 128 с.
18. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985. 286 с.
19. Раздел Азиатской Турции: по секретным документам Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. М.: Литиздат НКВД, 1924. 390 с.
20. Саркисян Е.К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы Первой мировой войны. Ереван: Изд-во Академии наук Армянской ССР, 1962. 245 с.
21. Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917 гг.) / под ред. Е.А. Адамова М.: Госполитиздат, 1952. 350 с.
22. Силин А.С. Германо-турецкие отношения накануне Первой мировой войны (Первый конгресс балканских исследований: София, 26 августа – 1 сентября 1966 г.). [б.м.]: [Б.и.], 1966. 23 с.
23. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.
24. Хейстингс М. Первая мировая война: катастрофа 1914 года. М.: Альпина нон-фикшн 2015. 604 с.
25. Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911-1912 гг. М.: Наука, 1967. 202 с.

REFERENCES

1. Airapetyan M.E., Mogilevich A.A. Na putyakh k mirovoi voine 1914–1918 gg [On the Way to World War of 1914–1918]. M., Gospolitizdat, 1940. 296 p.
2. Baiov A.K. Istoki velikoi mirovoi dramy i ee rezhissery. [The Origins of the Greatest World Drama and its Directors]. Tallinn-Reval[, B.i., 1927. 122 p.
3. Bovykin V.I. Iz istorii vozniknoveniya Pervoi mirovoi voyny: otnosheniya Rossii i Frantsii v 1912–1914 gg. [From the History of World War I: Relations between Russia and France in 1912–1914]. M., MGU, 1961. 208 p.
4. Villmott G.P. Pervaya mirovaya voina [World War I]. M., Lomonosov", 2010. 335 p.
5. Virt A. Narodnoe mogushchestvo i mirovaya voina v istorii [National Power and World War in History] Tseli voyny Germanii soglasno nemetskim istochnikam [The War Aims of Germany According to German Sources]. Paris, 1917.
6. Galkin I.S. Obrazovanie Balkanskogo soyuza 1912 g. i politika evropeiskikh derzhav [The Formation of the Balkan Alliance of 1912 and the Policy of the European Powers] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki [Vol. 11]. 1956. no. 1. pp. 9–40.
7. Gilbert M. Pervaya mirovaya voina [World War I]. M., KoLibri, 2016. 768 p.
8. Durnovo P.N. Budushchaya anglo-germanskaya voina prevratitsya v vooruzhennoe stolknovenie mezhdv dvumya gruppami derzhav [A Future Anglo-German War will Become an Armed Clash between the Two Groups of Powers] Svet i teni Velikoi voyny. Pervaya mirovaya v dokumentakh epokhi / Sostaviteli A.V. Repnikov, E.N. Rudaya, A.A. Ivanov [Light and Shadows of the Great War. World War I in Documents of the Period / Authors: A.V. Repnikov, E.N. Ruda, A.A. Ivanov]. M., 2014.
9. Zvavich A.I. Obostrenie protivorechii mezhdv imperialisticheskimi derzhavami nakanune Pervoi mirovoi voyny [The Aggravation of Contradictions between the Imperialist Powers on the Eve of World War I]. M., Uchpedgiz, 1962. 144 p.

10. Zuev F. Mezhdunarodnye otnosheniya nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny. [International Relations before and during World War I.]. M., [B.i.], 1956. 88 p.
11. Ignat'ev A.V. Russko-angliiskie otnosheniya nakanune Pervoi mirovoi voyny (1908-1914 gg.) [Russian-English Relations on the Eve of World War I (1908-1914.)]. M., Sotsekgiz, 1962. 242 p.
12. Istyagin L.G. Germanskoe pronikновение v Iran i rusko-germanskije protivorechiya nakanune Pervoi mirovoi voyny [The German Penetration into Iran and the Russian-German Conflict on the Eve of World War I]. M., Nauka, 1979. 224 p.
13. Luneva YU.V. Chernomorskie prolivy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh Rossii i evropeiskikh derzhav nakanune Pervoi mirovoi voyny [The Black Sea Straits in International Relations of Russia and the European Powers on the Eve of World War I] Zabytaya voyna i predannye geroi [The Forgotten and Betrayed War Heroes]., Veche, 2011. pp. 65-86
14. Miller A.F. Turtsiya i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voyny. [Turkey and Germany during World War I]. M., Lektsionnoe byuro pri Komitete po delam vysshei shkoly pri SNK SSSR, 1944. 28 p.
15. Norden A. Uroki germanskoi istorii [The Lessons of German History]. M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1948. 330 p.
16. Notovich F.YA. Imperialisticheskie protivorechiya nakanune Pervoi mirovoi voyny [Imperialist Contradictions on the Eve of World War I] // Istoricheskie zapiski. 1947. no. tom 23. pp. 185-250.
17. Pavlovich M.P. (Mikh.Vel'tman) Osnovy imperialisticheskoi politiki i mirovaya voyna. Militarizm, marinizm i voyna 1914-1918 gg. (Voennye byudzhety i voennye sily evropeiskikh gosudarstv nakanune voyny) [Foundations of Imperialist Policy and World War. Militarism, Marinism and the War of 1914-1918 (Military Budgets and Military Forces of European States on the Eve of the War)]. M., ZHizn' i znanie, 1918. 128 p.
18. Pisarev YU.A. Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoi mirovoi voyny [The Great Powers and the Balkans on the Eve of World War I]. M., Nauka, 1985. 286 p.
19. Razdel Aziatskoi Turtsii: po sekretnym dokumentam Ministerstva inostrannykh del [The Asian Section of Turkey: Secret Documents of the Ministry of Foreign Affairs]. M., Litizdat NKID, 1924. 390 p.
20. Sarkisyan E.K. Ekspansionistskaya politika Osmanskoi imperii v Zakavkaz'e nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny [The Expansionist Policy of the Ottoman Empire in Transcaucasia on the Eve and during World War I]. Yerevan, Izd-vo Akademii nauk Armyanskoi SSR, 1962. 245 p.
21. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami (1856-1917 gg.) [Collection of Treaties of Russia with Other States (1856-1917 gg.)]. M., Gospolitizdat, 1952. 350 p.
22. Silin A.S. Germano-turetskie otnosheniya nakanune Pervoi mirovoi voyny (Pervyi kongress balkanskikh issledovaniy: Sofiya, 26 avgusta - 1 sentyabrya 1966 g.) [German-Turkish Relations on the Eve of World War I (First Congress of Balkan Studies, Sofia, 26 August - 1 September 1966)]. [b.m.], [B.i.], 1966. 23 p.
23. Utkin A.I. Pervaya mirovaya voyna [World War I]. M., Algoritm, 2001. 592 p.
24. Kheistings M. Pervaya mirovaya voyna: katastrofa 1914 goda [World War I: the Catastrophe of 1914]. M., Al'pina non-fikshn, 2015. 604 p.
25. Yakhimovich Z.P. Italo-turetskaya voyna 1911-1912 gg [Italo-Turkish War 1911-1912]. M., Nauka, 1967. 202 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: korrka@mail.ru

Абрамова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail:

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yegorov Vladimir G. – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Politology and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: korrka@mail.ru

Abramova Yulia A. – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Politology and Law, Moscow State Regional University;
e-mail:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Егоров В.Г., Абрамова Ю.А. Экономические интересы ведущих держав мира и их влияние на формирование военно-политических блоков в начале XX столетия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 8–31.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-8-31

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Yegorov, Yu. Abramova. Economic interests of the leading powers and their influence on the forming of political-military blocks in the early XX century // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 8–31.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-8-31

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 94(470):930.25

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-32-38

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ РСДРП

Савельев П.Ю.

*Московский областной государственный университет
105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен краткий обзор документальных коллекций по истории РСДРП, хранящихся в зарубежных архивах. Они представляют безусловный интерес для отечественных исследователей истории российской социал-демократии. Вместе с тем эти материалы пока еще мало используются отечественными историками, в том числе и в силу недостаточной их информированности о местоположении и составе этих коллекций.

Ключевые слова: Источники по истории РСДРП, зарубежные архивы, коллекции партийных документов.

FOREIGN COLLECTIONS OF DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE RSDLP

P. Savel'ev

*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article presents a brief overview of documentary collections on the history of the RSDLP stored in foreign archives. They are undoubtedly of some interest for domestic researchers of the history of the Russian social democracy. However, these materials are still rarely used by the native historians, including due to the lack of awareness about the location and composition of these collections.

Key words: Sources on the history of the RSDLP, foreign archives, collections of party documents.

Обзоры документальных коллекций по истории РСДРП, находящихся за рубежом, в отечественной историографии редки [см., напр.: 1, с. 83–98]. Между

© Савельев П.Ю., 2016.

тем хранящиеся в них документы представляют безусловный интерес, зачастую уникальны, а в комплексе с материалами отечественных архивов они открывают совершенно новые возможности для реконструкции истории РСДРП.

Формирование зарубежных архивных коллекций по истории российской социал-демократии прошло длительную и сложную историю. Основу их составили документальные комплексы организаций и личные архивы деятелей РСДРП, которые было физически невозможно вывезти с собой в революционную Россию в 1917 г. политическим эмигрантам. С начала 1920-х гг. началось формирование, с одной стороны, советских историко-партийных архивов, а с другой, – зарубежных коллекций. Причем документы и документальные комплексы перемещались как из Европы в СССР (части личного архива В.И. Ленина, библиотека и архив РСДРП, библиотека имени Г.А. Кукина, личный архив Г.В. Плеханова и др.), так и в обратном направлении с новой волной эмиграции, в составе которой было немало социал-демократов. В Европе они первоначально концентрировались в Берлине в составе архива РСДРП, в создании которого выдающуюся роль сыграл Б.И. Николаевский [3], и архива Бунда. В то же время отдельные документы и коллекции продавались и покупались в виде оригиналов или копий, в том числе и советскими архивно-исследовательскими учреждениями. С фашистским переворотом в Германии в 1933 г. часть документов российских социал-демократов была утрачена, другая переместилась во Францию, откуда начала постепенно растекаться по иным

странам, прежде всего в США и отчасти в Голландию, в созданный в Амстердаме Международный институт социальной истории (IISH). Наконец, в годы Второй мировой войны часть европейских документальных собраний удалось эвакуировать в США или спрятать в европейских странах, другая часть была вывезена в Германию, откуда после войны она попала либо в СССР, либо в США. Понятно, что в результате некоторые документы и вовсе были утрачены. Во всех этих перемещениях опять значительную роль сыграл Николаевский [2, с. 472, 473, 476, 479; 5, с. 262–277, 297–308, 347–352; 15].

Таким образом, к 1960-м гг. значительная часть документальных собраний по истории РСДРП за рубежом сосредоточилась в США [4; 7; 8]. Причем в крупнейшем американском архиве – Национальном архиве США в Вашингтоне (The National Archives of the United States) такого рода документы представлены слабо [11, р. 5, 155–159]. То же касается и крупнейшей научной библиотеки США – библиотеки Конгресса в Вашингтоне (The Library of Congress) [7, р. 125, 135]. Литературой, периодикой и листовками РСДРП обладают ряд библиотек американских университетов и Нью-Йоркская публичная библиотека (The New York Public Library, NYPL). Последняя располагает также коллекциями документов Департамента полиции и А.И. Балабановой [7, р. 386, 387, 389]. При Гарвардском университете в библиотеке Хаутона (Houghton library) хранятся весьма информативные архивы Л.Д. Троцкого и Г.А. Алексинского [8, р. 75; 12, р. 24; 13], а в библиотеке Мичиганского университета (University of Michigan Library, Энн-Арбор, Ми-

чиган) – коллекция В.С. Войтинского [7, р. 247].

Наиболее крупными американскими собраниями документов по истории РСДРП располагают три архивно-исследовательских центра: Гуверовский институт войны, мира и революции (НИА) при Стенфордском университете в Калифорнии, Архив Бунда в Нью-Йорке в составе Института еврейских научных исследований (YIVO) и Бахметьевский архив (BAR) при Колумбийском университете в Нью-Йорке.

Архив Гуверовского института [9] сложился на основе пожертвований личных фондов, документов, закупленных в разное время у частных лиц. Он располагает коллекциями «Российская социал-демократическая рабочая партия», хронологически охватывающей период 1904-1909 гг., «Кризис партии», содержащей источники о деятельности большевиков в 1905-1923 гг., коллекцией В. Рэмпли-Смита, который после Февральской революции 1917 г. вывез в США секретные дела Петербургского охранного отделения, архивом заграничного охранного отделения Департамента полиции («Парижская охранка»). Информация о работе агентов царской полиции в революционном движении содержится также в бумагах В.Л. Бурцева [9, р. 40-43, 72, 76]. Особое место в архиве Гуверовского института занимает коллекция Б.Н. Николаевского, насчитывающая 400 боксов [6]. В ней среди прочего собраны различные документы о деятельности большевиков, меньшевиков, имеются оригиналы и копии писем Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, Ю.О. Мартова, А.Н. Потресова, И.Г. Церетели, Л.Д. Троцкого, А.С. Мар-

тынова, С.Ю. Семковского и других видных партийных деятелей. Особую ценность ей придает то, что Николаевский был большим знатоком истории РСДРП, не только целенаправленно собирал эти документы десятки лет, но и грамотно и обстоятельно атрибутировал и комментировал их.

Архив Бунда в составе Института еврейских научных исследований хранит разнообразные материалы, характеризующие не только деятельность Бунда, но и в целом российское социал-демократическое движение, и среди них редкие листовки, прокламации, нелегальные брошюры. В отличие от архива Гуверовского института, архив Бунда сложился как хранилище делопроизводства действовавшей политической организации. Значительная часть входящих в него материалов охватывает деятельность группы «Освобождение труда», «Союза русских социал-демократов», РСДРП, зубатовских организаций и др. В биографических секциях специально подобраны коллекции документов о В.И. Ленине, Г.В. Плеханове, Ю.О. Мартове и других лидерах РСДРП, пополнение которых продолжается и сегодня. Некоторое представление о его составе дает фонд 271 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), состоящий из скопированных в архиве Бунда в 1927 г. документов.

Третьим значительным собранием документов РСДРП является Бахметьевский архив (Bakhmeteff Archive, BAR) при Колумбийском университете (Нью-Йорк), созданный в 1951 г. в составе библиотеки Батлера. Основу его составила коллекция, собранная Б.А. Бахметьевым (1880-1951) – ученым-

гидродинамиком, бывшим послом Временного правительства в США, общественным деятелем русской эмиграции. Здесь собраны русские газеты всех политических направлений, журналы, листовки, памфлеты, брошюры, фотографии, хранится неопубликованная корреспонденция Г.В. Плеханова, А.А. Богданова, А.А. Лозовского, М.Н. Покровского, А.В. Луначарского и других деятелей российского социал-демократического движения. В 1902-1907 гг. Бахметьев был активным деятелем РСДРП, в 1906-1907 гг. – членом ЦК этой партии, чем и объясняется его интерес к ее истории.

В архиве размещена также коллекция Г.А. Алексинского, в которой представлены материалы о деятельности социал-демократической фракции во II Государственной думе, документы заграничной фракционной группы «Вперед» за 1909-1914 гг., социал-демократической школы на Капри. В составе коллекции имеются оригиналы писем Ю.О. Мартова, Н.И. Бухарина, А.А. Богданова, Л.Б. Каменева, К. Каутского, Н.К. Крупской, В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, С.Ю. Семковского, Л.Д. Троцкого, Н.Е. Вилонова, В.С. Войтинского, Г.Е. Зиновьева, В.А. Антонова-Овсенко. Кроме того, данные о деятельности российских социал-демократов можно найти в коллекциях А.И. Балабановой, Р.А. Абрамовича, И.Г. Церетели, Б.М. Сапира и др. [7, р. 253]. Здесь же хранится и не обработанная еще коллекция историка Л. Хеймсона – руководителя т.н. «Меньшевицкого проекта».

В Европе наиболее интересным для историков РСДРП является архив Международного института социаль-

ной истории в Амстердаме (МИСИ, The International Institute of Social History, IISH). В 1935-1940 гг. к формированию его фондов был причастен руководитель его Парижского бюро, уже неоднократно упоминавшийся Николаевский [2, с. 474-475]. Благодаря ему институт приобрел коллекции документов К. Каутского, Г. Фольмара, Ф. Адлера, М. Неттлау, российских социал-демократов П.Б. Аксельрода и А.Н. Потресова, коллекцию документов Л.Д. Троцкого, архивы II Интернационала и германской социал-демократии и др. МИСИ располагает также личными архивами Р.М. Плехановой, Л.О. и Ф.И. Дан [1, с. 98; 10].

Французские архивы по интересующей нас теме располагают главным образом материалами наблюдения полиции за политическими эмигрантами. Они хранятся в Общем фонде полиции в Национальном архиве Франции и включают такие материалы, как оригиналы и копии листовок, воззваний; программы собраний политэмигрантов и списки выступавших на них ораторов с указанием их местожительства; перехваченную корреспонденцию; вырезки из французских газет, донесения хорошо информированных осведомителей из числа самих эмигрантов и проч. Информация о представителях РСДРП наиболее часто поступала в Париж из комиссаров полиции, расположенных в пограничных со Швейцарией городках Аннемасс, Бельгард, Сен-Жюльен. В специальных папках фонда собраны сведения об отдельных деятелях русской эмиграции, в частности Г.В. Плеханове, В.И. Ленине, Л.Д. Троцком. В архиве Министерства иностранных дел Франции хранится переписка

МИДа с французским посольством в России, а также послания консулов и вице-консулов, работавших в крупных промышленных центрах России. Документы эти сосредоточены в фонде А-«Россия» и, в частности, освещают историю революционного движения в России, а также деятельность русских эмигрантов во Франции. К донесениям прилагались оригиналы и переводы различных, главным образом большевистских, документов. Корреспонденция французских военных атташе и сотрудников военных миссий, содержащая информацию о деятельности российских социал-демократов хранится в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции. В архиве Аннеси (департамент Верхняя Савойя) имеются дубликаты документов из досье французской полиции, однако их число значительно превышает количество экземпляров, собранных в Национальном архиве оригиналов [14].

В Великобритании хранятся лишь некоторые документы по истории российской социал-демократии. В Центре

документации палаты лордов британского парламента в коллекции бумаг Д.В. Соскис имеются материалы о деятельности политических эмигрантов различных направлений в Великобритании, в том числе Г.В. Плеханова. В Британской библиотеке Политических и экономических наук такого рода материалы имеются в архиве С.П. Мельгунова, коллекциях профессора Х. Шукмэна и Б.И. Николаевского [16].

Таким образом, зарубежные архивы располагают немалыми фондами, представляющими интерес как для западных, так и для отечественных специалистов по истории РСДРП. Большинство названных библиотек и архивов имеет сайты, дающие возможность доступа к оцифрованным документам и копирования документов с получением выполненного заказа в виде сканов. Комплексное изучение отечественных и зарубежных документальных собраний позволило бы существенно продвинуть вперед разработку многих проблем российской социал-демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов О.В., Канищева Н.И., Морозова Е.Г. Западная немарксистская историография РСДРП: основные направления, исследовательские центры, архивы / Отв. ред. Ю.К. Малов. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1989. 108 с.
2. Ненароков А.П., Савельев П.Ю. Послесловие. От международной рабочей группы // Из архива Б.И. Николаевского. Переписка с И.Г. Церетели: в 2-х вып. / Отв. ред. А.П. Ненароков. [Вып. 2]. М.: Памятники исторической мысли, 2012. С. 421–499.
3. Савельев П.Ю. Борис Иванович Николаевский (1887–1966): историк и архивист // Актуальные проблемы истории России: сборник научных трудов преподавателей кафедры истории России средних веков и нового времени / Отв. ред. В.Э. Багдасарян. М.: МГОУ, 2016. С. 96–113.
4. Тишков В.А. История и историки в США. М.: Наука, 1985. 352 с.
5. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Через века и страны: Б.И. Николаевский. М.: Центрполиграф, 2012. 543 с.
6. The Boris I. Nicolaevsky Collection in the Archives of the Hoover Institution on War, Revolution and Peace (A Guide to the Microfilm Collection, Series 1-231, Part I-II) / Compiled

- by Anna M. Burguina and Michael Jacobson. Hoover Institution, Stanford University. Ann Arbor, Michigan. 1991–1993. 755 p.
7. Grant S.A., Brown J.H. The Russian Empire and the Soviet Union: A guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States. Kennan Institute for Advanced Russian Studies, the Wilson Center. Boston (Mass.): G.K. Hall, 1981. 632 p.
 8. Guide to Archives and Manuscripts in the United States / Ed. By Ph. M. Hamer. New Haven: Yale University Press, 1961. 440 p.
 9. Guide to the Collections in the Hoover Institution Archives relating to Imperial Russia, the Russian Revolutions and Civil War, and the first Emigration / Compiled by Carol A. Lead-
enham. Stanford (Cal.): Hoover Institution Press, Stanford University, 1986. 208 p.
 10. Guide to the International Archives and Collection at the IISH / Ed. Atie van der Horst, Elly
Koen. Amsterdam: IISH, 1989. 348 p.
 11. Guide to the National Archives of the United States / Compiled by B.I. Burger. Washington:
Government Printing Office, 1974 (revised ed. by F.B. Evans, 1987). 896 p.
 11. Harvard University Library, a documentary history: bibliographic guide. Cambridge, 1989.
79 p.
 12. A Houghton library Chronicle, 1942-1992. Cambridge, Mass.: Harvard University Press,
1992. 96 p.
 13. Lesure M. L'histoire de la Russie aux Archives Nationales. Paris, 1970. 96 p.
 14. Meyer P. Die Geschichte des sozialdemokratischen Parteiarchivs und des Sicksal des Marx-
Engels Nachlasses // Archiv fur Socialgeschichte. 1966/1967. Bd. 6/7. S. 5–133.
 16. The study of Russian History from British Archival Sources / Ed. J.M. Hartley. L.; N.Y: Man-
sell, 1986. 184 p.

REFERENCES

1. Agafonov O.V., Kanishcheva N.I., Morozova E.G. Zapadnaya nemarksistskaya istoriografiya
RSDRP: osnovnye napravleniya, issledovatel'skie tsentry, arkhivy / Otв. red. YU.K. Malov
[Western Non-Marxist Historiography of the RSDLP: the Main Areas, Research Centers,
Archives / Ed. ed. by K. Mahlow]. M., In-t marksizma-leninizma pri TSK KPSS, 1989. 108 p.
2. Nenarokov A.P., Savel'ev P.YU. Posleslovie. Ot mezhdunarodnoi rabochei gruppy [After-
word. From the International Working Group] Iz arkhiva B.I. Nikolaevskogo. Perepiska s
I.G. Tsereteli: v 2-kh vyp. / Otв. red. A.P. Nenarokov. [Vyp. 2] [From B. I. Nikolaev's Archive.
Correspondence with I. G. Tsereteli: in 2 Vol. / Ed. by A. P. Nenarokov. [Vol. 2]]. M., Pamy-
atniki istoricheskoi mysli, 2012. pp. 421-499
3. Savel'ev P.YU. Boris Ivanovich Nikolaevskii (1887-1966): istorik i arkhivist [Boris Nikolaevs-
ky (1887-1966): Historian and Archivist] Aktual'nye problemy istorii Rossii: sbornik nauch-
nykh trudov prepodavatelei kafedry istorii Rossii srednikh vekov i novogo vremeni / Otв.
red. V.E. Bagdasaryan [Actual Problems of Russian History: Collection of Scientific Works
of Teachers of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times /
Ed. by V. E. Bagdasaryan]. M., MGOU, 2016. pp. 96-113
4. Tishkov V.A. Istoriya i istoriki v SSHA [History and Historians in the United States]. M.,
Nauka, 1985. 352 p.
5. Fel'shtinskii YU.G., Chernyavskii G.I. Cherez veka i strany: B.I. Nikolaevskii [Through Cen-
turies and Countries: I. B. Nikolaev]. M., Tsentrpoligraf, 2012. 543 p.
6. The Boris I. Nicolaevsky Collection in the Archives of the Hoover Institution on War, Revo-
lution and Peace (A Guide to the Microfilm Collection, Series 1-231, Part I-II) / Compiled
by Anna M. Burguina and Michael Jacobson. Hoover Institution, Stanford University. Ann
Arbor, Michigan. 1991-1993. 755 p.

7. Grant S.A., Brown J.H. The Russian Empire and the Soviet Union: A guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States. Kennan Institute for Advanced Russian Studies, the Wilson Center. Boston (Mass.): G.K. Hall, 1981. 632 p.
8. Guide to Archives and Manuscripts in the United States / Ed. By Ph. M. Hamer. New Haven: Yale University Press, 1961. 440 p.
9. Guide to the Collections in the Hoover Institution Archives relating to Imperial Russia, the Russian Revolutions and Civil War, and the first Emigration / Compiled by Carol A. Lead-
enham. Stanford (Cal.): Hoover Institution Press, Stanford University, 1986. 208 p.
10. Guide to the International Archives and Collection at the IISH / Ed. Atie van der Horst, Elly
Koen. Amsterdam: IISH, 1989. 348 p.
11. Guide to the National Archives of the United States / Compiled by B.I. Burger. Washington:
Government Printing Office, 1974 (revised ed. by F.B. Evans, 1987). 896 p.
11. Harvard University Library, a documentary history: bibliographic guide. Cambridge, 1989.
79 p.
12. A Houghton library Chronicle, 1942-1992. Cambridge, Mass.: Harvard University Press,
1992. 96 p.
13. Lesure M. L'histoire de la Russie aux Archives Nationales. Paris, 1970. 96 p.
14. Meyer P. Die Geschichte des sozialdemokratischen Parteiarchivs und des Sicksal des Marx-
Engels Nachlasses // Archiv fur Socialgeschichte. 1966/1967. Bd. 6/7. S. 5-133.
16. The study of Russian History from British Archival Sources / Ed. J.M. Hartley. L.; N.Y: Man-
sell, 1986. 184 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савельев Петр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исто-
рии России средних веков и нового времени Московского областного государственного
университета;
e-mail: savelev@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savel'ev Petr Y. – PhD in History, Associate Professor, Department of History of Russia of the
Middle Ages and Modern Times, Moscow State Regional University;
e-mail: savelev@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Савельев П.Ю. Зарубежные коллекции документов по истории РСДРП // Вестник Мо-
сковского государственного областного университета. Серия: История и политические
науки. 2016. № 5. С. 32–38.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-32-38

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

P. Savel'ev. Foreign collections of documents on the history of the RSDLP // Bulletin of Moscow
State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 32–38.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-32-38

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-39-48

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ЕГИПТА И ЭГЕИДЫ В III – СЕР. II ТЫС. ДО Н. Э.

Барбашов А.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена экономическим и культурным контактам между Египтом и Эгеей в III — первой половине II тыс. до н. э. На основании письменных и археологических источников автором показана динамика развития торгово-экономических отношений между двумя регионами в указанный период. Торговые маршруты и археологические находки показывают нам вовлеченность этих регионов в систему международных связей. Контакты варьировались от незначительных коммерческих операций отдельных торговцев до крупных посольств от одного государства к другому. Благодаря исследованиям Битека, Бетанкура и др. мы обладаем широким материалом для анализа и определения характера взаимоотношений соседствующих стран и регионов. Используемые данные помогут восстановить картину международной торговли и политических отношений между Эгеей, Египтом и Передним Востоком.

Ключевые слова: Египет, Эгеида, минойский импорт, керамика.

ECONOMIC AND CULTURAL CONTACTS OF EGYPT AND THE AEGEAN IN III – THE MIDDLE OF THE II MILLENNIUM B.C.

A. Barbashov

*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The present article deals with the problem of economic and cultural relations between Egypt and the Aegean in 3 – first half of the 2nd millennium BC. Based on the analysis of written and archaeological data from Egypt and Crete, the author shows the development of trade and economic relations between the two regions. Trade routes and archaeological finds reflect the involvement of these regions into the system of international relations. Their contacts ranged from minor commercial operations between separate traders to major embassies of one state to another. Due to Bietak's, Betancourt's and other scientists' research a wide variety of materials for the analysis is on hand for determining the nature of relations between the neighboring

countries and regions. The data used will help to reconstruct the international trade and political relations between the Aegean, Egypt and the Near East.

Key words: Egypt, Aegean, minoan imports, ceramics.

Проблема контактов между Египтом и Эгейдой многократно изучалась как египтологами, так и исследователями бронзового века Эгейды. И. Калои отмечал, что лучшим показателем контактов являются археологические источники [10, с. 365], и рассматривал, в частности, минойскую керамику, найденную на территории Египта и Леванта. Анализ находок привел Калои к выводу, что, вероятно, крито-египетские контакты до начала XX в. до н. э. были опосредованными через городские поселения Сирии и Палестины.

Историческое развитие взаимосвязей между Египтом и Эгейдой разделяется на несколько этапов.

1. Первые свидетельства датируются Древним царством. Но, возможно, взаимоотношения начались гораздо раньше: некоторые предметы попали из Египта на Крит еще в период Раннего царства.

На Крит экспортировались слоновая кость, полудрагоценные камни, фаянс и мелкие сосуды [7, с. 544–546]. Этот египетский материал, попавший на Крит, представляет интерес для нашего исследования. Взаимоотношения Крита и Египта в III тыс. до н. э. пока еще не представляют собой что-либо значимое. Египет был к тому времени развитым государством с разветвленной системой государственного аппарата и налаженными торговыми взаимоотношениями с соседними сиро-палестинскими государствами [13, с. 18–63]. Отечественный исследователь Ю. В. Андреев отмечает, что в 2500–2200 гг. Крит являлся отсталым

регионом ввиду своего географического положения [1, с. 82] и не имел возможности наладить прямые контакты с Египтом. На тот момент наиболее передовым регионом Эгейды были Кикладские острова, имевшие собственный флот [1, с. 96]. Под влиянием Киклад Крит начинает строить собственный флот. Ввиду отсутствия контактов на Крите развивается своя самобытная письменность, религия, искусство, отличные от других [1, с. 99–100]. С развитием мореходства Крит устанавливает связь с Кикладами, Ближним Востоком и, возможно, с Египтом.

2. В конце III – начале II тыс. до н. э. (Первый переходный период и Среднее царство) идут поставки скарабеев на Крит. В то же время минойские мастера начинают копировать скарабеев и египетские сосуды, расписывая их в своей стилистике [13, с. 2].

В Египте появляется изящно оформленная критская керамика. Помимо этого, в Египет импортируется оливковое масло, необходимое для освещения домов. По всей видимости, это были внешнеторговые поставки, а не политические или дипломатические подарки. В Тоде, к югу от Фив, был найден клад из серебряных предметов, преподнесенных Аменемхету II. Как полагают, местом их изготовления является Крит [4, с. 12].

3. В период гиксосского владычества (Второй переходный период) взаимоотношения между Египтом и Критом, по-видимому, выходят за рамки экономических контактов и приобре-

тают культурный характер. Об этом свидетельствуют минойские росписи в Аварисе (Телль-эль-Даба)¹ [9, с. 37–38].

4. Несмотря на существенное изменение политики Египта и приходу к власти XVIII династии, контакты продолжают и в начале Нового царства. Ярким примером служат находки в Фивах, датированные XVI в. до н. э. Одним из предметов является кинжал Яххотеп, изготовленный в минойский стилистике с изображением топора [13, с. 5]. В Египте имеется множество иконографических и текстуальных свидетельств касательно минойцев и минойского импорта. Большинство этих документов происходит из погребальных или дворцовых комплексов египетской знати [18, с. 25].

Археологические находки посуды проливают свет на широкий диапазон крито-египетских социальных и культурных взаимоотношений [5, с. 118–121]. Кроме того, археологические данные предоставляют важную информацию об использовании посуды.

Минойская посуда была широко распространена в Египте среди разных слоев населения. В период Среднего царства (приблизительно 2055–1650 гг. до н. э.) большая часть минойской глиняной посуды в Египте была полихромной, изготовленной на гончарном круге (так называемый стиль Камарес) [21, с. 107–108]. Много предметов минойского искусства найдено в Кахуне и Эль-Лиште. Большое количество минойской глиняной посуды в этих местах указывает, вероятно, на их выгодное положение для торговли в недавно

процветающем Фаюме [13, с. 6–21]. В Эль-Лиште присутствие минойской посуды объясняется нахождением поблизости города Ититауи, столицы Египта при XII и XIII династиях. Кроме того, в географическом плане посуда была распространена на всей территории Египта, вплоть до Нубии. На это указывают погребальные места (от севера до юга), где археологи находили такую посуду.

Находки на Крите

Золото на Крите – большая редкость, тем не менее золотые предметы найдены в Арханесе, в гробницах «Г» и «Е», и в Кумасе, в гробнице «А». Золото в Раннеминойский период (РП) I–II также найдено на севере Крита, в Краси и Пиргосе. В РП II–III на северо-востоке острова в Маронии и Мохлосе в гробницах I–VI обнаружено золото и слоновая кость, в гробницах XVI, XIX, XXI, XXXIII – изделия из золота [12, с. 5]. На южном побережье находки намного обильнее, чем на севере. В Лебене (гр. I–II), Платаносе и Кумасе (гр. А и В) найдено как золото, так и слоновая кость. Египетское происхождение золота подтвердила экспертиза в 2004 г. Так, египетское золото, добываемое в Нубии, содержит небольшое количество серебра – и в поселении Агия Хараламбос золото также содержит многие компоненты, присущие нубийскому золоту [8, с. 557].

О значительных внешних контактах пока речь не идет. Вылазки критян на Восток имеют место, но являются скорее эпизодическими. Прямых связей в письменных источниках не зафиксировано. Мы можем лишь предположить контакт между Эгеидой и Египтом через третью сторону. Видимо,

¹ Согласно результатам отчета археологической экспедиции под руководством Битека сезона 2011/12 сцены тавромахии датируются временем правления Хатшепсут и Тутмоса III.

этой стороной был город Библ: египетские товары найдены в основном на юге и востоке Крита, а критские товары – в самом Библе [19, с. 244–263].

В период Древнего царства ведётся активная внешнеполитическая деятельность Египта с сопредельными государствами. Барельефы абусирского храма Сахура свидетельствуют о египетском присутствии в Азии [20, с. 256]. На них изображены вереницы азиатских пленников, царь в образе грифона, давящего своих врагов при захвате богатой добычи [3, с. 276]. Кроме этого, существуют и изображения мирного сосуществования с азиатами. К их числу относится возвращение в Мемфис из Ливана флота кораблей с азиатскими гостями. Они поднимают руки, приветствуя царя. Изображены на барельефах храма в Абусире и необыкновенные товары – медведи, палестинские вазы, экзотические продукты [3, с. 277–279].

В Египте азиатские предметы начинают появляться в могилах незнатных людей, вне царских мест погребения Северного Египта. Документированное свидетельство тому – иллюстрации погребальных памятников Сахура и Унаса.

Есть археологические и документированные свидетельства импорта из стран Переднего Востока в Египет скота, продуктов животного происхождения, редких древесных пород [3, с. 18–107]. По крайней мере, уже в правление Сахура высшие сословия Египта импортировали экзотических животных, таких, как медведи, из Северного Леванта для зверинцев [3, с. 276]. Таких животных также преподносили в качестве царских подарков в Северной Сирии в то время. Продук-

ты животного происхождения (кожа и слоновая кость) импортировались из Нубии. Кость гиппопотама экспортировалась в Восточное Средиземноморье, попадая на Крит, вероятно, через третьи стороны. Обмены между правителями и военная добыча также включали живых животных, например рогатый скот.

Находка на острове Кифера каменной чаши с названием солнечного храма Усеркафа ставит перед нами вопрос о связях Крита и Египта в период Древнего царства [3, с. 276–282]. К. Совада на основе археологических данных рассматривает обмен товаров между Египтом и странами Ближнего Востока, делая на этом основании выводы об отношениях Египта и Леванта в IV–III тыс. до н. э. Египет периода Древнего царства не поддерживает прямых контактов с Критом. Египетские товары проходили на Крит транзитом через города Леванта, в частности через Библ [19, с. 162–178].

Ситуация меняется с начала II тыс. до н. э. С 1900 г. на Крите начинается строительство дворцов. Дворец становится центром экономической, политической и духовной жизни населения (аналогично храму на Востоке). Возникает несколько таких дворцовых центров – Кносс, Малия (на севере), Закрос (на востоке), Агия Триада и Фест (на юге) [15, с. 34–36]. Происходит усиление позиций Крита среди других областей Эгеиды, на фоне их спада¹. М. Биетак считает, что прямые

¹ Имеется две точки зрения. Согласно первой Крит занимает лидирующую позицию в Эгеиде и оказывает культурное влияние на жизнь других областей. Согласно второй точке зрения Крит имеет определенное влияние в Эгеиде, но не абсолютное. Так, судя по археологическим данным, Крит активно взаимодей-

контакты Крита с Египтом имели место начиная со Среднего царства [13, с. 19–28]. Впоследствии, во время Второго переходного периода, гиксосский Аварис стал перевалочным торговым пунктом между Египтом и Эгеидой [13, с. 19]. Подобной точки зрения придерживается и Дж. Вейнгартен, показывая на археологическом материале критский импорт во время правления XIII династии.

Археологический материал первых веков II тыс. до н. э. дает богатую информацию о товарообмене между Египтом и Критом с целью получения дефицитных товаров, необходимого сырья.

В Гурнесе найден ряд египетских предметов, среди которых бусы и скараabei [6, с. 139] времен XII династии. Гробница «В» в Платаносе содержит два скараabei того же периода [6, с. 139–140] с изображением богини Таурт. Из гробницы в Агия Триаде происходит амулет из слоновой кости [6, с. 140] с изображением обезьяны.

Свидетельства контактов Египта и Крита обнаружены в Кносском дворце. На одном из фрагментов обломка замечен мотив «уаdj» [6, с. 149]. Другой мотив, имеющий большое значение, так как встречается на черепках, найденных в Египте, — это ракета с мячом. Чаша, украшенная подобным орнаментом, найдена в царских складах гончарных изделий, а близ так называемого дома упавших камней обнаружены обломки превосходного пифоса с таким же орнаментом [6, с. 155].

Некоторые заимствования коснулись и письменности. На сравнительно ствует с Кикладами, но последние сохраняют свою обособленность, свидетельством чему — отсутствие дворцовых комплексов.

ной таблице мы видим сходство между некоторыми египетским иероглифами и минойскими знаками [6, с. 161–163].

В СМ II найдена часть диоритовой статуи, изображающей фигуру на четырехугольном сиденье с надписями. По-видимому, статуя принадлежала Jb-nbw¹. Ценность данной статуи состоит в том, что она является личным предметом и становится доказательством египетского присутствия на Крите. Тем не менее не исключено, что статуя могла попасть опосредованно.

В Диктейской пещере найден аметистовый скараabei, по всем признакам, материалу и резьбе относящийся к периоду XII династии [14, с. 3–4]. Задняя сторона обработана критским мастером. В центре ее изображено солнце с расходящимися лучами между двумя сосудами [6, с. 163].

СМ III также дает нам археологический материал — алебастровую крышку Второго переходного периода с именем царя Хиана, найденную в Кноссе [6, с. 193], и фрагменты нескольких алебастровых сосудов.

На всем протяжении первой половины II тыс. до н. э. из Египта продолжают поступать скараabei [22, с. 134].

Находки в Египте

В Хараге, в отложении мусора у кладбища, обнаружены черепки, относящиеся к СМ II, с типичным для того времени орнаментом [6, с. 164]. В Абидосе, в одной из гробниц, имеется чаша с перемычкой над носиком, датируемая Эвансом СМ II. В Лахуне среди строительного мусора присутствует большое количество черепков СМ II. [6, с. 165].

¹ См. Сафронов А.В. Как на самом деле звали египтянина, владельца Кносской статуи?

Искусство критских мастеров стало более совершенно с точки зрения художественного мастерства, в отличие от предшествующих эпох, когда часто встречались скопированные вещи (как пример – скарабеи). Тем не менее минойцы сохранили один элемент из заимствованной культуры — видоизмененный лотос, который повторяется на многих предметах.

На территории Верхнего Египта в Тоде был обнаружен клад из 153 критских серебряных кубков, датируемый 2000–1900 гг. [11, с. 90].

В промежутки с 1900 по 1700 г. Крит отправляет в Египет свои гончарные и каменные сосуды [11, с. 117].

Гробница Хепзефа в Асьюте времен Сенусерта I выполнена в критском стиле, в ней мы наблюдаем немало заимствований [13, с. 2, 17, с. 261–262].

Также среди источников есть критские изображения, явно напоминающие египетские. Так, сюжет охоты кошки на птицу, изображенный на критском кинжале, характерен для египетских росписей времен Среднего царства. Фрагмент акробатического трюка из гробницы Ауаха II имеет много общего с аналогичным изображением акробатических трюков из Кносского дворца.

В Малии найдена относящаяся примерно к 1700 г. до н. э. терракотовая статуэтка, внешне напоминающая египетского сфинкса. Сфинкс имеет осирическую бородку, хвост, но голова чисто минойская [13, с. 3].

В Лиште, в могиле 879, обнаружен кувшин, украшенный птицами и дельфинами в минойской стилистике [22, с. 135–136].

В целом между Египтом и Критом устанавливаются прочные торго-

экономические отношения. Объекты обмена можно условно разделить на несколько групп:

1. Сырье. Из Египта поступали полудрагоценные камни, золото, слоновая кость.

2. Готовая продукция. Алебастровые и фаянсовые сосуды, керамические изделия, возможно, текстиль.

3. Органические продукты. Крит экспортирует зерно, оливковое масло.

Контакты Египта и Эгеиды продолжают и во Второй переходный период. В Исопате найдены фрагменты алебастровых сосудов, по стилистике относящиеся ко времени Второго переходного периода [2, с. 4–6]. Перо с выемками в крыльях грифона на фрагменте миниатюрных фресок и на двух посвященных стрелах из храмовых кладовых встречается у грифона, изображенного на лезвии топора из гробницы царицы Яххотеп, матери первого царя XVIII династии Яхмоса.

Многочисленные следы контактов между Египтом и Эгеидой в период XIII династии (первая половина XVIII в. до н. э.) найдены в Телль-эль-Даба (Аварис). Это поселение на северо-восточной границе Египта, которое служило пунктом торговли между Египтом и Ханааном, а также Эгеидой.

В гробнице F/I-p/17-но. 14, датированной 1750 г. до н. э., найдено ювелирное изделие в виде кулона, который изображает двух собак, стоящих на подставке. Показана хорошо развитая мускулатура. По мнению Г. Уолберг, изделие имеет минойское происхождение [9, с. 36]. Другим артефактом оттуда же является минойский кинжал (F/I-m/18-но. 3).

На территории Авариса в результате раскопок под руководством Битека

найжены фрагменты минойской росписи [16, с. 241]. Любопытен выбор цвета: белый, желтый, красный, синий, серый и черный — в полном соответствии с цветами, используемыми в минойской живописи.

Один из фрагментов росписи изображает юношу-акробата в минойском килте, с ремнем и в сапогах. Нетипичным для египетской росписи является также то, что юноша имеет завитки волос.

По крайней мере три фрагмента с акробатами, стоящими на руках, найдены в Телль-эль-Даба [9, с. 37–38]. Акробаты изображены рядом с пальмами. Один в головном уборе, другие имеют типичные минойские килты и сапоги.

В Телль-эль-Даба найдены также фрагменты чаши Камарес ММ 2 [9, с. 38].

Помимо Телль-эль-Даба, археологический материал имеется и в других областях Египта. Рассмотрим поселения Среднего и Верхнего Египта.

В Кахуне обнаружены 17 фаянсовых сосудов в стилистике Камарес [22, с. 143] с минойской росписью.

В Эль-Хараге найдены 20 фрагментов фаянсовых предметов [22, с. 141–142], датируемых временем правления Сенусерта, между Первым и Вторым переходным периодом.

Эль-Хараг, могила 326, – две чаши в минойской стилистике [22, с. 150], произведенные на территории Египта.

Эль-Лишт, к западу от пирамиды Аменемхета I, – керамика Камарес [21, с. 141], ММ 1–2.

Эль-Лишт, гробница 879, – египетский кувшин [22, с. 149], сделанный в стилистике минойцев, но не исключено влияние ханаанцев.

Абидос, гробница 416, – чаша минойская периода ММ 2 [21, с. 142–143].

Эль-Хава, гробница 88, – ваза в стилистике Камарес с цветочными аппликациями [22, с. 148].

Бухен, одна из гробниц, – египетская ваза, декорированная минойской росписью [22, с. 152].

Таким образом, рассмотрев контакты Египта и Эгеиды в III – первой половине II тыс. до н. э., мы можем сделать следующие выводы:

1. До периода Среднего царства прямых контактов между этими двумя регионами не было. Согласно археологическим данным, торговые связи проходили, как правило, через третьи стороны, в частности через Библ.

2. Во времена Среднего царства начинается активное взаимодействие Египта с передовой областью Эгеиды – Критом. На это указывают археологические источники, заимствования культурных аспектов как с одной, так и с другой стороны (росписи египетских гробниц в критском стиле, изображение египетской богини на минойской печати из Феста и т. д.), а также письменные данные (надпись Усера).

3. Контакты Египта и Крита продолжались и во Второй переходный период (аналогично критскому СМ III), причем Крит имел отношения как с фиванским домом (XVII династия), так и с гиксосским правителем Хианом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю.В. От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 862 с.

2. Бокиш Г. Дворцы Крита // Вестник древней истории. 1974. № 4. С. 88–97.
3. Веркуттер Ж. Египет и долина Нила. Т. 1: С древнейших времен и до конца Древнего царства. 12000–2000 гг. до н. э. СПб.: Нестор-История, 2015. 384 с.
4. Ильин-Томич А.А., Сафронов А.В. Датировка и возможный исторический контекст «Речения Ипувера» // Вестник древней истории. 2010. № 4. С. 3–22.
5. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Т. 2: Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 408 с.
6. Пендлбери Дж. Археология Крита. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. 416 с.
7. Betancour P. Excavations in the Hagios Charalambos Cave: A Preliminary Report // *Hesperia*. 2008. Vol. 77. P. 539-605.
8. Betancourt, Philip P. Newly excavated artifacts from Hagios Charalambos, Crete, with Egyptian connections // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011. Vol. 3 (1). P. 1–5.
9. Bietak, Manfred. Minoan paintings in Avaris, Egypt // *Proceedings of the first international symposium “The wall paintings of Thera”* (Petros M. Nomikos Conference Centre, Thera, Hellas, 30 August – 4 September 1997). Vol. 1. Athen: Thera Foundation, 2000. P. 33–42.
10. Caloi, Ilaria. Connecting Crete with the Near East and Egypt in the Minoan Protopalatial Period: what news in the 21st century? // *Identity and connectivity: proceedings of the 16th Symposium on Mediterranean Archaeology*, Florence, Italy, 1-3 March 2012. Vol. 1. Oxford: Archaeopress, 2013. P. 365–370.
11. Castleden R. *Minoans: Life in Bronze Age Crete*. London and New York: Taylor & Francis Group, 2001. 210 p.
12. Colburn, Cynthia S. Egyptian gold in prepalatial Crete? A consideration of the evidence // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011. Vol. 3 (3), P. 1–13.
13. Davies V., Schofield L. *Egypt, the Aegean and the Levant: Interconnections in the Second Millennium BC*. London: British Museum Press, 1995. 156 p.
14. Marinatos N. Minoan Kingship and the Solar Goddess: A Near Eastern Koine // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011. Vol. 3. P. 3–4.
15. Martino, Paula L. Egyptian ideas, Minoan rituals: evidence of the interconnections between Crete and Egypt in the Bronze Age on the Hagia Triada sarcophagus // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2012. Vol. 4 (1). P. 31–50.
16. Matic U. Out of the World and Out of the Picture? Keftiu and Materializations of «Minoans»: Encountering Imagery Materialities, Perceptions, Relations // *Stockholm Studies in archaeology*. 2012. № 57. P. 235–253.
17. Porter B, Moss R. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings: IV Lower and Middle Egypt*. Oxford: Griffith Institute – Ashmolean Museum, 1968. P. 261–262.
18. Shaw M. Ceiling patterns from the tomb of Hepzefa // *American Journal of Archaeology*. 1970. № 74. P. 25–30.
19. Sowada, Karin N. Egypt in the eastern Mediterranean during the Old Kingdom: an archaeological perspective (*Orbis Biblicus et Orientalis*, 237). Fribourg; Göttingen: Academic Press; Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. 312 p.
20. Vercoutter J. *L'Égypte et Le Monde Égéen Préhellénique. Étude Critique Des Sources Égyptiennes* // *Institut Français D'Archéologie Orientale: Bibliothèque D'Etude*. 1956. Vol. XXII. 471 p.
21. Walberg G. The date and origin of the Kamares cup from Tell el-Dab'a // *Ägypten und Levante*. 1998. № 8. P. 107–108.
22. Warren P. *Aegean Bronze Age Chronology*. Bristol: Bristol Classical Press, 1989. 256 p.
23. Weingarten, Judith. The arrival of Egyptian Taweret and Beset on Minoan Crete: contact and

choice // Identity and connectivity: proceedings of the 16th Symposium on Mediterranean Archaeology, Florence, Italy, 1–3 March 2012. Vol. 1. Oxford: Archaeopress. P. 371–378.

REFERENCES

1. Andreev YU.V. Ot Evrazii k Evrope: Krit i Egeiskii mir v epokhu bronzy i rannego zheleza (III — nachalo I tys. do n. e.) [From Eurasia to Europe: Crete and the Aegean World in the Bronze Age and Early Iron Age (III — Early I Millennium BC)]. SPb., Dmitrii Bulanin, 2002. 862 p.
2. Bokish G. Dvortsy Krita [The Palaces of Crete] // Vestnik drevnei istorii. 1974. no. 4. pp. 88–97.
3. Verkutter ZH. Egipet i dolina Nila. T. 1: S drevneishikh vremen i do kontsa Drevnego tsarstva. 12000–2000 gg. do n. e [Egypt and the Nile Valley. Vol. 1: From Ancient Times to the End of the Old Kingdom. 12000–2000 BC]. SPb., Nestor-Istoriya, 2015. 384 p.
4. Il'in-Tomich A.A., Safronov A.V. Datirovka i vozmozhnyi istoricheskii kontekst «Recheniya Ipuvera» [Dating and Possible Historical Context "Utterances of Ipuwer"] // Vestnik drevnei istorii. 2010. no. 4. pp. 3–22.
5. Mongait A.L. Arkheologiya Zapadnoi Evropy. T. 2: Bronzovyi i zheleznyi veka [Archaeology of Western Europe. Vol. 2: the Bronze and Iron Ages]. M., Nauka, 1974. 408 p.
6. Pendlberi Dzh. Arkheologiya Krita [Pendlebury, John. The Archaeology of Crete]. M., Izdvo inostrannoi literatury, 1950. 416 p.
7. Betancour P. Excavations in the Hagios Charalambos Cave: A Preliminary Report // Hesperia. 2008. Vol. 77. P. 539–605.
8. Betancourt, Philip P. Newly excavated artifacts from Hagios Charalambos, Crete, with Egyptian connections // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. 2011. Vol. 3 (1). P. 1–5.
9. Bietak, Manfred. Minoan paintings in Avaris, Egypt // Proceedings of the first international symposium "The wall paintings of Thera" (Petros M. Nomikos Conference Centre, Thera, Hellas, 30 August - 4 September 1997). Vol. 1. Athen: Thera Foundation, 2000. P. 33–42.
10. Caloi, Ilaria. Connecting Crete with the Near East and Egypt in the Minoan Protopalatial Period: what news in the 21st century? // Identity and Connectivity: Proceedings of the 16th Symposium on Mediterranean Archaeology, Florence, Italy, 1–3 March 2012. Vol. 1. Oxford: Archaeopress, 2013. P. 365–370.
11. Castleden R. Minoans: Life in Bronze Age Crete. London and New York: Taylor & Francis Group, 2001. 210 p.
12. Colburn, Cynthia S. Egyptian Gold in Prepalatial Crete? A Consideration of the Evidence // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. 2011. Vol. 3 (3), P. 1–13.
13. Davies V., Schofield L. Egypt, the Aegean and the Levant: Interconnections in the Second Millennium BC. London: British Museum Press, 1995. 156 p.
14. Marinatos N. Minoan Kingship and the Solar Goddess: A Near Eastern Koine // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. 2011. Vol. 3. P. 3–4.
15. Martino, Paula L. Egyptian ideas, Minoan rituals: Evidence of the Interconnections between Crete and Egypt in the Bronze Age on the Hagia Triada sarcophagus // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. 2012. Vol. 4 (1). P. 31–50.
16. Matic U. Out of the World and Out of the Picture? Keftiu and Materializations of «Minoans»: Encountering Imagery Materialities, Perceptions, Relations // Stockholm Studies in Archaeology. 2012. № 57. P. 235–253.
17. Porter B., Moss R. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian // Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings: IV Lower and Middle Egypt. Oxford: Griffith Institute – Ashmolean Museum, 1968. P. 261–262.

18. Shaw M. Ceiling Patterns from the Tomb of Hepzefa // *American Journal of Archaeology*. 1970. № 74. P. 25-30.
19. Sowada, Karin N. Egypt in the Eastern Mediterranean during the Old Kingdom: an Archaeological Perspective (*Orbis Biblicus et Orientalis*, 237). Fribourg; Göttingen: Academic Press; Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. 312 p.
20. Vercoutter J. L'Égypte et Le Monde Égéen Préhellénique. Étude Critique Des Sources Égyptiennes // *Institut Français D'Archéologie Orientale: Bibliothèque D'Etude*. 1956. Vol. XXII. 471 p.
21. Walberg G. The date and origin of the Kamares cup from Tell el-Dab'a // *Ägypten und Levante*. 1998. № 8. P.107-108.
22. Warren P. Aegean Bronze Age Chronology. Bristol: Bristol Classical Press, 1989. 256 p.
23. Weingarten, Judith. The arrival of Egyptian Taweret and Beset on Minoan Crete: Contact and Choice // *Identity and Connectivity: Proceedings of the 16th Symposium on Mediterranean Archaeology*, Florence, Italy, 1-3 March 2012. Vol. 1. Oxford: Archaeopress. P. 371-378.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барбашов Александр Александрович – аспирант кафедры археологии, истории Древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: barbashov-sasha@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Barbashov Alexander A. – Post-Graduate Student of the Department of Archeology, Ancient and Medieval History, Moscow State Regional University;
e-mail: barbashov-sasha@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Барбашов А.А. Экономические и культурные контакты Египта и Эгеиды в III – сер. II тыс. до н. э. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2016. № 5. С. 39–48.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-39-48

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Barbashov. Economic and cultural contacts of Egypt and the Aegean in III – the middle of the II millennium B.C. // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*. 2016. no 5. Pp. 39–48.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-39-48

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-49-56

ОТНОШЕНИЯ КЕНТА И КОРОЛЕВСТВ САУТУМБРИИ В КОНЦЕ VI – НАЧАЛЕ VII ВВ.

Долгов М.Е.*Московский государственный областной университет.**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация.*

Аннотация. Взаимоотношения Кента с соседними англосаксонскими королевствами в период правления короля Этельберта (кон. VI – начало VII вв.) рассмотрены в контексте деятельности Григорианской миссии. Исследовав эти явления во взаимосвязи, автор указывает на роль конфликта между Kentом и Уэссексом как фактора, способствовавшего решению Этельберта принять римских миссионеров. Используя пример взаимоотношений Кента и Эссекса, автор показывает роль миссии как нового орудия борьбы англосаксонских королей за верховенство на острове.

Ключевые слова: раннее средневековье, англосаксы, Кент, христианство, Григорианская миссия.

THE RELATIONSHIP BETWEEN KENT AND THE SOUTHUMBRIAN KINGDOMS IN THE LATE 6TH – EARLY 7TH CENTURIES

M. Dolgov*Moscow Region State University**10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. This article deals with the relationship of Kent with the neighboring Anglo-Saxon kingdoms during the reign of King Ethelbert (end of 6th – early 7th centuries) in the context of the Gregorian mission. Considering these phenomena in their connection, the author notices the conflict between Kent and Wessex as a factor of Ethelbert's decision to accept the Roman missionaries. Using the relationship between Kent and Essex as the example, the author also shows mission's role as a new weapon of the Anglo-Saxon kings in their struggle for the domination on the island.

Key words: Early Middle Ages, the Anglo-Saxons, Kent, Christianity, Gregorian mission.

Начало христианизации англосаксонских земель во многом совпало с изменениями, произошедшими в характере отношений между различными королевствами, возникшими на территории бывшей Римской Британии. В рамках данной статьи мы попытаемся рассмотреть религиозный аспект внешнеполитической деятельности короля Этельберта, а также ответить на вопрос о степени его влияния на результаты деятельности римских миссионеров в Англии. Помимо этого, мы постараемся установить место христианства в борьбе англосаксонских королей за господство на острове.

Роль королей в распространении христианства по англосаксонским землям на протяжении многих лет привлекает внимание исследователей. В числе наиболее важных работ, опубликованных по данной теме за последние десятилетия, следует отметить труды Н. Хайема [12] и Б. Йорк [22]. Проблема христианизации также затрагивается в общих работах по истории англосаксонской Англии и в трудах, посвящённых иным проблемам англосаксонской истории. В этой связи следует упомянуть, в частности, Р. Флеминг [10, с. 152–182] и отечественных исследователей – А. Г. Глебова [3; с. 63–95] и Е. А. Мельникову [5; с. 36–40].

Деятельность римских миссионеров во главе с Августином, посланных Григорием I в Кент около 596 г., интересует нас в контексте изучения внешней активности англосаксонских королей. Во-первых, посланники Папы изначально с трудом могли рассчитывать на покровительство со стороны кого-либо из англосаксонских королей-язычников. На территориях Уэльса и «Древнего Севера» (часть современных территорий Северной Англии и Южной Шотландии), остававшихся под властью бриттов, римская церковь пока не могла соперничать с кельтской. Попытка Августина провести переговоры с её епископами, согласно Беде, закончилась неудачей.

Внешняя активность Кента упоминается в погодной статье Англосаксонских хроник (далее – АСХ) за 568 г., где написано, что Этельберта «прогнали в Кент» [1, с. 51; 14] Кевлин и Кута, правители западных саксов. Событие можно назвать знаменательным, ведь хронист даже вписал в погодную статью имена погибших кентских элдор-

менов – Ослафа и Кнеббы. Дата вступления Этельберта на престол вписана хронистом позднее в погодную статью за 565 г. Несмотря на возможность ошибки хрониста в хронологии или имени короля, относительно подробные сведения об этом сражении между кентскими и западносаксонскими войсками позволяют нам считать, что между этими племенами действительно был конфликт. Как бы то ни было, к моменту прибытия миссии Августина отношения между различными племенами англосаксов уже были отмечены открытой враждой.

Помимо вышесказанного, мы имеем основания полагать, что враждебные отношения между королевствами Южной Англии сохранялись также и после той битвы: согласно «Церковной истории народа англвов» (далее – ЦИ), отрёкшиеся от христианства преемники короля-крестителя подчинённого Кенту Эссекса погибли на войне с западными саксами [2, с. 54; 6, с. 92]. Таким образом, среди проблем, с которыми мог столкнуться Этельберт, выделяются интересы других англосаксонских королей. Чтобы понять, насколько его усилия по распространению влияния Римской церкви обусловлены сопутствующими и предшествующими событиями, включая упомянутое сражение, нам нужно определиться с примерной датой начала его правления.

Точную продолжительность «языческого» периода правления Этельберта назвать затруднительно из-за противоречивости сведений о дате его восшествия на престол. Даже относительно времени прибытия Григорианской миссии сведения, приводимые в различные манускриптах АСХ, не-

значительно разнятся: в отредактированном манускрипте А сведения об отправке миссии содержатся в погодной статье за 595 г. [14], тогда как согласно иным рукописям Августин отправился в Англию на год позже [1, с. 51; 15]. Относительно времени начала его правления расхождений существенно больше.

В «Истории франков» Григория Турского дважды упоминается супруга короля Этельберта: в 26-й главе IV книги, где упоминается факт рождения дочери Хариберта и Ингоберги, которую «позже, как её выдали замуж, отправили в Кент» [4, с. 95]; и в 26-й главе IX книги, где рассказывается о смерти Ингоберги «на четырнадцатом году правления Хильдеберта» и о том, что у неё была только одна «дочь, которая была замужем за сыном короля в Кенте» [4, с. 264]. Это важный момент: если понимать слова Григория буквально, то на момент смерти Ингоберги (589 г.) её дочь уже была замужем, при этом Этельберт ещё не был королём. Таким образом, если мы примем за истину сведения Григория Турского, то от воцарения Этельберта до прибытия миссии прошло всего несколько лет.

Согласно же ЦИ, Этельберт правил 56 лет, умер в 616 г., через 21 год после прибытия миссии Августина, будучи христианином последний 21 год своей жизни [2, с. 53; 6, с. 90]. Свою жену, умершую раньше него, «взял от родителей» [6, с. 45]. При этом известно, что отец Берты скончался ещё в 567 г. Отчего же возникло такое противоречие? Если Беда Достопочтенный сообщает нам истинные хронологические сведения, то получается, что к моменту принятия христианства Этельберт правил

уже 35 лет. Если же верны сведения Григория Турского, то Этельберт был языческим королём не более шести лет. При этом Беда пишет, что Берта была выдана замуж за Этельберта родителями, то есть до 567 г.

В рукописи А АСХ сообщается, что Этельберт стал королём в 565 г. и правил «53 зимы», то есть до 618 г. [1, с. 52; 14]. При этом дата вступления Этельберта на престол вписана задним числом в погодную статью за 565 год. Можно предположить, что хронист при этом руководствовался текстом Беды, но у того сказано, что Этельберт правил на три года больше. Видимо, более чем полувековой период правления Этельберта указан отчасти с опорой на текст ЦИ, но при этом хронист не стал точно следовать датировке Беды, что лишь усиливает недоверие к ней. Возможно, он сделал это, чтобы подчеркнуть роль Этельберта как крестителя англов, чьё воцарение которого пришлось также на прибытие Колумбы.

Предполагается, что Бедой была допущена ошибка и под 56 годами правления следует иметь в виду 56 лет жизни [21, с. 28]. Той же точки зрения придерживается и Н. Брукс, который предполагает, что Беда неверно интерпретировал кентскую хронологию [8, с. 51]. Подобное объяснение нам представляется наиболее рациональным. Что касается слов Беды о том, что Этельберт взял Берту в жёны «от родителей», то их вряд ли следует понимать буквально (в частности, в русском переводе ЦИ, выполненном В. В. Эрлихманом, фраза о родителях не фигурирует вообще [2, с. 29]). В конце концов, это могла быть просто фигура речи, тем более, что на момент её за-

мужества, по Григорию Турскому, мать принцессы ещё была жива. В конце концов, Беда мог иметь в виду семью франкского короля.

Григорий Турский скончался незадолго до отправки миссии Августина в Кент. В своём труде он не придал особого значения событиям на острове и вообще упоминает о нём вскользь. Беда Достопочтенный жил многим позднее рассматриваемых событий, помимо прочего, его целью было описание деятельности римской миссии в Англии. С этой целью он не только, как отметил В.В. Эрлихман [2, с. 208], идеализировал историю крещения Англии, но и вполне мог пренебречь точностью датировок тогда, когда это было не принципиально для относительно точного описания истории римской церкви в Англии. Установить обстоятельства восшествия Этельберта на престол, увы, невозможно. Об отце Этельберта, короле Эорменрике, нам известно очень мало. Отмечается, впрочем, что его имя, возможно, имеет франкское происхождение. Последние имели достаточное влияние в Кенте и это имя вполне могло быть заимствовано родителями Эорменрика у жителей континента. Этот же факт отчасти объясняет на первый взгляд странное решение выдать принцессу из рода Меровингов замуж за малозначительного кентского этелинга, да ещё и язычника.

Таким образом, поскольку сведения о более чем полувековом периоде царствования Этельберта I не вызвали доверия уже на излёте англосаксонской эпохи, мы склонны согласиться с вышеупомянутыми скептическими оценками этих данных и признать, что при определении даты воцарения Этельберта нам следует опираться на текст

Григория Турского. Исходя из этого, мы можем заключить, что противостояние Кента и Уэссекса имело место ещё до предполагаемого начала царствования Этельберта, причём складывалось оно неудачно для его королевства. Отчасти именно этим обусловлено то, что короли Кента породнились с одной из самых могущественных европейских династий своего времени, а также то, что они попытались найти поддержку у римской церкви. Однако Н. Брукс справедливо указывает, что нам трудно судить о политической мотивации Этельберта, поскольку мы не знаем, какие ещё принцессы могли быть его потенциальными невестами, тем более, что женитьба на уэссекской принцессе, дочери или иной родственнице короля Кевлина в тогдашней политической обстановке могла быть более выгодной для него [8, с. 51].

Но что могла дать поддержка Рима в условиях, когда все реальные и потенциальные противники Кента (за исключением бриттских королевств) являются язычниками? Этельберт уже породнился с Меровингами, к тому же прибытие Берты и её свиты в Кент, по всей видимости, усилило влияние франков в этом королевстве: именно к периоду около 580 г. Дж. Блэйр относит значительные изменения в культуре, которые произошли там под влиянием франков. Он также считает, что эти изменения культурно сблизили Кент не только с франкской Галлией, но и с Римом [7, с. 39–40]. По-видимому, Церковь воспользовалась сложившейся ситуацией для распространения своего влияния на все англосаксонские земли, а не только на Кент (можно вспомнить напутственное письмо «братьям, направляющимся в Англию» [11, с. 836],

посланное Папой Григорием). Королю же было выгодно иметь в своём королевстве резиденцию архиепископа, выступая одновременно как в качестве верного сына Церкви, так и в качестве её защитника и покровителя на всех территориях, находящихся под юрисдикцией архиепископа. Из небольшого островного королевства Кент, таким образом, становился форпостом христианского мира на острове. Такая роль Кента вполне устраивала и римских миссионеров. Из этого вновь возникает вопрос о власти кентского короля.

Беда Достопочтенный называет Этельберта одним из носителей верховной власти (*imperium*). В АСХ такие правители обозначены титулом «бретвальда». Этот титул принято рассматривать как обозначение англосаксонских правителей, сумевших сосредоточить в своих руках власть над большей частью англосаксонских земель. Известно, что рассмотрение списка бретвальд исключительно в качестве перечня самых могущественных англосаксонских королей не вполне оправданно: так, например, в него не попал ни один мерсийский король. Хотя даже само существование бретвальды как официального титула спорно, осуществление рядом англосаксонских правителей верховной власти над значительной частью англосаксонских земель несомненно. Поскольку Этельберт (конечно, не в последнюю очередь в силу своего статуса первого англосаксонского короля-христианина) присутствует в списке носителей данного титула, нам следует понять, в чём именно выражался его *imperium* в ситуации начала VII в.

Именно с Этельбертом связана деятельность римских миссионеров в

Эссексе: в АСХ сказано, что крещение принял Саберт, племянник Этельберта, причём последний «поставил его королём» [1, с. 52; 14]. При этом Этельберт воспользовался Церковью для укрепления своего влияния в южносаксонских землях: в отредактированной версии АСХ прямо говорится о том, что именно кентский король распоряжался замещением епископской кафедры в Лондоне. Факт назначения этого епископа лучше всего характеризует власть Этельберта, полученную им благодаря его покровительству Церкви.

До наших дней дошло пять дарственных грамот, подписанных именем короля Этельберта. Хотя подлинность этих документов была и остаётся предметом дискуссий, часть из них подтверждает сведения, известные нам из уже упоминавшихся источников. Так, согласно грамоте S1, подлинность которой отстаивает, в частности, М. Динсли [9, с. 102], 28 апреля 604 г. король даровал земли Церкви Св. Андрея в Рочестере [16]. Что касается грамот S2 – S5, то среди учёных преобладает мнение об их сомнительной подлинности [17; 18; 19; 20]. При этом нужно отметить, что во всех перечисленных, как и в большинстве кентских грамот о передаче земли, речь идёт о кентских землях, кроме грамоты S5 (также считающейся подложной). Иные источники говорят о решающем влиянии Этельберта не только не только на избрание короля восточных саксов, но и на назначение епископов. С учётом содержания грамот мы склонны полагать, что власть Этельберта, по всей видимости, не предусматривала распоряжение землями в той или иной форме: это была власть авторитета, основанной теперь не только на силе

или родственных связях, но и несущая новый статус.

Косвенным свидетельством того, что крещение англосаксонских королевств произошло в первую очередь в интересах самих королей является то, что их потомки на какое-то время отвергли христианство и вернулись к вере предков. Отмечается, что вслед за Этельбертом христианство, возможно, приняли его приближённые, само подобное развитие событий иногда вполне справедливо оценивается как сюжет, вполне типичный для раннего средневековья [13; с. 64]. Однако, по-видимому, прав Беда Достопочтенный, явно с горечью написавший, что было немало и тех, кто «принял законы веры и благочестия из страха перед королём или ради его милостей» [2, с. 54; 6, с. 91]. Чем обусловлена эта «языческая реакция»? Отчасти это может быть сопротивлением той части приближённых, которая не приняла изменения, в особенности – языческого жречества. Отчасти наследники упомянутых королей могли тяготиться положением Церкви. Б. Йорк, в частности, полагает, что одной из причин подобного неповиновения было недовольство доминированием Кента [21, с. 48].

Таким образом, на основании имеющихся данных мы можем сделать следующие выводы: вне зависимости от того, когда началось самостоятельное правление Этельберта, его решение принять римскую миссию было, по крайней мере, отчасти обусловлено конфликтом с западными саксами, начало которого было на памяти короля; принятие христианства Этельбертом способствовала получению им статуса покровителя Церкви во всех англосаксонских землях, что в случае с Эссексом дало ему новый рычаг влияния, а именно возможность фактически назначать епископов; этот статус требовал от короля активного участия в работе римской миссии, поскольку расширение географии её деятельности расширяло и его влияние в англосаксонских землях, тем самым позволяя королю претендовать на верховную власть; *imperium* при этом представлял собой комплекс взаимоотношений его носителя с «подчинёнными» королями, которые складывались, исходя из конкретных обстоятельств, примером чему могут послужить отношения трёх англосаксонских королевств, рассмотренные в этой статье.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Англосаксонская хроника / Пер. З.Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.
2. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англвов / Пер. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2003. 363 с.
3. Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. СПб.: Евразия, 2007. 288 с.
4. Григорий Турский. История франков. М.: Наука, 1983. 461 с.
5. Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 203 с.
6. Beda Venerabilis. Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum / Ed. By Holder A. Freiburg und Leipzig: Akademische Verlagshandlung von J. C. B. Mohr, 1895. 459 p.
7. Blair J. The Church in Anglo-Saxon Society. NY.: Oxford University Press, 2005. 604 p.
8. Brooks N. The Anglo-Saxon Myths: State and Church 400-1066. London and Rio Grande: The Hambleton Press, 2000. 308 p.

9. Deanesly M. The Court of King Aethelberht of Kent // *The Cambridge Historical Journal*. 1942. Vol. 7. № 2. P. 101–114.
10. Fleming R. *Britain after Rome: The Fall and Rise 400 to 1070*. L.: Penguin Books, 2011. 458 p.
11. Gregorius Magnus. *Ad fratres in Angliam euntes* // *Patrologia Latina*. Tomus LXXVII. Paris: [б.и.], 1849. С. 836.
12. Higham H. J. *The convert kings: Power and religious affiliation in early Anglo-Saxon England*. Manchester and New York: Manchester University Press, 1997. 293 p.
13. Madigan K. *Medieval Christianity: A New History*. New Haven and London: Yale University Press, 2015. 487 p.
14. Manuscript A: The Parker Chronicle [электронный ресурс] // *The Anglo-Saxon Chronicle* [сайт]. URL: <http://asc.jebbo.co.uk/a/a-L.html> (дата обращения: 27.10.2016).
15. Manuscript B: Cotton Tiberius A. vi [электронный ресурс] // *The Anglo-Saxon Chronicle* [сайт]. URL: <http://asc.jebbo.co.uk/b/b-L.html> (дата обращения: 27.10.2016).
16. S1 [электронный ресурс] // ASChart. Anglo-Saxon Charters: [сайт]. URL: <http://www.aschart.kcl.ac.uk/charters/s0001.html> (дата обращения: 07.10.2016).
17. S2 [электронный ресурс] // ASChart. Anglo-Saxon Charters: [сайт]. URL: <http://www.aschart.kcl.ac.uk/charters/s0002.html> (дата обращения: 07.10.2016).
18. S3 [электронный ресурс] // ASChart. Anglo-Saxon Charters: [сайт]. URL: <http://www.aschart.kcl.ac.uk/charters/s0003.html> (дата обращения: 07.10.2016).
19. S4 [электронный ресурс] // ASChart. Anglo-Saxon Charters: [сайт]. URL: <http://www.aschart.kcl.ac.uk/charters/s0004.html> (дата обращения: 07.10.2016).
20. S5 [электронный ресурс] // ASChart. Anglo-Saxon Charters: [сайт]. URL: <http://www.aschart.kcl.ac.uk/charters/s0005.html> (дата обращения: 07.10.2016).
21. Yorke B. *Kings and Kingdoms of Early Anglo-Saxon England*. L.: Seaby, 1990. 218 p.
22. Yorke B. *The Conversion of Britain: Religion, Politics and Society in Britain c. 600–800*. Harlow: Pearson Education Limited, 2006. 333 p.

REFERENCES

1. *Anglosaksonskaya khronika* / Per. Z.YU. Metlitskoi [The Anglo-Saxon Chronicle / Translated by Z. Y. Metlitsky]. SPb., Evraziya, 2010. 288 p.
2. *Beda Dostopochtennyi. Tserkovnaya istoriya naroda anglov* / Per. V.V. Erlikhmana [Bede. Ecclesiastical History of the Angles / Per. V.V. Erlikhman]. SPb., Aleteiya, 2003. 363 p.
3. Glebov A.G. *Angliya v rannee srednevekov'e* [England in the Early Middle Ages]. SPb., Evraziya, 2007. 288 p.
4. Grigorii Turskii. *Istoriya frankov* [Gregory of Tours. History of the Franks]. M., Nauka, 1983. 461 p.
5. Mel'nikova E.A. *Mech i lira. Anglosaksonskoe obshchestvo v istorii i epose* [The Sword and the Lyre. Anglo-Saxon Society in History and Epos]. M., Mysl', 1987. 203 p.
6. *Beda Venerabilis. Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum* / Ed. By Holder A. Freiburg und Leipzig: Akademische Verlagsbuchhandlung von J. C. B. Mohr, 1895. 459 p.
7. Blair J. *The Church in Anglo-Saxon Society*. NY.: Oxford University Press, 2005. 604 p.
8. Brooks N. *The Anglo-Saxon Myths: State and Church 400-1066*. London and Rio Grande: The Hambleton Press, 2000. 308 p.
9. Deanesly M. The Court of King Aethelberht of Kent // *The Cambridge Historical Journal*. 1942. Vol. 7. №. 2. P. 101-114
10. Fleming R. *Britain after Rome: The Fall and Rise 400 to 1070*. L.: Penguin Books, 2011. 458 p.

11. Gregorius Magnus. Ad fratres in Angliam euntes // Patrologia Latina. Tomus LXXVII. Paris: [б.и.], 1849. С. 836.
12. Higham H. J. The convert kings: Power and religious affiliation in early Anglo-Saxon England. Manchester and New York: Manchester University Press, 1997. 293 p.
13. Madigan K. Medieval Christianity: A New History. New Haven and London: Yale University Press, 2015. 487 p.
14. Manuscript A: The Parker Chronicle [электронный ресурс] // The Anglo-Saxon Chronicle [сайт]. URL: <http://asc.jebbo.co.uk/a/a-L.html> (дата обращения: 27.10.2016 г.)
15. Manuscript B: Cotton Tiberius A. vi [электронный ресурс] // The Anglo-Saxon Chronicle [сайт]. URL: <http://asc.jebbo.co.uk/b/b-L.html> (дата обращения: 27.10.2016 г.)
16. S1 [электронный ресурс] // ASChart. Anglo-Saxon Charters: [сайт]. URL: <http://www.aschart.kcl.ac.uk/charters/s0001.html> (дата обращения: 07.10.2016 г.)
17. S2 [электронный ресурс] // ASChart. Anglo-Saxon Charters: [сайт]. URL: <http://www.aschart.kcl.ac.uk/charters/s0002.html> (дата обращения: 07.10.2016 г.)
18. S3 [электронный ресурс] // ASChart. Anglo-Saxon Charters: [сайт]. URL: <http://www.aschart.kcl.ac.uk/charters/s0003.html> (дата обращения: 07.10.2016 г.)
19. S4 [электронный ресурс] // ASChart. Anglo-Saxon Charters: [сайт]. URL: <http://www.aschart.kcl.ac.uk/charters/s0004.html> (дата обращения: 07.10.2016 г.)
20. S5 [электронный ресурс] // ASChart. Anglo-Saxon Charters: [сайт]. URL: <http://www.aschart.kcl.ac.uk/charters/s0005.html> (дата обращения: 07.10.2016 г.)
21. Yorke B. Kings and Kingdoms of Early Anglo-Saxon England. L.: Seaby, 1990. 218 p.
22. Yorke B. The Conversion of Britain: Religion, Politics and Society in Britain c. 600-800. Harlow: Pearson Education Limited, 2006. 333 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгов Максим Евгеньевич – аспирант кафедры археологии, истории Древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: maximdolgoff1992@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dolgov Maxim Y. – Post-Graduate Student of the Department of Archaeology, Ancient and Medieval History, Moscow State Regional University;
e-mail: maximdolgoff1992@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Долгов М.Е. Отношения Кента и королевств Саутумбрии в конце VI – начале VII вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 49–56.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-49-56

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Dolgov. The relationship between Kent and the Southumbrian kingdoms in the late 6th – early 7th centuries // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2016. no 5. Pp. 49–56.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-49-56

УДК 331.105.44:94(7/8)'20

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-57-62

АМЕРИКАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ТРУДА И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ США В 1920-е гг. В РЕСПУБЛИКЕ ПАНАМА

Курков Н.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В 1918 г. по инициативе руководства консервативного профцентра США – Американской федерации труда (АФТ) – создается межамериканское континентальное профобъединение – Панамериканская федерация труда (ПАФТ). Она ставила своей целью ввести латиноамериканское рабочее движение в русло проамериканского реформизма, включить профсоюзы в общую систему экспансионистской политики США. Курс АФТ в Латинской Америке со всей очевидностью прослеживается на примере Панамы, где территориальная зона межокеанского канала превратилась в колониальный анклав США.

Ключевые слова: Американская федерация труда, Панамериканская федерация труда, Рабочая федерация Панамы, Панамский канал, аннексионистская политика США, народное патриотическое движение.

THE AMERICAN FEDERATION OF LABOR AND THE 1920S IMPERIALIST EXPANSION OF THE UNITED STATES INTO THE REPUBLIC OF PANAMA

N. Kurkov

Moscow State Regional University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Abstract. In 1918 on the initiative of the conservative trade-union center USA – American Federation of Labor (AFL) – inter-American continental union association – Pan-American Federation of Labor (PAFL) - was created. It was aimed at entering the Latin American labor movement into the mainstream of pro-American reformism, as well as at including the unions into the overall system of the expansionist policy of the USA. The course of the AFL in Latin America is clearly seen on the example of Panama, where the territorial area of the inter-oceanic canal became a colonial enclave of the United States.

Key words: American Federation of Labor, Pan-American Federation of Labor, Workers Confederation of the Republic of Panama, the Panama Canal, annexationist policy of the USA, the people's patriotic movement.

Американская Федерация Труда не проявляла какого-либо значительного интереса к панамским делам до 1919 г., когда эта проблема впервые возникла в связи с юрисдикционными претензиями американских тред-юнионов, имевших отделения в так называемой «зоне Панамского канала» и объединявших рабочих

и служащих – граждан США, – занятых на объектах канала.

Как известно, в 1903 г. Соединенные Штаты навязали Панаме неравноправный договор, согласно которому республика уступила им на вечные времена 10-мильную зону земли для строительства и эксплуатации межокеанского канала. Со временем зона Панамского канала превратилась в главную военную опорную базу США в Латинской Америке.

Сооружение канала было начато американцами в 1904 г. и завершено в 1914 г., однако технические неполадки (оползни), а затем Первая мировая война отодвинули его официальное открытие до 12 июня 1920 г. В 1914 г. на землеройных работах и сооружении шлюзов были заняты 44329 местных и иностранных рабочих. Было ввезено 27 тыс. рабочих с Антильских островов (главным образом говорящие по-английски негры Британской Вест-Индии) и 12 тыс. из стран Центральной и Южной Америки; меньшую часть составляли североамериканцы и панамцы [2, с. 50; 5, с. 118–119]. «Большинство рабочих трудились в тяжелых условиях и получали низкую плату. Система заработной платы строилась по расовым и национальным признакам, особенно при этом страдали уроженцы Панамы и негры» [2, с. 50].

После завершения строительства канала общее число рабочих резко сократилось и было доведено до 11511 человек обслуживающего персонала. Третью часть из них составляли североамериканцы, живущие в зоне канала, – квалифицированные высокооплачиваемые рабочие и служащие, заработки которых начислялись в золотой валюте; 80% их являлись члена-

ми цеховых профсоюзов, входивших в АФТ.

К этому времени многие неквалифицированные рабочие-неамериканцы приобрели квалификацию. Иностранные рабочие осознавали преимущества профессиональной организованности, однако со стороны подавляющего большинства североамериканских тред-юнионов им было отказано как в праве вступления в эти союзы, так и в признании их собственных профессиональных организаций [6, с. 285–286, 460; 7, с. 151–328; 9, с. 89; 11, с. 356; 13, с. 111–112, 130–132; 15, с. 93–94]. В 1924 г. был создан национальный профцентр под названием Рабочая федерация Панамы, вошедшая в состав ПАФТ.

На конгрессе ПАФТ в Мехико (1921 г.) колумбийский делегат Х. Альбарсин внес резолюцию с осуждением империалистической политики США в отношении Колумбии и Панамы. Представители АФТ добились отклонения резолюции; конгресс ограничился принятием общей декларации в защиту «суверенных прав панамериканских республик». Вместе с тем исполкому ПАФТ поручалось провести расследование всех обстоятельств заключения Панамского договора 1903 г. [12, с. 129–130].

Такое расследование, естественно, проведено не было. Лидеры АФТ не усматривали в действиях США на Панамском перешейке никаких признаков экспансионизма и империализма. В значительно большей степени АФТ была озабочена упрочением статуса американских тред-юнионов в зоне территории, отторгнутой у Панамы. В январе 1924 г. в соответствии с решением 43-го съезда Федерации

(октябрь 1923 г.) группа лидеров АФТ во главе с Гомперсом совершила поездку в зону Панамского канала «с целью ознакомиться с условиями труда и общим положением» занятых на канале рабочих-североамериканцев [8, с. 141]. Результаты обследования и рекомендации указанной комиссии были изложены в письме военному губернатору зоны Дж. Дж. Морроу и военному министру Соединенных Штатов Дж. У. Уиксу.

В письме подчеркивалось, что использование рабочих-иностранцев на объектах канала («почти все они являются неграми из Британской Вест-Индии») не только подрывает позиции тред-юнионов («конкуренция дешевого труда»), но и представляет «серьезную потенциальную угрозу оборонительным военным усилиям Соединенных Штатов в этом стратегически важном опорном пункте Западного полушария»; зона Панамского канала «не является обычным коммерческим предприятием, это – форпост американской свободы, благосостояния и безопасности»; ввиду этого «использование труда и услуг американских граждан в зоне канала предпочтительнее, нежели привлечение дешевой рабочей силы иностранцев» [3, с. 212–213]. Далее в письме говорилось: «Мы имели возможность убедиться, что с военной точки зрения канал почти безупречен, однако мы не можем не высказать своего опасения в том смысле, что, если не будут приняты некоторые превентивные меры, он останется уязвимым, ибо не устранена потенциальная угроза изнутри». Члены комиссии рекомендовали уволить всех рабочих-иностранцев, «по классу квалификации превышающих уровень разнорабочих и посыль-

ных», и заменить их гражданами США (в исключительных случаях – панамцами по согласованию с Республикой Панамой) [3, с. 213].

Открытая поддержка аннекционистской, грабительской политики правящих кругов США в отношении Панамы, циничный отказ от принципов профсоюзной солидарности, пролетарского интернационализма, принесение их в жертву узкоэгоистическим, деляческим интересам североамериканских тред-юнионов – все это являло собой наиболее типичный образчик откровенно проимпериалистических, шовинистических и националистических устремлений тред-юнионистских лидеров, цеховой аристократии АФТ.

Вышесказанное может быть проиллюстрировано также на примере отношения АФТ к вооруженному вмешательству США в панамские дела осенью 1925 г. В условиях обострения экономического кризиса в середине 1920-х г. возникает широкое народное движение в специфической для Панамы форме борьбы за снижение квартплаты, кульминационной точкой которого явилась знаменитая забастовка «неуплаты за квартиру» 1925 г. В октябре 1925 г., бессильное сломить сопротивление масс олигархическое правительство Панамы обратилось к американским военным властям в зоне канала с просьбой прислать войска для подавления выступления народа. Войска США оккупировали города Панама и Колон, при этом были убиты и ранены панамцы. Лишь через две недели американцы убрались с городских улиц в свои казармы [2, с. 97; 4, с. 27].

Бесчинства оккупантов породили по отношению к ним тихую ненависть,

о чем часто писали авторы, посещавшие Панаму. Общественное мнение, выразителями которого становились профсоюзы, учащаяся молодежь, патриотическая пресса, интеллигенция, неуклонно наращивало давление на правительство, требуя коренного пересмотра договора 1903 г., расчленившего страну и превратившего ее в протекторат США [1, с. 27–28].

На очередном съезде АФТ в Атлантик-Сити по предложению делегации Федерации труда Пуэрто-Рико была принята резолюция, в соответствии с которой председателю АФТ У. Грину поручалось провести расследование причин и мотивов интервенции Соединенных Штатов. «В случае, если окажется, – говорилось в резолюции, – что вступление американских войск на территорию Панамы не было вызвано необходимостью и ничем не оправдано, председатель АФТ уполномочен заявить энергичный протест президенту США против вооруженного вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела Панамской Республики» [10, с. 380]. Грин запросил соответствующую информацию, которая была подготовлена и представлена в штаб-квартиру Американской федерации труда юрисконсультom регионального отдела профсоюзов металлистов АФТ в зоне Панамского канала У. Хашингом. В письме, адресованном У. Грину, Хашинг утверждал, что «нет абсолютно никаких оснований для проведения расследования и тем более каких-либо действий со стороны АФТ в связи с вводом войск США в Панаму», поскольку в данном случае – как и в других подобных ситуациях в

прошлом – Соединенные Штаты руководствовались обязательствами и правами, вытекающими из соответствующих положений (статей) Панамского договора, и, следовательно, «их действия носят вполне правомерный характер» [14, с. 63–64].

Текст этого письма без каких-либо комментариев был включен У. Грином в отчет Исполкома ПАФТ пятому профсоюзному конгрессу в раздел о Панаме. Поскольку в отчете не содержалось каких-либо иных суждений или точек зрения официальных представителей АФТ как в связи с американской интервенцией в Панаме, так и в отношении самого Панамского договора 1903 г., то этот документ с полным основанием можно расценивать как выражение точки зрения руководства Американской федерации труда и ПАФТ.

В резолюции, представленной Центральным профсоветом зоны Панамского канала съезду АФТ в октябре 1929 г. и утвержденной без какого-либо обсуждения, вновь подчеркивалось, что «Панамский канал является важной составной частью системы национальной обороны Соединенных Штатов, обеспечивая широкий радиус действия американских военно-морских сил». АФТ высказалась за увеличение расходов на строительство военных объектов в зоне канала [11, с. 356]. В такой интерпретации рассуждения о панамском суверенитете были не более чем пустым звуком.

Очевидно, что отношения между АФТ и панамскими профсоюзами (Рабочей федерацией) не могли носить постоянного и устойчивого характера [15, с. 94].

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонов Н.С. Омар Торрихос: «Я не хочу войти в историю, я хочу войти в зону канала». М.: Международные отношения, 1990. 238 с.
2. Панама. 1903 – 1970 гг. / Соуса Р.Д. и др. М.: Прогресс, 1974. 126 с.
3. American Federationist. 1924, March.
4. Diálogo social. Ano XIV. № 133. Abril de 1981.
5. Poblete Troncoso M., Burnett B.G. The Rise of the Latin American Labor Movement. – New Haven, CT: College and University Press, 1962. 180 p.
6. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1919.
7. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1921.
8. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1923.
9. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1924.
10. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1925.
11. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1929.
12. Report of the Proceedings of the Third Congress of the Pan-American Federation of Labor, 1921.
13. Report of the Proceedings of the Third Congress of the Pan-American Federation of Labor, 1924.
14. Report of the Proceedings of the Third Congress of the Pan-American Federation of Labor, 1927.
15. Snow S. The Pan-American Federation of Labor. Durham, NC: Duke Univ. Press, 1964. 159 P.

REFERENCES

1. Leonov N.S. Omar Torrikhos: «YA ne khochu voiti v istoriyu, ya khochu voiti v zonu kanala» [Omar Torrijos: "I Don't Want to Become a History, I Want to Enter the Canal Zone"]. M., Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 238 p.
2. Sousa R.D. Panama. 1903-1970 [Panama. 1903-1970]. M., Progress, 1974. 126 p.
3. American Federationist. 1924, March.
4. Diálogo social. Ano XIV. № 133. Abril de 1981.
5. Poblete Troncoso M., Burnett B.G. The Rise of the Latin American Labor Movement. – New Haven, CT: College and University Press, 1962. 180 p.
6. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1919.
7. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1921.
8. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1923.
9. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1924.
10. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1925.

11. Report of the Proceedings of the Thirty-Ninth Annual Convention of the American Federation of Labor. Washington, DC: The Law Reporter Printing Company, 1929.
12. Report of the Proceedings of the Third Congress of the Pan-American Federation of Labor, 1921.
13. Report of the Proceedings of the Third Congress of the Pan-American Federation of Labor, 1924.
14. Report of the Proceedings of the Third Congress of the Pan-American Federation of Labor, 1927.
15. Snow S. The Pan-American Federation of Labor. Durham, NC: Duke Univ. Press, 1964. 159 P.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курков Николай Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;

e-mail: kurkowkonstantin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kurkov Nikolay V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of the New and Contemporary History and Methodology, Moscow State Regional University;

e-mail: kurkowkonstantin@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Курков Н.В. Американская федерация труда и империалистическая экспансия США в 1920-е гг. в республике Панама // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 57–62.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-57-62

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Kurkov. The American federation of labor and the 1920s imperialist expansion of the United States into the Republic of Panama // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 57–62.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-57-62

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-63-70

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РУМЫНСКИХ ОККУПАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТРАНСНИСТРИИ (1941–1944)*

Синицын Ф.Л.*Государственный университет по землеустройству**105064, г. Москва, ул. Казакова, д. 15. Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматриваются основные аспекты национальной и религиозной политики румынских оккупантов на территории Транснистрии в период Великой Отечественной войны (1941–1944). Автор делает вывод, что основной целью румынской политики являлась румынизация, деукраинизация и «рехристианизация» (в румынском духе) захваченной территории СССР. Несмотря на заигрывание оккупантов с населением и потворство русскому культурному компоненту (в противовес украинскому), истинное отношение румынских властей к населению Транснистрии было колонизаторским. Итогом румынской оккупации стала депопуляция этого региона.

Ключевые слова: СССР; Великая Отечественная война; национальная политика; религиозная политика; Румыния; Транснистрия.

THE ETHNIC AND RELIGIOUS POLICY OF ROMANIAN INVADERS IN TRANSNISTRIA (1941–1944)

F. Sinitsyn*State University of Land Management**15 Kazakova St., Moscow, 105064, Russian Federation*

Abstract. In the present article the basic aspects of the ethnic and religious policy of Romanian occupants on the territory of Transnistria during the Great Patriotic War (1941–1944) are analyzed. The author concludes that the main objective of Romanian politics was the Romanization, deukrainization, and 'Re-Christianization' (in Romanian spirit) of the occupied territory of the USSR. Despite flirting with the population and connivance to the Russian cultural component (as opposed to the Ukrainian one), the true attitude of the Romanian authorities to the population of Transnistria was colonialist. The outcome of the Romanian occupation was the depopulation of this region.

Key words: the USSR; the Great Patriotic War; ethnic policy; religious policy; Romania; Transnistria.

Часть территории СССР, захваченной войсками Третьего рейха и его союзников в период Великой Отечественной войны, была передана под управление Румынии. Этот регион в административно-территориальном отношении был

© Синицын Ф.Л., 2016.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №15-31-10147).

разделен на две части. Территория Измаильской области вошла в состав губернаторства Бессарабия, непосредственно включенного в состав Румынии, а Одесская область и запад Николаевской области были включены в особую административно-территориальную единицу – Транснистрию. Политический статус Транснистрии был закреплен румыно-германскими соглашениями, достигнутыми на переговорах в Тирасполе 19 августа 1941 г. и в Тигине (Бендерах) 28–30 августа 1941 г. (однако северная граница Транснистрии не была обозначена). Политическое положение Транснистрии было схожим с положением Польши (Генерал-губернаторства) под властью Германии, т.е. над ней был установлен суверенитет Румынии, но аннексия этого региона осуществлена не была. Административный центр Транснистрии находился сначала в Тирасполе, затем – в Одессе. В государственно-правовом отношении Транснистрия оставалась фактически под военным управлением¹.

Основной аспект национальной политики румынских оккупантов заключался в активной румынизации Транснистрии. Этот процесс имел, во-вторых, этнический аспект – лица румынской (молдавской) национальности, которые составляли в Транснистрии не более 4,4% населения, получили преимущества в сфере трудоустройства, образования и др.² по отношению к основным этническим группам Транснистрии (украинцам и русским) [12, р. 88], которые составля-

ли 85% ее населения. Был создан «Молдаванский комитет»³, в который, ввиду малочисленности молдавского населения в Транснистрии, принимали всех, у кого было минимум 25% молдавской крови [4, с. 25]. В Одесский мединститут молдаване могли поступить без экзамена. Были открыты магазины «только для молдаван»⁴.

Во-вторых, этот процесс имел политический аспект, заключавшийся в румынизации нерумынского населения. Изучение румынского языка было обязательным во всех учебных заведениях⁵. «Уроки румынского языка» печатались в детском журнале⁶. В оккупационных учреждениях отказывались говорить с посетителями по-русски и по-украински⁷. Проводилась румынизация детей в детских домах [4, с. 26]. Созданный в конце 1941 г. в Тирасполе Румынский научный институт занимался продвижением румынского языка. В Одесском университете были созданы Молдавский факультет [12, р. 88] и общеуниверситетская кафедра истории Румынии [10, с. 41].

Еще одним аспектом румынизации было «переписывание» истории. Оккупационные власти стремились доказать румынскую историческую принадлежность оккупированных территорий, как минимум, с VI в. [10, с. 41, 43]. В Одесском университете профессора из Румынии – А. Болдур и С. Мехединц – читали лекции, утверждая, что «Транснистрия – исконно

³ Там же. Д. 1. Л. 12.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 12; Там же. Д. 2. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 4; Там же. Д. 18. Л. 30б.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 6. Д. 214. Л. 26.

⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 6. Оп. 14. Д. 2. Л. 7.

¹ Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Раздел 6. Оп. 14. Д. 7. Л. 1, 30б.

² Там же. Д. 2. Л. 4.

румынская земля»¹. Румынский народный университет, который функционировал с осени 1942 г. по февраль 1943 г., ставил своей целью «доказать исторические судьбы Транснистрии» и «справедливость ведения войны с Советским Союзом»².

В рамках реализации программы румынизации захваченных территорий СССР, румынские власти предприняли меры по консолидации румынского населения Транснистрии. Осенью 1941 г. руководство Румынии отдало приказ осуществить перепись румынского (молдавского) населения, проживающего за Днестром. В итоге было насчитано, по разным данным, от 150 тыс. [9, с. 140–141] до 1,8 млн. чел. [12, р. 89–90]. К июню 1943 г. с территории, оккупированной Германией, в подконтрольные Румынии регионы прибыло около 5 тыс. чел., из которых 4617 чел. были расселены в Транснистрии, остальные – в Бессарабии. Для них были «освобождены» украинские села (в основном, в Рыбницком уезде), население которых было переселено в Очаковский уезд [9, с. 142–144]. Весной 1942 г. в Кагульский уезд Молдавии и Буджак были переселены румыны, прибывшие из Южной Добруджи [1, с. 132]. Румынские власти рассматривали план по выселению «нерумынского населения» из Бессарабии общей численностью до 702 тыс. чел. [2, с. 272].

Румынизация Транснистрии достигла пика в 1942 г., однако с весны 1943 г. была почти заброшена [12, с. 89] – очевидно, в связи с изменением ситуации на фронте. В целом, румынизация Транснистрии осуществлялась намного слабее, чем в Бессарабии. Так,

в Транснистрии, учитывая демографическую ситуацию, оккупанты отказались от перехода на румынский язык большей части СМИ – из 17 газет и журналов 12 выходило на русском и 5 – на румынском языке [6, с. 166]. В то же время в Бессарабии, включая Буджак, проводилась тотальная румынизация. За использование русского языка было предусмотрено жесткое наказание [6, с. 167]. Народные русские и украинские песни и танцы были запрещены. Оккупанты принуждали русских и украинцев менять фамилии на румынские³. Румынским властям помогал их довоенный опыт борьбы с использованием в Бессарабии русского и украинского языков [5, с. 189–190].

Религиозная политика румынских оккупантов была нацелена на «рехристианизацию» захваченных территорий СССР в румынском духе. Местное православие было переведено под юрисдикцию Румынской Православной Церкви [3, с. 100–101, 111]. В каждый храм был назначен румынский священник⁴. Через церковные службы происходило внедрение румынского языка [12, р. 89]. Румынские власти отвергли автокефалию украинского православия, которую активно продвигали германские власти на подконтрольной им территории. В октябре 1941 г. в Транснистрию прибыла Румынская православная миссия, целью которой было восстановление религиозной жизни в этом регионе⁵. До ноября 1942 г. миссию возглавлял архимандрит Юлий (Скрибан).

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 199. Л. 13–14.

⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 6. Оп. 14. Д. 5. Л. 106.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 17–18, 20; Там же. Д. 5. Л. 306.

¹ Там же. Д. 3. Л. 3.

² Там же. Д. 18. Л. 6.

Он ориентировал работу миссии на молдавское население. Затем миссию возглавил митрополит Виссарион (Пую) [3, с. 92–93], при котором румынизация церковной жизни сократилась, и даже было отмечено некоторое русофильство¹. С декабря 1943 г. по март 1944 г. миссию возглавлял архимандрит Антим (Ника) [4, с. 98]. Румынская православная миссия приняла меры по возрождению религии в Транснистрии. Были открыты духовная семинария, богословские курсы, женский и мужской монастыри. В школах и вузах были введены церковные обряды и преподавание «Закона Божьего»². В Транснистрии также действовала «Католическая миссия» и евангелические священники, прибывшие из Германии, которые обслуживали нужды 50 тыс. католиков и униатов и 50 тыс. протестантов. К концу 1943 г. в Одессе работали от 22 до 29 церквей. Во всей Транснистрии было 593 церкви и молитвенных дома, 118 находились в стадии ремонта и 57 строились [3, с. 105, 109]. Следует отметить, что румынская политика в религиозном вопросе существенно отличалась от германской политики, реализованной на оккупированной территории СССР. Румынские оккупанты, в отличие от германских, в своей массе сами исповедовали православие, и поэтому способствовали действительному укреплению позиций этой конфессии, а не только манипулировали ею, как это делали германские оккупационные власти. Второе отличие румынской религиозной политики от германской заключалось в запрете украинского

религиозного сепаратизма, который активно разжигали нацистские власти на оккупированной территории Украины. Взамен этого была осуществлена румынизация православия.

Национальная политика румынских оккупантов была направлена на деукраинизацию. Румынское руководство было уверено, что победа Германии приведет к созданию независимой Украины, которая потребует себе оккупированную Румынией территорию [11, р. 205]. В дополнение, враждебность румынского руководства к Украине имела длительную историю, ввиду того, что Бессарабия и Буковина были объектом претензий обеих наций [12, р. 194]. Озабоченность Румынии «украинским вопросом» проявлялась на уровне правительства этой страны³. И. Антонеску приказал выслать из Транснистрии «украинских шовинистов» и их сторонников [8, с. 82]. На территории региона любая украинская национальная деятельность, даже в культурной среде, подавлялась. Украинский язык был вытеснен из обихода и не преподавался в школах⁴. Облегчало деукраинизацию то, что в Транснистрии не было проявлений украинского шовинизма и сепаратизма [12, р. 193]. Хотя оуновские пропагандисты пытались действовать в сельской местности, ведя пропаганду за самостоятельную Украину под протекторатом Германии и вербуя в УПА⁵, в целом, деятельность украинских националистов на территории, оккупированной Румынией, не стала масштабной. Тем

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 492к. Оп. 1. Д. 11. Л. 5–6, 38; Там же. Д. 12. Л. 56.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 214. Л. 27.

⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 6. Оп. 14. Д. 1. Л. 10, 13–14.

¹ Там же. Д. 5. Л. 2.

² Там же. Д. 1. Л. 20; Там же. Д. 2. Л. 2; Там же. Д. 5. Л. 4; Там же. Д. 18. Л. 30б.

не менее деукраинизация Транснистрии вызвала протесты со стороны украинских национальных деятелей в самой Румынии, которые в этой связи жаловались на румынские власти в Германское посольство в Бухаресте [5, с. 190–192].

В противовес украинскому, румынские власти сделали ставку на русский национальный фактор. Русский язык был признан официальным, наравне с румынским и немецким. В Одессе был открыт русский театр, издавалась русскоязычная пресса. На историко-филологическом факультете Одесского университета работали отделение русского языка и литературы и кафедра русской истории [10, с. 41]. Практически открыто действовали русские национальные организации [11, р. 205–206]. Мэр Одессы Г. Пынтя общался с горожанами по-русски, за что пользовался среди них уважением. Причиной того, что румынские власти делали ставку на русский национальный фактор, было ожидание ими ликвидации российской государственности после поражения СССР в войне с Германией, после чего русский фактор не представлял бы никакой политической угрозы. Еще одной причиной было наличие среди румынских политических деятелей и чиновников выходцев из Бессарабии, которые симпатизировали русской культуре [12, р. 79–80, 83].

Особым фактором политической ситуации в Транснистрии являлись румыно-германские взаимоотношения, которые характеризовались «беспрерывными трениями, конфликтами и прямыми столкновениями». В румынской печатной и особенно устной пропаганде постоянно звучали «анти-

немецкие нотки»¹. Румынские власти завуалированно выражали неприязнь к Германии, подчеркивая в интервью германским СМИ, что политика Румынии на оккупированной территории СССР, по сравнению с германской, – весьма умеренная [12, р. 80–81]. Значительное число румынских чиновников и офицеров было настроено антигермански и англофильски².

Истинное отношение румынских властей к населению Транснистрии было колонизаторским. Хотя, в отличие от Бессарабии, где в период оккупации была реализована программа дерусификации [6, с. 166–170] (румынские власти, стремясь создать мононациональную страну, планировали минимизировать «славянский фактор», использованный СССР при возвращении Бессарабии в 1940 г.), в Транснистрии открыто русофобской политики румынские оккупационные власти не проводили [11, р. 205–206]. Тем не менее и в Транснистрии «русские рассматривались, как захватчики, узурпаторы, которые захватили эту исконно румынскую землю»³. Отношение румынских властей к местному населению было соответствующим. Сразу после взятия Одессы оккупанты арестовали не менее 7 тыс. чел. из числа мужского населения города и отправили их в Румынию как «военнопленных» (очевидно, в качестве мести за то, что долго не могли взять город и воспрепятствовать эвакуации Красной армии). Были осуществлены казни «советских активистов» (людей,

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 214. Л. 26.

² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 6. Оп. 14. Д. 7. Л. 4.

³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 6. Оп. 14. Д. 3. Л. 3.

у которых были обнаружены не только партбилеты, но и членские книжки Осоавиахима и МОПР) и заложников [12, р. 72, 74–75]. Многих юношей и девушек, отнесенных к категории «подозрительных», румынские оккупанты арестовали, пытали и казнили¹.

Итогом румынской оккупации в демографическом плане стала депопуляция городов Транснистрии, связанная с оттоком населения в сельскую местность. Так, население Одессы уменьшилось с 700 тыс. до 300 тыс. чел. [1, с. 134]. (Характерно, что в некоторых других регионах Украины такой депо-

пуляции не произошло – в частности, население Винницы до войны и к моменту освобождения имело примерно одинаковую численность – 96 тыс. и 85 тыс. чел. соответственно [7, с. 220]). Кроме того, депопуляция Транснистрии была связана с репрессиями, осуществленными оккупантами в отношении местного населения. Этот регион стал лагерем смерти для 100 тыс. советских и румынских евреев [13, р. 10]. Летом 1942 г. из Бессарабии в концлагеря Транснистрии было выслано 6,1 тыс. цыган [6, с. 167].

ЛИТЕРАТУРА

1. Левит И.Э. Политика фашистской диктатуры Антонеску на временно оккупированной территории СССР // История СССР. 1984. № 5. С. 126–141.
2. Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: Истоки, планы, реализация. Кишинев: Штиинца, 1981. 392 с.
3. Михайлуца Н. Деятельность румынской православной миссии в губернаторстве «Транснистрия» (осень 1941 – весна 1944 годов) // Забытый агрессор: Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии. М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 90–111.
4. Савченко В.А., Филиппенко А.А. Оборона Одессы: 73 дня героической обороны города. М.: Центрполиграф, 2011. 447 с.
5. Степанов В.П. Этническая политика Румынии в Бессарабии и левобережья Поднепровья, 1933–1944 гг. (на примере украинского населения) // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв.): Сб. докл. междунар. науч. конф. М.: РИСИ, 2011. С. 188–194.
6. Шорников П.М. Сопротивление политике запрета русского языка в годы фашистской оккупации Молдавии (1941–1944 гг.) // История СССР. 1991. № 5. С. 166–170.
7. Коваль М.В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах. Кієв: Альтернативи, 1999. 336 с.
8. Михайлуца М.І. Організація релігійного життя в губернаторстві Трансністрія (1941–1944 рр.) // Український історичний журнал. 2011. № 2. С. 80–90.
9. Моторна І.В. Питання репатріації румунів у Трансністрію: до постановки проблеми // Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Записки Історичного факультету. 2011. Випуск 22. С. 140–146.
10. Остащук В.І. Деякі аспекти історично-освітньої та наукової роботи в період румунської окупації в Одесі (1941–1944 рр.) // Наукові праці. Історія: Науково-методичний журнал. 2010. Вип. 108. Т. 121. С. 40–44.
11. Armstrong, John. Ukrainian Nationalism. Englewood: Ukrainian Academic Press, 1990. 271 p.

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 214. Л. 27.

12. Dallin, Alexander. *Odessa, 1941–1944: A Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule*. Iași–Oxford–Portland: The Center for Romanian Studies, 1998. 296 p.
13. *Territorial Revisionism and the Allies of Germany in the Second World War: Goals, Expectations, Practices*. / Ed. by Marina Cattaruzza, Stefan Dyroff, and Dieter Langewiesche. New York – Oxford: Berghahn Books, 2013. 224 p.

REFERENCES

1. Koval' M.V. *Ukraina v Drugii svitovii i Velikii Vitchiznyanii viinakh* [Ukraine in Other Light of the Great Patriotic War]. Kyiv, Al'ternativi, 1999. 336 p.
2. Levit I.E. *Politika fashistskoi diktatury Antonesku na vremenno okkupirovannoi territorii SSSR* [The Policy of the Fascist Dictatorship of Antonescu on the Temporarily Occupied Territory of the USSR] // *Istoriya SSSR*. 1984. no. 5. pp. 126–141.
3. Levit I.E. *Uchastie fashistskoi Rumynii v agressii protiv SSSR: Istoki, plany, realizatsiya* [The Participation of Romania in the Fascist Aggression against the USSR: Origins, Plans, Implementation]. Chisinau, Shtiintsa, 1981. 392 p.
4. Mikhailutsa N. *Deyatel'nost' rumynskoi pravoslavnoi missii v gubernatorstve «Transnistriya» (osen' 1941 vesna 1944 godov)* [The Activity of the Romanian Orthodox Mission in the Governorate of "Transnistria" (fall 1941 spring 1944)] *Zabytyi agressor: Rumynskaya okkupatsiya Moldavii i Transnistrii*. [Forgotten Aggressor: Romanian Occupation of Moldova and Transnistria.]. M., Fond «Istoricheskaya pamyat'», 2010. pp. 90–111
5. Mikhailutsa M.I. *Organizatsiya religiinogo zhittya v gubernatorstvi Transnistriya (1941–1944 rr.)* [Organization of Religious Life in Transnistria (1941–1944 RR.)] // *Ukrains'kii istorichnii zhurnal*. 2011. no. 2. pp. 80–90.
6. Motorna I.V. *Pitannya repatriatsii rumuniv u Transnistriyu: do postanovki problemi* [Power Repatriation of Romanians to Transnistria: on Stating the Problem] // *Odes'kii natsional'nii universitet imeni I.I. Mechnikova. Zapiski Istorichnogo fakul'tetu*. 2011. no. 22. pp. 140–146.
7. Ostashchuk V.I. *Deyaki aspekti istorichnoi osviti ta nauki v period rumun'skoi okupatsii v Odesi (1941–1944 rr.)* [Some Aspects of Historical Highlighting by Science the Period of Romanian Occupation of Odessa (1941–1944)] // *Naukovi pratsi. Istoriya: Naukovo-metodichnii zhurnal*. 2010. no. том 101, выпуск 108. pp. 40–44.
8. Savchenko V.A., Filippenko A.A. *Oborona Odessy: 73 dnya geroicheskoi oborony goroda* [The Defense of Odessa: the 73-Day Heroic Defense of the City]. M., Tsentrpoligraf, 2011. 447 p.
9. Stepanov V.P. *Etnicheskaya politika Rumynii v Bessarabii i levoberezh'i Podnestrov'ya, 1933–1944 gg. (na primere ukrainskogo naseleniya)* [Romania's Ethnic Politics in Bessarabia and the Left Bank of the Dniester, 1933–1944. (On the Example of the Ukrainian Population)] *Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem (konets XIX [The Eastern Policy of Romania in the Past and Present (late XIX – early XXI centuries): Sat. Dokl. Intern. scientific. Conf. M., RISI, 2011. pp. 188–194.*
10. Shornikov P.M. *Soprotivlenie politike zapreta russkogo yazyka v gody fashistskoi okkupatsii Moldavii (1941–1944 gg.)* [Resistance to the Policy of Prohibition of the Russian Language in the Years of the Nazi Occupation of Ukraine (1941–1944)] // *Istoriya SSSR*. 1991. no. 5. pp. 166–170.
11. Armstrong, John. *Ukrainian Nationalism*. Englewood: Ukrainian Academic Press, 1990. 271 p.
12. Dallin, Alexander. *Odessa, 1941–1944: A Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule*. Iași–Oxford–Portland: The Center for Romanian Studies, 1998. 296 p.
13. *Territorial Revisionism and the Allies of Germany in the Second World War: Goals, Expectations, Practices*. / Ed. by Marina Cattaruzza, Stefan Dyroff, and Dieter Langewiesche. New York – Oxford: Berghahn Books, 2013. 224 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Синицын Федор Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству;

e-mail: permcavt@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sinit syn Fedor L. – PhD (History), Associate Professor at the Department for Socio-Legal and Humanitarian Studies at the State University of Land Management (Moscow, Russia);

e-mail: permcavt@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Синицын Ф.Л. Национальная и религиозная политика румынских оккупантов на территории Транснистрии (1941–1944) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 63–70.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-63-70

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

F. Sinitsyn. The ethnic and religious policy of Romanian invaders in Transnistria (1941–1944) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 63–70.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-63-70

УДК 94(47).065

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-71-80

ДЕЛО О СТРОИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ КРЕПОСТИ СВЯТОЙ ЕЛИЗАВЕТЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ СЕРЕДИНЫ XVIII В. *

Анисимов М.Ю.

Институт российской истории РАН

117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Аннотация. В статье рассматривается дипломатическая борьба России за право строительства Крепости Св. Елизаветы в Северном Причерноморье в 50-60-е гг. XVIII в. Появление первой крепости на территории будущей Новороссийской губернии вызвало противодействие Турции и Крымского ханства, настороженность российских союзников Австрии и Англии, придворную борьбу в Петербурге. Благодаря уверенности в собственных силах и осторожности в русско-турецких отношениях Петербург добился того, что его право построить пограничную крепость никем не оспаривалось.

Ключевые слова: российская дипломатия, русско-турецкие отношения, Елизавета Петровна, колонизация Северного Причерноморья, Крепость Св. Елизаветы.

CONSTRUCTION OF THE RUSSIAN ST. ELIZABETH'S FORTRESS IN INTERNATIONAL POLICY OF THE MIDDLE OF THE 18TH CENTURY

M. Anisimov

Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences

29, Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117036, the Russian Federation

Abstract. The article investigates diplomatic struggle of Russia for the right to erect St. Elizabeth's Fortress in the Northern Black Sea Coast in the 50-60th of the 18th century. The emergence of the first fortress on the territory of future Novorossiysk Governorate caused counteraction of the Ottoman Empire and the Crimean Khanate. The Russian allies – Austrian Monarchy and Great Britain expressed the concern in this problem. The international complications caused court conflicts in the Russian capital. St. Petersburg, thanks to its confidence in its own powers and moderate policy in the Russian-Turkish relations, win the right to construct the fortress without anybody's permission.

Key words: Russian diplomacy, Russian-Turkish relations, Elizabeth Petrovna, colonization of the Northern Black Sea Coast, St. Elizabeth's fortress.

© Анисимов М.Ю., 2016.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «История Новороссии» №15-31-10147.

Дипломатическая борьба Российской империи за право начать освоение степных просторов территории будущей Новороссии в 50–60-х гг. XVIII в. не получила отдельного освещения в историографии. Право Петербурга на строительство в своих пределах Крепости Святой Елизаветы (будущего Елисаветграда на Украине), ставшей первым российским форпостом в Северном Причерноморье, активно оспаривалось Османской империей. Дипломатические события вокруг строительства Крепости Св. Елизаветы историк XIX в. Г. И. Соколов, не исследовавший дипломатические документы тех лет, описал так: «Вообще всё дело касательно сего предмета весьма любопытно: оно доказывает, что устройство Крепости Св. Елизаветы было в ту эпоху важным событием, обращавшим на себя внимание державы, соседственной с южными пределами России» [6, с. 386].

Для исследования обстоятельств начального этапа государственного освоения земель будущей Новороссии представляется актуальным вопрос о противодействии этому процессу в середине XVIII в. Османской империи и, возможно, других держав – насколько это противодействие было значимым и повлияло ли оно на российские планы заселения южных земель. В решении этого вопроса представляется значимым проанализировать работу российской дипломатии по отстаиванию государственных интересов, место дела о строительстве Крепости Св. Елизаветы в переписке Петербургского двора с российскими дипломатическими представительствами в Стамбуле, а также и других европейских столицах, в документах Архива внешней политики Российской империи.

Государственная колонизация земель будущей Новороссии берёт своё начало в мае 1751 г., когда австрийский полковник сербской пограничной милиции Йован Хорват обратился к российским властям с предложением переселиться ему в Россию вместе со своими подчинёнными-сербами в связи с тем, что австрийское правительство расформировало часть милиции.

11 января 1752 г. императрица Елизавета Петровна подписала грамоту Хорвату о назначении его начальником основываемой на южных границах России переселенческой колонии под названием «Новая Сербия». В грамоте говорилось: «для обороны во всяком случае от нападения неприятельского новопоселяемых их гусарских и пандурских полков жилищ, позволяется в пристойном месте при оных, ... сделать в нынешнем году земляную крепость, которую именовать “Крепость Святыя Елизаветы”» [3, Т. 13, с. 583].

31 марта и 1 апреля 1753 г. Сенат совместно с Военной коллегией решил: «оной Крепости Св. Елизаветы быть ... на р. Ингуле, меж устьев р. Груской, или Туры, и Каменистого Сухаклея, в расстоянии от сербской границы (граница Новой Сербии. *Прим авт.* – М. А.) в степь вниз по р. Ингулу без мала с 4 версты» [4, т. 9, с. 64].

Вероятно, с конца этого года, ещё до официального указа об основании крепости (3 марта 1754 г. [11], а сама Крепость Св. Елизаветы была торжественно заложена только 18 июня 1754 г.), её строительство уже началось, так как 2 февраля 1754 г. русский резидент в турецкой столице А.М. Обресков сообщил в Петербург о распространяющихся в Стамбуле слухах о том, что русские строят крепость

на реке Ингул. После того, как начало строительства крепости было подтверждено турецкими разведчиками, в Стамбуле это восприняли как нарушение русско-турецкого мирного договора 1739 г. и последующих соглашений.

Познакомившись с донесениями Обрескова о турецких протестах по поводу строительства приграничной крепости, российский канцлер А.П. Бестужев-Рюмин заметил на полях, что претензии турок «весьма удивительны», ибо в известность о начале строительстве Крепости Св. Елизаветы Стамбул был поставлен ещё в 1752 г.¹

8 августа 1754 г. Сенат постановил отменить впредь до особого распоряжения публикацию в газетах указа об основании Крепости Св. Елизаветы. К резиденту в Турции было решено отправить рескрипт с подтверждением прежних уверений о том, что новая крепость отстоит от турецких границ дальше, чем ранее основанная Новоархангельская, и не нарушает никаких прежних договоров с Турцией. На представления турок, что крепость отстоит от турецких границ на 14 часов езды, был дан ответ, что крепость строится не около Ташлыка на Южном Буге, а в самых верховьях Ингула в 35 верстах от польской границы и в 100 – от турецкой. Обрескову в случае необходимости следовало предложить Порте отправить своего человека в саму

строящуюся крепость, гарантируя содействие [4, т. 9, с. 277].

Пока в России вырабатывали своё отношение к турецким протестам, 8 июля 1754 г. резидент Обресков сообщил, что высшие чиновники Порты собирались на совет («Диван») по поводу строительства русской крепости, рассматривали карты, донесения, ответы Обрескова, но ничего не решили. Визирь предпочёл обратиться за посредничеством к союзникам России – Австрии и Англии. Порте австрийский интернунций в Стамбуле Г. фон Пенклер заявил, что Россия имеет право строить крепость, но, как заметил Обресков, «внутренне противное думает». Пенклер и англичанин Дж. Портер посоветовали Обрескову как можно скорее уладить проблему, опасаясь своего втягивания в возможную русско-турецкую войну из-за новой крепости².

В австрийской столице, по сообщениям русского посла Г.К. Кейзерлинга, посчитали, что дело строительства Крепости Св. Елизаветы их не затрагивает, и официально выразили поддержку России. В Петербурге, утверждая, что вольны строить города на своей земле, всё же обеспокоились турецкими претензиями и уверяли австрийцев, что крепость строится исключительно для защиты от промышляющих в этих местах разбойников-гайдамаков. Кейзерлингу в Вене следовало добиться того, чтобы в Стамбул к австрийским дипломатическим представителям были отправлены рескрипты с поручением действовать совместно с Обресковым³.

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 89, Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1754 г. Д. 2. Л. 274. 22 сентября 1752 г. Сенат распорядился отослать Обрескову уверения в том, что новые поселения и крепость строятся в российских владениях далеко от турецких границ, и карту с расположением будущей крепости Св. Елизаветы и Новой Сербии [4, т. 8, с. 691].

² АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1754 г. Д. 3. Л. 249–249об.

³ АППРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1755 г. Д. 3. Л. 96.

В турецких верхах тем временем продолжались споры: сторонники жёсткой линии по отношению к России настаивали, что русских нужно заставить прекратить строительство, сторонники мирных отношений предложили подождать, надеясь, что русские сами захотят остановить строительство.

Обресков, узнавший обо всём этом через своих информаторов в турецких канцеляриях, обратился лично к императрице Елизавете Петровне. Он писал, что, с одной стороны, Россия не должна идти на поводу у турок, с другой – Турция может перейти в лагерь врагов России или же вообще может начаться война с ней – ситуация в Стамбуле крайне нестабильна (все переговоры с русскими по поводу новой крепости Порты держала в строжайшем секрете, чтобы не спровоцировать вспышку воинственных настроений, которая могла бы привести и к свержению нынешнего султана). Резидент посоветовал императрице либо срочно завершить постройку, либо объявить, что строительство крепости отлагается исключительно ради дружеских отношений России и Турции¹.

Петербург ответил прямым отказом, и резиденту поручалось объявить об этом. Обресков сообщил о жёсткой ноте союзным дипломатам, и те стали просить его, чтобы он придержал её у себя. Английский посол Портер сказал русскому резиденту, что он уже сообщил Порте, что Россия пойдёт на уступки, и опасался заключения Турцией союза с враждебными Лондону и Петербургу Францией и Пруссией.

Обресков согласился и сообщил турецким властям, что в России решение о будущем крепости ещё не принято.

Дело строительства Крепости Св. Елизаветы вызвало борьбу и в самих русских верхах. В полученных в Петербурге донесениях Обрескова все упоминания о возможности «приступления» Турции к франко-прусскому союзу постоянно подчёркивались канцлером Бестужевым-Рюминым, озабоченным, прежде всего, отношениями России с великими державами в Европе. Его политический оппонент вице-канцлер М.И. Воронцов тоже оставил свои замечания на донесении резидента в Стамбуле. Он писал, что Обресков напрасно дал себя уговорить союзным дипломатам и придержал ноту, поскольку ему теперь труднее будет объяснить позицию России, и, кроме того, резидент «из депеши ясно усмотреть мог, что здешний ответ есть точный и никакой другой отмены ожидать не должно б» [7, с. 301].

Обресков в это же время, 1 октября 1754 г. отправил в Петербург ещё одно донесение, в котором снова предлагал остановить строительство Крепости Св. Елизаветы, поскольку турки считают её столь же важной, как и Белград, когда он был в австрийских руках, кроме того, у России есть в тех краях и другие крепости. Воронцов снова прокомментировал слова дипломата: «Я против мнения господина Обрескова думаю, что построение Крепости Св. Елизаветы будет для передо великим авантажем России и турков в узде содержать»² (ремарка Воронцова интересна и тем, что показывает истинную цель постройки крепости, а не

¹ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1754 г. Д. 3. Л. 271 об. – 272об.

² АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1754 г. Д. 4. Л. 66.

официальную, объявляемую как необходимость борьбы с гайдамаками).

Сторонник жёсткой линии в отношении России, официальный глава турецкой дипломатии (реис-эфенди) Абди-эфенди стал проводить переговоры с представителями высшего турецкого духовенства, чтобы те повлияли на султана, призвав его к решительным действиям против русских. Султан Махмуд I, рассмотрев дело, предписал Порте, что если добиться от России положительного ответа будет невозможно, то Турции не следует настаивать – русские строят крепость на своей земле, и это не является нарушением мирного договора. Обрадованный таким решением Обресков 1 декабря посоветовал своему двору быстрее закончить строительство, поскольку мирно настроенный султан тяжело болен¹.

На следующий день, 2(13) декабря 1754 г., султан Махмуд I скончался. На престол вступил брат Махмуда I, Осман III.

Борьбу за право строительства Крепости Св. Елизаветы Обрескову пришлось начинать сначала. Отметив усиление агрессивных настроений при дворе Османа III, он вновь решил отложить вручение ноты о продолжении строительства Крепости Св. Елизаветы. Для оправдания своего решения он ссылался на мнение союзных дипломатов, которые сообщили ему, что русский посланник может сразу вручать свою декларацию, «ежели намерен всю Европу зажечь»². Сама Порта не требовала новых деклараций от России, удовлетворившись прежними

объяснениями, но Обрескову стало известно о письме крымского хана Арслан-Гирея к Порте, в котором тот указывал, что строительство крепости направлено против Крыма и Турции и призывал атаковать её и снести все укрепления. Через некоторое время хан решил продолжить запрашивать у султана подкреплений для возможной войны против России, однако в Стамбуле султан уже назначил нового визиря – в мае 1755 г. им стал дипломат Наили Абдулла-паша, всегда ранее стремившийся поддерживать добрососедские отношения с Россией. Новый визирь удовлетворился всеми прежними заверениями русского двора об обязательном согласовании строительства крепости с турецкой стороной. Во избежание дальнейших осложнений Порта решила заменить Арслан-Гирея другим ханом, что, после долгих проволочек, было выполнено через несколько месяцев.

Очевидно, причиной смещения стали не только интриги «одного судьи», как считал историк Крымского ханства В.Д. Смирнов [5, с. 73], но и внешнеполитические соображения – опасения Порты быть втянутой в войну с Россией из-за новой крепости в то время, когда к войне готовилась вся Европа.

Осенью 1755 г. в турецкую столицу вернулся специальный эмиссар Порты, по приглашению Обрескова посетивший Крепость Св. Елизаветы. Его радушно встретил комендант, и эмиссар своими глазами убедился, что крепость далека от турецких границ и доложил об этом Порте, чем, по словам Обрескова в письме коменданту Глебову от 1 ноября 1755 г., успокоил её [2, с. 7–8].

¹ АВПРИ. Ф.89, Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1754 г. Д. 4. Л. 280об.

² АВПРИ. Ф.89, Сношения России с Турцией. Оп.1. 1755 г. Д.5. Л.23.

Начало 1756 г. стремительно изменило привычные союзы и дезориентировало дипломатов – союзники России и Австрии англичане 16 января 1756 г. подписали Вестминстерский договор с их врагом – прусским королём Фридрихом II. Новое перераспределение союзов грозило близкой войной, и в этой непонятной ситуации Петербург был вынужден сделать шаг назад в деле о Крепости Св. Елизаветы. Русское правительство признало правоту Обрескова и Бестужева-Рюмина в деле строительства крепости. 2 апреля 1756 г. к Обрескову был направлен рескрипт с заявлением о том, что власти страны снова хотели объявить о продолжении строительства, но решили последовать мнению Обрескова об опасности такого шага, и приняли решение: «строевание помянутой крепости до усмотрения впредь не производить»¹.

Проблема строительства Крепости Св. Елизаветы в степном приграничье Российской империи, таким образом, была заморожена. Она к этому времени привела к ощутимому кризису в русско-турецких отношениях. Канцлер Бестужев-Рюмин в такой ситуации занял верную позицию, на которую потом перешла и сама Елизавета Петровна. Бестужев-Рюмин считал, что неважно, кто именно прав в споре с турками, важнее политические последствия этих действий – Россия могла быть втянута в ненужную войну на юге, имея в тылу Пруссию и Швецию. Противники канцлера при дворе настаивали на своём – продолжать строительство, не обращая внимания на незаконные требования Турции, ибо нельзя отказаться от строительства крепости и показать этим

слабость России. Спор тянулся не один год, и затронул не только русско-турецкие отношения.

Историк Н.Н. Яковлев назвал время российской борьбы за признание права строительства Крепости Св. Елизаветы «периодом охлаждения» в русско-австрийских отношениях [9, с. 123], однако это выглядит преувеличением, так как проблема строительства Крепости Св. Елизаветы не сказалась на союзных отношениях Петербурга и Вены.

Правительство австрийской государыни Марии Терезии, судя по сведениям австро-венгерского историка А. фон Арнета, действительно уделяло проблеме строительства Крепости Св. Елизаветы большое внимание и сделало всё, чтобы оно было прекращено. Арнет считал, что Россия пошла на остановку строительства крепости из-за представлений венского двора [10, S. 370], и эту точку зрения поддерживала и советский историк-востоковед О.П. Маркова [1, с. 56]. Однако при принятии такого решения основными аргументами для России были её собственные интересы, и роль Вены не была определяющей.

Историк начала XX в. Е.Н. Щепкин писал о бурных спорах по вопросу о строительстве крепости на Ингуле на придворном Императорском Совете. Воронцов и его соратник А.В. Олсуфьев выступали за строительство, Бестужев-Рюмин – против. Решающей, судя по всему, стала позиция влиятельнейшего сановника П.И. Шувалова. Он поддержал Бестужева-Рюмина, и императрица отложила строительство [8, с. 215–220].

В 1760 г., в разгар Семилетней войны в Европе, после того, как русские

¹ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1756 г. Д. 1. Л. 123.

войска в 1759 г. сокрушили армию Фридриха II в сражении при Кунерсдорфе, вопрос о продолжении строительства Крепости Св. Елизаветы снова оказался поднят в дипломатической переписке между Петербургом и Стамбулом. О возобновлении строительства крепости Порте сообщил новый крымский хан Крым-Гирей. Резиденту в Стамбуле поручалось объявить о том, что Петербург имеет полное право строить на своей территории Крепость Св. Елизаветы, строительство которой несколько лет назад было заморожено исключительно из-за уважения к Османской империи. В начале марта 1760 г. Обресков обратился за помощью в решении этого вопроса к союзному в то время шведскому посланнику Г. Целзингу, у которого, как он знал, были свои люди в окружении визиря Рагиба-паши. Резидент просил шведского союзника дать знать визирю, что Россия имеет полное право на строительство этой крепости, и Целзинг сделал такое представление¹.

Сам русский резидент имел инструкции твёрдо отстаивать свою позицию по делу Крепости Св. Елизаветы, рассеивая турецкие иллюзии, что из-за войны в Европе Россия станет податливой на переговорах. В случае необходимости резиденту следовало намекать Порте, что Петербург отправил против прусского короля Фридриха II далеко не все свои войска².

14 мая А. М. Обресков сообщил в Петербург о неудаче шведских внушений туркам по делу Крепости Св. Елизаветы. Порта вручила русскому

резиденту ноту, в которой обвиняла Обрескова в том, что тот обманывал турок, а на самом деле крепость уже укреплена тремя валами и насчитывает 30 тысяч солдат, что свидетельствует об агрессивных намерениях Петербурга по отношению к своему южному соседу. Дипломат отправил Порте ответную ноту, в которой отрицал обвинения в свой адрес, утверждал о праве России на строительство этой крепости, и сообщал, что она оставлена в том же состоянии, что и была в 1755 г., когда Россия остановила строительство, и справедливость этого турки могут проверить сами, сравнив описание крепости в 1755 г. и сейчас. Войск в крепости, по словам Обрескова, мало, Россия является другом Турции и не имеет против неё никаких агрессивных замыслов. Закончил резидент прозрачным намёком, что если турецкие войска будут двигаться к русским границам, то и Россия может ответить тем же³.

Визирь Рагиб-паша, опытный и умелый дипломат, по ноте резидента собрал совет, на который пригласил пять бывших реис-эфенди, в том числе и Абди-эфенди, занимавшего этот пост в 1755 г., в разгар прежнего спора о крепости. Прочитав все представления Обрескова о Крепости Св. Елизаветы за несколько лет, визирь сообщил присутствующим, что, по его мнению, русский дипломат прав, и никаких противоречий или же обмана в его нотах нет, и Обресков точно отвечал только на те вопросы, которые задавала ему Порта, делая вид, что он не понимает того, что хотят узнать от него турецкие власти. Рагиб-паша ска-

¹ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1760 г. Д. 3. Л. 92.

² АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1760 г. Д. 2. Л. 80–80 об.

³ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1760 г. Д. 3. Л. 155–157.

зал чиновникам, что Порте надо было протестовать в 1752 г., когда Россия уведомила Стамбул о начале строительства этой крепости, но тогда этого сделано не было, и теперь протестовать уже поздно. Всё же Порте нужно бы добиться того, чтобы русские остановили строительство и, вероятно, стоит воздействовать на них через их союзника – Вену, чтобы австрийцы убедили Петербург отказаться от этой затеи. Старейший из занимавших пост реис-эфенди, Абди-эфенди, возразил на это, что Россия и в этом случае может отказать, и это нанесёт серьёзный политический ущерб Порте. Вместо обращения к австрийцам он предложил дожидаться официального сообщения России о том, что она решила продолжить строительство крепости, и тогда построить турецкую крепость у русских границ, или просто заявить русским о таком намерении, чтобы они либо сами остановили строительство крепости на Ингуле, либо же вступили в переговоры с Портой об этих крепостях. Это предложение было одобрено собравшимися и принято к действию.

Обресков, узнав об итогах совещания от своих информаторов в канцелярии реис-эфенди, облегчённо доложил в Петербург, что Россия, по его мнению, теперь может возобновить строительство Крепости Св. Елизаветы в любой момент, сообщив туркам, что ради них императрица столь долго ждала, чтобы турки смогли убедиться, что никакой угрозы их интересам крепость не несёт. Резидент всё же посоветовал возобновить строительство не сейчас, а после завершения европейской войны¹.

¹ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1760 г. Д. 3. Л. 176–181.

В Петербурге последовали совету Обрескова, и до окончания Семилетней войны никаких распоряжений о завершении строительства Крепости Св. Елизаветы не было. Впрочем, сама крепость не особо в этом нуждалась, уже имея и укрепления, и собственный гарнизон, и своего коменданта.

Только 22 марта 1764 г. сенаторы братья Н.И. и П.И. Панины в докладе о преобразовании Новой Сербии в российскую губернию, утверждённом императрицей Екатериной II, предложили: «Крепость Святыя Елисаветы, подтвердив в том месте, откуда она строится, без упущения времени по апробованному плану достроить» [3, т. 16, с. 659].

История упорной многолетней дипломатической борьбы России за право строительства на Ингуле крепости, ставшей первым постоянным русским форпостом на территории будущей Новороссии, успешно завершилась. В дело строительства Крепости Св. Елизаветы оказались втянуты и далёкие от Чёрного моря Австрийская монархия, Великобритания и Швеция. Международные осложнения, задержавшие масштабное освоение Россией присоединённых после Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. степных просторов, в 1764 г. остались в прошлом.

Упорное нежелание Османской империи и Крымского ханства признать право России на постройку крепости на Ингуле вполне объяснимо. Уже тогда в Стамбуле и Бахчисарае понимали, что появление такого форпоста в степных просторах недавно возвращённых русскими земель Заднепровья означает как серьёзную угрозу их владениям в Причерноморье, так и резкое сужение военных возможностей Крыма и

Турции в отношении вторжения в русские земли. В начале 1769 г., во время Русско-турецкой войны 1768-1774 гг., хан Крым-Гирей во главе крымского войска нанесёт удар именно по Крепости Св. Елизаветы и территории Новой Сербии. Крепость, построенная по последнему слову фортификации тех лет, выдержит краткую крымско-татарскую осаду, что вынудит хана отказать от планов похода в глубь рос-

сийской территории и ограничиться сожжением и разорением ближайших сёл. Это станет последним крымско-татарским нашествием на русские и украинские земли. Крепость Св. Елизаветы, сыгравшая важную роль в завоевании Россией Северного Причерноморья, в годы Русско-турецкой войны станет опорной базой русских войск, успешно действовавших на всём протяжении этого региона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М.: Наука, 1966. 322 с.
2. Пашутин А.Н. Исторический очерк г. Елизаветграда. Елизаветград: Лито-тип. бр. Шполянских, 1897. 312 с.
3. Полное Собрание Законов Российской Империи [Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года]: в 48-ми т. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
4. Сенатский архив: в 15-ти т. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1888–1913.
5. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2-х т. [Т. 2. В XVIII веке до присоединения его к России]. М.: Рубежи XXI, 2005. 542 с.
6. Соколов Г.И. Историческая и статистическая записка о военном городе Елизаветграде // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 384–401.
7. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен: в 15-ти кн. [Кн. XII: 1749–1761 гг. М.: АСТ, 2003. 880 с.
8. Щепкин Е.Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758. СПб.: Тип. С.В. Балашов и Ко, 1902. 714 с.
9. Яковлев Н.Н. Британия и Европа. М.: ИВИ РАН, 2000. 296 с.
10. Arneth A. von. Geschichte Maria Theresia's: 10 Bd. [B. 4: Maria Theresia nach dem Erbfolgekriege]. Wien: W. Braumüller, 1870. 559 S.
11. Шляховий К. Фортеця Святої Єлисавети: Історична довідка. [Электронный ресурс] / Обласна універсальна наукова бібліотека ім. Д.І. Чижевського [сайт]. URL: <http://library.kr.ua/kray/shlakhovoy/fortecia.html> (дата обращения 31.10.2016 г.)

REFERENCES

1. Markova O.P. Rossiya, Zakavkaz'e i mezhdunarodnye otnosheniya v XVIII v. [Russia, Transcaucasia and International Relations in the XVIII Century]. M., Nauka, 1966. 322 p.
2. Pashutin A.N. Istoricheskii ocherk g. Elisavetgrada. [Historical Sketch of the Town of Yelisavetgrad]. Yelisavetgrad, Lito-tip. brat'ev Shpolyanskikh, 1897. 312 p.
3. Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi Imperii [Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda]: v 48-mi tomakh. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire [First Collection: 1649-12 December 1825]: in 48 Volumes.]. SPb., Tip. 2-go Otd. Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1830.
4. Senatskii arkhiv: v 15-ti tomakh. [Senate Archive: in 15 Volumes.]. SPb., Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1888-1913.
5. Smirnov V.D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty: v 2-kh t. [T. 2.

- V XVIII veke do prisoedineniya ego k Rossii] [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Ports: in 2 Volumes [Vol. 2. In the Eighteenth Century before its Annexation to Russia]]. M., Rubezhi XXI, 2005. 542 p.
6. Sokolov G.I. Istoricheskaya i statisticheskaya zapiska o voennom gorode Elisavetgrade [Historical and Statistical Note on the Military Town of Yelisavetgrad] // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. 1848. No. 2. pp. 384-401.
 7. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen: v 15-ti kn. [Kn. XII: 1749–1761 gg.] [History of Russia since Ancient Times: in 15 Vol. [Vol. XII: 1749-1761.]]. M., AST, 2003. 880 p.
 8. Shlyakhovii K. Fortetsya Svyatoï Elisaveti: Istorichna dovidka. [Elektronnyi resurs] [The Fortress of St. Elizabeth: historical background [Electronic Source]] Oblasna universal'na naukova biblioteka im. D.I. Chizhevskogo [Universally regional scientific library im. D. I. Chizhevsky]. - URL: <http://library.kr.ua/kray/shlakhovoy/fortecia.html> (request date 31.10.2016 g)
 9. Shchepkin E.N. Russko-avstriiskii soyuz vo vremya Semiletnei voyny. 1746–1758. [The Russo-Austrian Alliance during the Seven Years' War]. SPb., Tip. S.V. Balashov i Ko, 1902. 714 p.
 10. Yakovlev N.N. Britaniya i Evropa [Britain and Europe]. M., IVI RAN, 2000. 296 p.
 11. Arneth A. von. Geschichte Maria Theresia's: 10 Bd. [B. 4: Maria Theresia nach dem Erbfolgekriege]. Wien: W. Braumüller, 1870. 559 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Максим Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН; e-mail: anisimovm@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anisimov Maxim Yu. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the "Russia in the International Relations" Center of Institute of the Russian History, the Russian Academy of Sciences; e-mail: anisimovm@list.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Анисимов М.Ю. Дело о строительстве российской Крепости Святой Елизаветы в международной политике середины XVIII в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 71–80. DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-71-80

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Anisimov. Construction of the Russian St. Elizabeth's fortress in international policy of the middle of the 18th century // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 71–80. DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-71-80

УДК 94 (47).072

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-81-87

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ В МИНИСТЕРСТВЕ ФИНАНСОВ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ И ЭКОНОМИКОЙ В 1810–1820-х гг.

Соловьёв Я.В.

*Московский областной государственный университет
105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается процесс расширения функций Министерства финансов Российской империи во второй половине царствования Александра I. Автор указывает на закономерность сосредоточения в эти годы управления финансами и хозяйством в одном ведомстве. Произошедшие в этот период изменения в положении Министерства финансов позволили создать фундамент для деятельности одного из самых выдающихся в истории России министров финансов – Е.Ф. Канкрин.

Ключевые слова: Министерство финансов, казначейство, финансовая политика, управление промышленностью и торговлей.

THE CONCENTRATION IN THE MINISTRY OF FINANCE THE MAIN FUNCTIONS OF MANAGEMENT OF PUBLIC FINANCES AND THE ECONOMY IN THE 1810–1820S

Y. Soloviev

*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article discusses the process of expanding the functions of the Ministry of Finance of the Russian Empire in the second half of the reign of Alexander the First. The author stresses that the process of concentration of financial management and economy in one ministry in those years was in conformity with natural laws. The changes in the position of the Ministry of Finance, which took place in those years, helped to create the foundation for the activities of E.F. Kankrin, one of the most outstanding in the history of Russia Ministers of Finance.

Key words: Ministry of Finance, treasury, financial policy, management of industry and trade.

В последние годы в отечественной историографии сделано немало для изучения истории государственного управления финансами императорской России. Но основное внимание было уделено второй половине XIX в., работ же, посвященных первой половине столетия, значительно меньше. Следует выделить, прежде всего, работы Л.Е. Шепелева [8] и обстоятельную монографию Л.П. Марней [4]. Государственному казначейству в первой половине XIX в. посвящены работы Н.А. Размановой [например, 7]. Но и в этих работах не были освещены

© Соловьёв Я.В., 2016.

многие аспекты развития системы финансового управления, аппарата Министерства финансов 1810–1820-х гг.

В 1802 г. в России были учреждены министерства, в том числе Министерство финансов (далее – МФ). Задачами министра финансов были названы управление казенными и государственными частями в целях извлечения доходов и рассигнование всех доходов по разным частям. Ведению министра финансов поручались: 1) Берг-коллегия; 2) Монетный департамент; 3) Экспедиция о заготовлении и хранении вексельной бумаги; 4) часть Экспедиции государственного хозяйства (дела по Камеральному столу, печатанию векселей и заемных писем); 5) Лесной департамент, оброчные статьи, хозяйственное управление казенными землями; 6) Ассигнационный и Заемный государственные банки с Экспедицией заготовления ассигнационных листов; 7) на местах, все казенные палаты по винным откупам и подрядам, по всем делам до государственных доходов и расходов относящихся.

При этом заведование финансово-хозяйственными делами было вверено, кроме министра финансов, министру коммерции, который ведал всей торговой и таможенной частями; государственному казначею, ведомству которого подлежали казенные палаты по части казенных сборов, губернские и уездные казначеи, счетные экспедиции казенных палат, Статное и Остаточное казначейство; и отчасти министру внутренних дел, ведавшему всей промышленностью, кроме горной.

Государственное казначейство было самостоятельным, хотя и тесно связанным с МФ управлением. Государственный казначей через министра

финансов получал распоряжения о расходах, сообщал ему ведомость о доходах, казенные палаты были местными органами и МФ, и Казначейства.

Раздробление финансово-хозяйственных функций между различными ведомствами должно было привести к параллелизму в их работе, и потребовался еще целый ряд управленческих реформ, чтобы навести в этой части порядок.

Больших усилий со стороны МФ потребовало решение проблемы взаимоотношений с Государственным казначейством. Их деятельность была настолько взаимосвязанной, что обособленное, по закону, от МФ, ведомство государственного казначея в действительности было с ним соединено: вначале министру финансов А.И. Васильеву принадлежало высшее руководство Государственным казначейством [5, с. 38], а после его смерти во главе обоих ведомств в 1807 – 1809 гг. временно встал государственный казначей Ф.А. Голубцов [6, т. XXIX, № 22609, № 22620], что имело негативные последствия для развития и финансового ведомства, и финансовой системы в целом, так как присущий ведомству Голубцова «казначейский» подход к финансовой политике был бесперспективен и постепенно приближал Россию к настоящей финансовой катастрофе.

В этих условиях М.М. Сперанский разрабатывает «План финансов», с выполнением которого Государственное казначейство справиться не могло. Поэтому 1 января 1810 г. МФ стало вновь самостоятельным. По манифесту 25 июля 1810 г. МФ ведало «все источники доходов, как то: управление государственными имуществами, дела

горные, соляные, сборы и пошлины всякого рода, в том числе и управление Таможен, доходы городские и земские денежные повинности, дела монетные, банковые и прочее» [6, т. XXXI, № 24507].

После отставки барона Кампенагузена в 1811 г. с поста государственного казначея нового назначения на эту должность не последовало. Пертурбации, происходившие с Государственным казначейством и МФ в этот период, доказывают незавершенность определения МФ в качестве одного из центральных ведомств. Несмотря на явное совпадение функций МФ и Государственного казначейства, необходимость их слияния осознавалась еще на протяжении целого десятилетия.

17 августа 1810 г. было ликвидировано Министерство коммерции, дела которого были поделены между Министерством финансов и Министерством внутренних дел (МВД). В последнее передавались все дела, связанные с внутренней торговлей. В МФ переходили все дела, связанные с деятельностью Коммерц-коллегии: переписка с агентами и консулами за границей по предметам торговли, сведения о российских предприятиях за границей, учреждение коммерческих банков, надзор за ликвидационными комиссиями по торговым делам, таможенное управление и т. п. В ведение МФ передавалась и сама Коммерц-коллегия, которая по делам, связанным с внутренней торговлей, должна была соотноситься с МВД. Одновременно из МВД в МФ передавались все дела по казенным землям, по прощению или отсрочке поземельных недоимок, по винным откупам, клеймению и продаже новых мер и весов, соляная часть,

все дела по городским и земским повинностям, сборам и доходам и переселении казенных крестьян.

Таким образом, в ведении МВД оставались дела по внутренней торговле и промышленности и об устройстве новых мер и весов; остальная финансово-хозяйственная часть сосредоточивалась в МФ.

По «Учреждению Министерства Финансов» министерство состояло из четырех департаментов (государственных имуществ; горных и соляных дел; внешней торговли; разных податей и сборов) и Канцелярии министра.

Проведенная М.М. Сперанским в 1811 г. министерская реформа не достигла четкого разграничения компетенции, как между ведомствами, так и между их отдельными частями. Заведование государственным хозяйством было разделено между МФ, Государственным казначейством и МВД по формальному признаку. Внешняя торговля была разделена с внутренней. Доходные и расходные выкладки МФ были отделены от «живых» денег, которыми ведало Государственное казначейство. Ликвидация такой разобщенности и параллелизма в заведении государственным хозяйством и стала основным содержанием следующего этапа в развитии МФ, для которого также было характерно и начало реального становления МФ в качестве ведомства с разветвленной системой местных органов, чему способствовало завершение организации министерств. «Центральный аппарат министерства с его местными органами и учреждениями составлял отныне единое ведомство со своими административными порядками, составом чиновников, бюджетом, иногда своим

ведомственным территориальным, не совпадающим с общим административно-территориальным делением» [3, с. 158].

Этап сосредоточения в МФ основных функций управления государственными финансами и экономикой ознаменован двумя важнейшими преобразованиями. Во-первых, в 1819 г. из ведения МВД в МФ передается Департамент мануфактур и внутренней торговли [6, т. XXXVI, № 27946]. Министр финансов Д.А. Гурьев оправдывал передачу департамента в свое ведомство тем, что поощрения промышленности «относятся более к Министерству финансов, нежели к другому, ибо оное первое из того может извлечь пользу, и сие тем еще более, что внешняя торговля принадлежит к его ведомству и что от оной никак уже невозможно отделить торговли внутренней» [5, с. 42].

Во-вторых, в 1821 г. произошло окончательное слияние МФ и Государственного казначейства, на чем неоднократно настаивали министры финансов. Например, в 1815 г. Д.А. Гурьев поднимал этот вопрос в записке об устройстве верховных правительств в России [1, с. 79]. Теперь в составе МФ был образован Департамент государственного казначейства из 14 отделений, которые делились на две части – распорядительную (ведавшую все дела по приему и хранению доходов и по обращению их на расходы) и счетную (делилась на Контроль и Бухгалтерию) [6, т. XXXVII, № 28542, № 28545]. На Департамент возлагалось составление государственных росписей и финансовых отчетов, он осуществлял заведование приходом и расходом государственных денежных средств, переписку по поводу недоимок, пере-

вод денежных средств из одного казначейства в другое, вел учет производства, поступления в казначейство и обращения ассигнаций и монеты. В области обращения монет и драгоценных металлов он тесно контактировал с Департаментом горных и соляных дел. В области государственных доходов деятельность Департамента государственного казначейства была тесно связана с деятельностью Департамента разных податей и сборов.

Необходимо отметить, что тенденция присоединения к финансовой части казначейской была общей для многих европейских стран того времени. Например, в Пруссии Министерство финансов и казначейство были слиты в 1823 г. (через два года после русского опыта!). В составе прусского министерства был образован департамент бюджетный и кассовый. При преобразованиях в российском МФ обязательно учитывался иностранный опыт, но и к экспериментам российского МФ присматривались на Западе.

Тяжелый финансовый кризис, переживаемый Россией после наполеоновских войн, требовал сосредоточения в единых руках не только управления доходами и расходами, но и управления государственным долгом. Главной проблемой признавалось изобилие выпущенных ассигнаций, а главной задачей – их постепенное изъятие из обращения. Для этого необходимо было мобилизовать большие средства, которых в распоряжении государства не было. Поэтому в нарушение «Плана финансов» Сперанского правительство воспользовалось капиталами Комиссии погашения государственных долгов. Ее самостоятельное существование теперь признавалось неумест-

ным, и 16 апреля 1817 г. Комиссия вошла в состав МФ [6, т. XXXIV, № 26791].

Поддержание курса рубля требовало усиления доверия к государственному кредиту, а следовательно усилению контроля над деятельностью управления государственным кредитом. В 1817 г. к банкам, находившимся в ведении МФ (Ассигнационному, Заемному, Сохранным Казнам) присоединился новый Государственный коммерческий банк.

Главной проблемой в работе местных органов финансовой администрации оставались их неурегулированные отношения с властью губернской. В течение 1810-х гг. происходило расширение функций местных финансовых органов. Наиболее важным моментом в становлении местных органов власти МФ явилась борьба между финансовым ведомством и губернской властью (подчиненной МВД) вокруг питейного дела, которое ранее «состояло скорее в ведении губернаторов, нежели финансовой администрации» [5, с. 52]. По уставу о питейном сборе 1817 г. (связанного с введением казенной продажи питей) надзор за вольной продажей питей был возложен на полицию, а управление казенными сборами было сосредоточено в казенной палате, в учрежденном особом отделении питейного сбора и в уездных правлениях питейного сбора. В уставе было зафиксировано, что во всех делах и распоряжениях, основанных «на точной силе узаконений и не предполагающих никакой из них отмены, Казенная Палата имеет власть действовать по собственным определениям своим, не быв обязана испрашивать разрешения от своего или Губернского Начальства (Подчеркнуто

мною. – Я. С.)» [6, т. XXXIV. № 26764. Ст. 2, 65, 66]. И хотя, в результате противодействия губернаторской власти и упадка питейных доходов, устав был дополнен положением о высшем наблюдении губернаторов за питейною частью [6, Т. XXXVII, № 28542, № 28545], но справедливым представляется мнение авторов юбилейного издания Министерства финансов, что этот устав «является первым шагом к выделению казенных палат из ближайшего подчинения губернскому начальству» [5, с. 52]. Однако податное дело оставалось полностью в руках губернских властей.

Так что Министерство финансов в течение первой четверти XIX в. «лишь постепенно, шаг за шагом, приобретает возможность непосредственного воздействия на вверенные ему отрасли местного управления» [5, с. 53]. На этом пути ему приходилось вести борьбу не только с губернским начальством, но и с другими ведомствами, как, например, с министром юстиции – по поводу надзора над соляными приставами [6, т. XXXVI, № 27707].

Уже в 1821 г. в заседании Соединенных департаментов Гражданских и духовных дел и Государственной экономии Государственного совета говорилось об угрозе распространения «через меру власти Министерства финансов над всеми вообще сословиями: дворянским, купеческим, мещанским и крестьянским и над всеми совокупно, гражданскими присутственными местами». По мнению департаментов, в последние годы Министерство финансов «возрастая постепенно, распространило власть свою прямо или косвенно почти на все уже части государственного управления» [2, с. 33].

Конечно же, Департаменты преувеличивали реальные рамки власти Министерства финансов, как и темпы роста его аппарата. Но они точно уловили тенденцию, которая нашла свое воплощение в последующем этапе его развития.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года, касающиеся преобразования высшего государственного управления // Сборник императорского Российского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. С. 1–211.
2. Государственный совет. 1801–1901. СПб.: Гос. тип., 1901. 446 с.
3. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
4. Марней Л.П. Д.А. Гурьев и финансовая политика Россия в начале XIX в. М.: Индрик, 2009. 272 с.
5. Министерство финансов (1802 – 1902): Часть первая. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. 687 с.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. 48 т. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
7. Разманова Н.А. Структура Департамента государственного казначейства и функции его подразделений в 1820 – 1840-х годов // Финансы. 2012. № 4. С. 26–31.
8. Шепелев Л.Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. 461 с.

REFERENCES

1. Bumagi Komiteta 6 dekabrya 1826 goda, kasayushchiesya preobrazovaniya vysshego gosudarstvennogo upravleniya [Paper of the Committee on 6 December 1826, Concerning the Transformation of Higher State Control] Sbornik imperatorskogo Rossiiskogo istoricheskogo obshchestva. T. 90 [The Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 90]. SPb., 1894. pp. 1–211.
2. Gosudarstvennyi sovet. 1801–1901. [The Council of State. 1801–1901.]. SPb, Gos. tipografiya, 1901. 446 p.
3. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii [The History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. M., Vysshaya shkola, 1983. 352 p.
4. Marnei L.P. D.A. Gur'ev i finansovaya politika Rossiya v nachale XIX v [Guriev and Financial Policy of Russia in the Early XIX Century]. M., Indrik, 2009. 272 p.
5. Ministerstvo finansov (1802–1902). CHast' pervaya [The Ministry of Finance (1802–1902). Part One]. SPb., Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag, 1902. 687 p.
6. Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. 48 toмов [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One: from 1649 to December 12, 1825. 48 Volumes]. SPb, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1830.
7. Razmanova N.A. Struktura Departamenta gosudarstvennogo kaznacheistva i funktsii ego podrazdelenii v 1820 – 1840-kh godov [The Structure of the State Treasury Department and the Functions of its Divisions in the 1820 – 1840s] // Finansy. 2012. no. 4. pp. 26–31.
8. Shepelev L.E. Apparat vlasti v Rossii. Epokha Aleksandra I i Nikolaya I [The Apparatus of Power in Russia. The Epoch of Alexander I and Nicholas I]. SPb., Iskustvo-SPB, 2007. 461 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьёв Ян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: solyan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soloviev Yan V. – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia of the Middle Ages and New Times, Moscow State Regional University;

e-mail: solyan@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Соловьёв Я.В. Сосредоточение в Министерстве финансов основных функций по управлению государственными финансами и экономикой в 1810–1820-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 81–87.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-81-87

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Y. Soloviev. The concentration in the Ministry of Finance the main functions of management of public finances and the economy in the 1810–1820s // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 81–87.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-81-87

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-88-99

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛЕННОЧЕСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: БЫТ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Бухаренкова О.Ю.

*Государственный гуманитарно-технологический университет
142611 г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д.22, Московская область,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается такой аспект отечественного ремесленного производства второй половины XIX в., как образ жизни различных слоев ремесленников. Автор описывает рацион питания и расходы на него, а также место проживания и работы ремесленников. На основе анализа широкого круга источников и литературы автор делает вывод о том, что отсутствие в пореформенной России однородного сословия ремесленников нашло отражение и в особенностях их быта. При этом быт практически всех представителей ремесленной прослойки был крайне тяжел и скуден.

Ключевые слова: городское ремесленное производство, промышленность, мещане, крестьяне-отходники, ремесленник.

RUSSIAN URBAN CRAFTSMANSHIP IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: HOUSEKEEPING AND WAY OF LIFE

O. Bukharenkova

*State University of Humanities and Technology (GGTU)
22, Zelyonaya street, Orekhovo-Zuyevo, 142611, Moscow Region, the Russian Federation*

Abstract. The article reviews such aspect of Russian craftsmanship in the second half of the XIX c. as way of life of various social groups of craftsmen. The author describes the food ration and expenses on it, as well as craftsmen's places of living and work. On the basis of analyzing a wide range of sources and literature the author comes to the conclusion that the absence of homogeneous craftsmen class in post-reform Russia was reflected in the peculiarities of their way of life. Besides, life of practically all the craftsmen was extremely hard and poor.

Key words: urban craftsmanship, industry, lower middle class, peasants with seasonal work in cities (otkhodniki), craftsman.

Городское ремесленное производство не является достаточно изученной темой в отечественной исторической науке [5]. Еще меньшее внимание уделено проблеме быта и повседневности городских ремесленников вообще и второй половины XIX в., в частности. Некоторую информацию по данной теме, в виде кратких зарисовок, можно увидеть в работах, посвященных истории российских городов [2; 16; 17; 19; 27; 29; 34], в целом промышленности [7; 8; 10; 14; 24; 38], во-

просам городского промышленного производства [9; 11; 13; 18; 20; 22; 31; 32; 33; 38] и отдельным отраслям ремесленной промышленности [15; 21; 37].

Отсутствие специального исследования, посвященного анализу быта и образа жизни городских ремесленников России второй половины XIX в., определяет актуальность настоящей статьи, выполненной с привлечением архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

Перед тем как перейти к рассмотрению заявленной темы, следует отметить, что ко второй половине XIX в. в России еще не сложилась однородная прослойка городского ремесленного населения, что было, прежде всего, связано с особенностями градообразовательного процесса в нашей стране и активным вмешательством в него государства. Это обстоятельство затрудняет выявление единой картины ремесленного быта того времени и требует рассмотрения его в привязке к отдельным категориям ремесленников.

Аналитическая сводка Министерства внутренних дел «Изменения в составе и числе городов, происшедшие в составе и числе городов в царствование Екатерины II», опубликованная в 1834 г., четко показывает природу российского градообразовательного процесса. Из 362 городов, созданных в период правления Екатерины Великой, только 89 (24,6%) были организованы по причине развития в данном месте торговли и промышленности, возникновение остальных было связано с административной необходимостью.

Согласно данным С.Ф. Руднева, составленным на основе сведений 14 гу-

берний Европейской России к концу 70-х гг. XIX в., 41% крестьян-отходников пополняли ряды городских ремесленников [26]. Именно они и составляли самую многочисленную группу мелких городских промышленников [4].

Большинство из них не были ни временно, ни постоянно приписаны к городским и ремесленным обществам, а работали на основании промыслового патента или, в связи с незначительностью предприятия, вообще без такового. Это и обуславливало, что ремесленники из крестьян не обременяли себя организацией сколько-нибудь комфортного быта. Обычными местами их обитания были ночлежки, постоялые дворы, чердаки, подвалы доходных домов и, как исключение, комнаты в домах на окраине города [12, с. 265]. Постоянной мастерской они не имели и обходились местом на рынке или перемещались от заказчика к заказчику по городским дворам.

Следует при этом отметить, что наиболее удачливые и мастеровые крестьяне-отходники, обретая материальную состоятельность, обзаводились собственным домом и даже лавкой или мастерской [32]. Быт городских промышленников из крестьян не отличался устроенностью. «Обычно в качестве жилья, – по собственным свидетельствам «отходников», – служила одна комната за 5-6 рублей с отоплением, освещением и «готовкой» хозяйки... Приготовлением пищи могла заниматься не хозяйка квартиры, а любящая базарная за 2–3 рубля в месяц» [3, с. 42]. Селились в такой квартире, как правило, «артельно» человек по пять и более, так как плата за жилье для одного «отходника» была не по карману.

Иной культурный облик имела жизнь крестьян-ремесленников, населявших слободы и посады, примыкавшие к городам. В том случае, когда города как административные единицы совпадали со сложившимися «гнездами» ремесла и торговли, их экономический потенциал значительно превышал потенциал городов, ставших таковыми исключительно по соображениям контроля территории.

Быт посадских мастеров отличался относительной устроенностью. Материалы земской статистики Московской губернии дают уникальную возможность увидеть эту разницу из описания рациона питания этих двух категорий промышленников. На простые постные щи у посадского игрушечника выходило в течение месяца – 88 коп. Если щи варились со сметками или с грибами, то ценность их повышалась еще копеек на 60, следовательно, постные щи с приваром обходятся посадскому игрушечнику за месяц в 1 руб. 40 коп.

У сельского игрушечника стоимость постных щей составляла 38 коп. А со сметками щи они никогда не варили, если и был привар, то из грибов. Грибы употреблялись, какие есть, но обычно своего сбора, следовательно, ценность щей с приваром у сельского игрушечника оставалась равной тем же 38 коп.

В мясоеды для посадского игрушечника щи становились значительно дороже; между тем у сельского игрушечника разница в стоимости скоромных и постных щей оставалась незаметной. В посаде принято было варить щи с говядиной. Говядины на человека употреблялось от 1/3 до 1/2 фунта; цена “людской говядины” [обрезки мяса

низкого качества, употреблявшиеся для приготовления пищи бедными слоями населения – прим. автора] – по 8 коп. серебра фунт; следовательно, у посадского игрушечника на щи в один скоромный день выходило около 10 коп. (8 коп. на говяжий привар и 2 коп. собственно на пустые щи), в течение же месяца, т.е. в 26 дней, включая среды и пятницы, выходило на щи около 2 руб. 60 коп.

У сельских игрушечников, если не имелось своей убоины (мяса), щи обыкновенно варились без говядины. Чтобы придать щам скороми, их забеливали молоком от своих же коров. Так как ценность молока в большинстве случаев даже приблизительно не определяется, то и месячная стоимость скоромных щей сельского игрушечника оставалась почти той же, как показано выше, т.е. равной 38 коп.

Точно так же и месячный расход на кашу был не одинаковым для посадских игрушечников и для сельских; у первых он несколько выше, нежели у вторых. Так, по расчету на трех человек в течение постного месяца выходило на кашу у посадского 2 руб. 92 коп., а у сельского благодаря усиленному потреблению картофеля, круп не выходило более 1 меры, на 1 руб. 60 коп. Масла для каши и картофеля употреблялось 4–5 фунтов, следовательно, и второе блюдо обходилось сельскому производителю в месяц не дороже 2 руб. 20 коп. [28, с. 86]. Таким образом, меньшие затраты на питание во многом и определяли нежелание крестьян окончательно порывать связь с селом и обзаводиться городским бытом.

Второй по величине социальной группой ремесленников были мещане. Типичная картина их быта представ-

ляла неприглядное зрелище. Горожане называли таких мастеров «одиночками» или «штучниками», что отражало не только характер их производства, ориентированный не на массовый спрос, но и размеры самого ремесленного предприятия мещан. Работа на индивидуальный («штучный») заказ определяла типичные черты их облика. Отсутствие необходимой профессиональной квалификации ограничивало возможность использования семейных работников (например, в портняжных мастерских Москвы их удельный вес составлял всего 1,5 %), а производство на заказ потребителя, минуя рыночные отношения, не инициировало его расширение и привлечение дополнительной рабочей силы (ученики и подмастерья московских портных-мещан составляли 7% работающих).

В связи с мизерностью заработка ремесленники из мещан были вынуждены, работая в среднем 14 часов в сутки, «проедать сегодня то, что работали вчера». Производственным помещением для них служили жилые квартиры. Убогость такой мастерской позволяют представить данные санитарного обследования портняжного промысла Москвы. В 63,9% мастерских на работающего приходилось менее одного «кубического содержания воздуха», в 29,1% – от 1 до 2 к.с., в 5,6% от 2 до 3 к.с. и только в 1,4% – от 3 до 3 к.с.; в 82% случаев рабочие места оборудовались в одной комнате, которая также служила спальней и кухней [21, с. 48, 51, 190, 244, 248].

Неудивительно, что на первом съезде ремесленной промышленности один из докладчиков, доктор Дембо, так охарактеризовал мещанские ма-

стерские: «за свои квартиры, по большей части весьма дурно обставленные, почти вовсе не ремонтируемые, мелким ремесленникам приходится платить непомерно дорого сравнительно с достаточными классами населения; в этих помещениях царствует скученность, вонь, грязь, нередко темнота, холод и ужасная сырость. Неудивительно, что эти грязные конуры, служащие для работы и для ночлега, заставляют обитателей их бежать в свободное время от работы куда-нибудь вон, чаще всего в трактир...» [35, с. 261–262].

Как правило, мастеровые из мещанского сословия селились компактно на окраинных улицах. В повести «Нравы Растеряевой улицы» Г.И. Успенский живо отразил атмосферу ремесленной улицы города Т. «Растеряева улица лежит на городской стороне, но общий колорит рабочего города отразился и здесь. Вот, между прочим, в лачуге, ниоткуда не защищенной заборами, проживает представительница собственно растеряевского мастерства, старая солдатка, “кукольница”. Под ее дряхлыми пальцами цветет отечественная скульптура; в летние, погожие полдни на завалинке ее лачуги непременно сушится несколько глиняных офицеров и дам и бесчисленное множество лошадей-свистулек с одними передними ногами. Растеряевские мальчишки запасаются этими свистящими конями и в течение целого года разнообразят смертельно пронзительным свистом свое горестное существование. В таких же лачугах живут сверлильщицы, наждашницы, женщины и девушки, занимающиеся на фабриках. В этой же улице живут гармонщики, токари, наводиьщики и т. д. На конце улицы, упирающейся в широкое Воронежское

шоссе, виднеется квадратное здание из темно-красного кирпича – самоварная фабрика. Все эти мастерства дают Растеряевой улице несколько иную сравнительно с другими захолустьями физиономию. В дни отдыха молчаливая физиономия ее оживляется драками и пьяными, разбросанными там и сям. В будничные дни к звонкому пению кур присоединяется стук молотков, то вперемежку, то сразу вдруг обрушивающихся на отекающую металлическую массу; звуки гармонии, на которой мастер для пробы тронул с “перехватом”; жужжание токарного станка – и надо всем этим, по обыкновению, тихая песня» [40, с. 33].

Однако столь пасмурное описание быта мастеров мещан, по мнению автора, в полной мере не отражало «темное горе их жизни». В реальности описываемый быт Растеряевой улицы представлял собой картину мещанского благополучия, значительно более привлекательную, чем повседневная жизнь большинства мещан-ремесленников, приютом которых были подвалы и чердаки доходных домов. Облик таких «обиталищ» хорошо показал В.А. Гиляровский. В частности, дом Бунина в Москве, в котором «жило много постоянных хитрованцев, существовавших поденной работой вроде колки дров и очистки снега, а женщины ходили на мытье полов, уборку, стирку, как поденщицы» [1, с. 30].

Для удешевления платы за помещение ремесленники часто снимали его «артельно» и занимали каждый свой угол. «Такие артели штучников, не принадлежа цеху, наносят громадный вред ремеслу и цеховым мастерам, способствуя укрывательству подмастерьев, задолжавших прежнему свое-

му хозяину, цеховому мастеру и учеников, не дождавшись срока контракта, так как те и другие нередко проживают у штучников без прописки видов; все за малыми исключениями, предаются пьянству и разгулу, занимаясь работою не более трех-четырёх дней в неделю, при том же в праздники до обеда»¹.

Типичный «гардероб» мастеровых мещан составляли «ватные пиджаки, вместо пальто, сапоги вместо штиблет. Приходилось встречать в этих мастерских и полураздетых, имеющих только ситцевую рубаху (часто грязную, разорванную), брюки, потерявшие свой цвет, или кальсоны». Мастерницы женщины «имеют почти всегда неряшливый вид, ходят в платочке, у многих, особенно немолодых, платье линияное, грязное, разорванное: работницы лет за 25 обычно пьют вино, курят табак» [21, с. 242–244].

Более благоустроенную жизнь вели ремесленные мастера купеческого достоинства. Они позволяли себе поездки за границу, в том числе для изучения опыта организации производства. Мастерские их имели большие размеры, порой занимая целый этаж каменного здания, как правило, совмещались с салонами, в которых демонстрировалась готовая продукция и принимались заказы от горожан [21, с. 34]. Однако за устроенным бытом и благополучием промышленников-купцов стояли тяжелые условия труда и безрадостная жизнь тех, кто трудился в их мастерских. Рабочий день на купеческих предприятиях продолжался в среднем 11 часов в сутки. В пору, когда заказов было много, или спрос на продукцию возрастал, в мастерских становилось особенно на-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 223. оп. 1. д. 5090. Л. 17 об.

пряженно. «В одной первоклассной мастерской дамских верхних вещей, – писал очевидец, – такие спешки бывают очень часто, и нервы работниц до такой степени взвинчены, что почти каждая имеет при себе валериановые капли» [21, с. 196]. Об условиях труда работников в купеческих ремесленных предприятиях специально исследовавшие эту проблему С.С. Уваров и В.В. Лялин писали, что благодаря длинному рабочему дню «ремесленники выходят в жизнь с надорванными силами и недоразвитыми, производя в свою очередь хилое потомство» [39, с. 47].

Положение работников купеческих ремесленных предприятий усугублялось принудительным введением в оплату труда «хозяйского стола». Результаты санитарного осмотра ремесленных заведений назначенного градоначальником г. Москвы в 1912 г. показали, что 68% мастеров, подмастерьев и учеников купеческих мастерских «жили на хозяйских харчах» (обед и ужин), за что из месячного заработка высчитывалось 4–6 рублей. Обед состоял из щей или супа с вареной говядиной (по 1/8 фунта), два раза в неделю, в качестве второго блюда давалась жареная говядина, «в остальные же дни гречневая или манная каша или картофель, на ужин полагались суп и каша». «Кормят мастериц и учеников, – говорилось в отчете, – отвратительно» [24, с. 14].

Отдельную категорию «ремесленного люда» составляли мастера евреи, вносившие свой колорит в городской облик. Их приток в города Центральной России увеличился после послабления режима оседлости. Многие из них прибывали с ремесленными свидетельствами, выданными по месту

постоянного проживания, но при этом не обладали ремесленным мастерством, что всегда становилось поводом для претензий со стороны городских властей и ремесленной управы¹. Однако большинство евреев-ремесленников были первоклассными портными и сапожниками (реже ювелирами). Их быт отличался благопристойностью и трезвостью. Даже когда, «встав на ноги», они выкупали гильдейские купеческие свидетельства, скромность в быту оставалась их характерной чертой.

Еще одной особенностью их быта был, не совпадающий с христианским, день отдыха. На этот счет в ст. 181 Ремесленного Устава имелось специальное разъяснение о том, что ученики и подмастерья из христиан «не могут быть употребляемы на работу в дни воскресенья и двенадцатые праздники; в свою очередь, мастера из христиан не должны принуждать к работе евреев в те дни, когда работать им запрещено по закону, употребляя их зато на работу в дни Христианских праздников» [6, с. 33–35].

Краткое рассмотрение образа жизни городских ремесленников России второй половины XIX в. показывает непродуктивность взгляда на них, как на оформившуюся однородную социальную группу, обладающую общим для всех ее участников бытом, образом жизни и поведением. Российское ремесленничество в это время представляло собой пеструю совокупность выходцев из различных социальных групп населения. В результате занятие ремеслом для них имело различные цели, что определяло и их отношение к жизни в городе, стремление к обу-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5090. Л. 15.

стройству рабочих и жилых помещений.

Эту особенность отмечали и современники. В «Русских Ведомостях» за 1899 г. говорилось: «...Купцы и ремесленники... собственно говоря, не являются даже сословиями в полном смысле этого слова, ибо правами купечества пользуется всякое лицо под

условием уплаты гильдейских пошлин, а цеховым закон не присваивает никаких особых личных прав, приравнивая их к мещанам. Далее, в купечество и ремесленные цехи можно приписываться, сохраняя права другого состояния. Их скорее можно было бы рассматривать как касты, ибо разделение здесь основано не на профессии» [25].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гиляровский В.А. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Правда, 1968. 460 с.
2. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 2: Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль: тип. П.П. Меркульева и Г.В. Фальк, 1877. 552 с.
3. Добротворский Н.А. Промыслы и неземледельческие занятия крестьян Центрального района. Курск: Тип. Губ. земства, 1885. 229 с.
4. Егоров В.Г. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 28–40.
5. Егоров В.Г., Чистова С.М. Городское ремесленное производство России в отечественной историографии. М.: МГУЛ, 2009. 272 с.
6. Журнал Министерства внутренних дел. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1853. Ч. 3. 437 с.
7. Зак С.С. промышленный капитализм в России. Петроград: Типография Центрального комитета партии социалистов-революционеров, 1917. 347 с.
8. Зомбарт Вернер. Политическая экономия промышленности. СПб.: Просвещение, [1906]. 245 с.
9. Клейн И.Л. Мелкая промышленность Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. (К вопросу о мелкотоварном укладе в экономике России) // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1972. С. 172–177.
10. Копылов Д.И. Развитие обрабатывающей промышленности г. Тюмени в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск: Наука, 1974. С. 110–130.
11. Корсак А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М.: тип. Грачева и К°, 1861. 314 с.
12. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 448 с.
13. Кулишер М.И. Цехи у нас и в Европе // Русская мысль. 1887. № 11. С. 78–92.
14. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М: Госполитиздат, 1947. 760 с.
15. Марголин С.О. Портняжное производство. Пг.: [б.и.], 1915. 183 с.
16. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века / 2-е изд., испр., доп. М.: Весь мир, 2012. 848 с.
17. Миронов Б.Н. Социальная структура городского населения России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы истории города. Л.: ЛГУ, 1988. С. 197–224.
18. Мировпольский В.Н. О ремесленных заведениях (Всероссийский торгово-промыш-

- ленный съезд 1896 г.). Нижний Новгород: [б.и.], 1896. 18 с.
19. Мухачев Е. Заметки о губернском городе Перми // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. Ч. 45. С. 85-134.
 20. Ольховая Л.В. К истории развития мелкой промышленности Урала в конце XIX – начале XX вв. (до Первой мировой войны) // Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск: УрГУ, 1964. С. 39-50.
 21. Олюнина Е.А. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ.: материалы к истории домашней промышленности в России (Семинарий по политической экономии при Московских высших женских курсах, выпуск X). М.: [б.и.], 1914. 368 с.
 22. Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М.: АН СССР, 1952. 209 с.
 23. Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России: статистико-экономические очерки. М.: Соцэкгиз, 1940. 463 с.
 24. Результаты санитарного осмотра ремесленных заведений г. Москвы // Русское Слово. 1912. 21 март.
 25. Ремесленное сословие и купечество // Русские Ведомости. 1899. 3 дек.
 26. Руднев С.Ф. Промыслы крестьян в Европейской России // Сборник Саратовского земства. 1894. № 6. С. 209–210.
 27. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: АН СССР, 1958, 556 с.
 28. Сборник статистических сведений по Московской губернии (отдел хозяйственной статистики). Т. 6. Вып. 2. М.: Тип. С.В. Гурьянова, 1880. 358 с.
 29. Семенов -Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России: очерк экономической географии. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.
 30. Смурова О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на эволюцию образа жизни города и деревни в 1861-1914 гг. (На материалах Санкт-Петербурга, Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний): дис. ... докт. ист. наук. Ярославль, 2005. 434 с.
 31. Степанов Н. Сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западноевропейских государствах. Киев: Университетская тип., 1864. 164 с.
 32. [Таранцов А.] В мастерской. Из записок русского ремесленника. Очерки А. Таранцова. М.: Нестор-история, 2011. 96 с.
 33. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1995. 272 с.
 34. Тарачков А. О состоянии торговли и промышленности в городах Болхове, Малоархангельске, Кромахе, Дмитровске // Памятная книжка Орловской губернии на 1870 год. Орел: Губ. тип., 1870. С. 1–60.
 35. Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в Петербурге. 1900 г. Т. 3: Ремесленное ученичество. СПб.: [б.и.], 1900. 476 с.
 36. Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX вв. М.: Наука, 1997. 735 с.
 37. Тульские оружейники. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
 38. [Тюфилин А.М.] Записка о состоянии ремесленности. Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1906, 23 с.
 39. Уваров С.С., Лялин В.В. Охрана жизни и здоровья работающих. [б.м.: б.и.], 1908. 580 с.
 40. Успенский Г.И. Сочинения: в 2-х т. [Т. 1]. М.: Художественная литература, 1988. 790 с.

REFERENCES

1. Gilyarovskii V.A. Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 4 [Works in Four Volumes. Vol. 4]. M., Pravda, 1968. 460 p.
2. Dityatin I.I. Ustroistvo i upravlenie gorodov Rossii. T. 2: Gorodskoe samoupravlenie v nastoyashchem stoletii. [Structure and Management of Cities of Russia. Vol. 2: the City Self-Government in the present Century.]. SPb, tip. P.P. Merkul'eva i G.V. Fal'k, 1877. 552 p.
3. Dobrotvorskii N.A. Promysly i nezemel'del'cheskie zanyatiya krest'yan T'Sentral'nogo raiona. [Crafts and Non-Agricultural Classes of Peasants of the Central District.]. Kursk, Tip. gub. zemstva, 1885. 229 p.
4. Egorov V.G. Sotsial'nyi sostav remeslennogo naseleniya Rossii vo vtoroi polovine XIX v. [The Social Composition of the Artisan Population of Russia in The second Half of the XIX Century.] // Voprosy istorii. 2011. no. 1. pp. 28-40.
5. Egorov V.G., Chistova S.M. Gorodskoe remeslennoe proizvodstvo Rossii v otechestvennoi istoriografii [The Urban Handicraft Industry of Russia in the Domestic Historiography]. M., MGUL, 2009, 272 s.,
6. Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del. [Journal of the Ministry of Internal Affairs.]. part 3. ., 1853.
7. Zak S.S. promyshlennyy kapitalizm v Rossii [Industrial Capitalism in Russia]. Petrograd, Tipografiya T'Sentral'nogo komiteta partii sotsialistov-revolutsionerov, 1917. 347 p.
8. Zombart Verner Politicheskaya ekonomiya promyshlennosti [The Political Economy of the Industry]. SPb., Prosveshchenie, [1906]. 245 p.
9. Klein I.L. Melkaya promyshlennost' Srednego Povolzh'ya v kontse XIX [Small Industries of the Middle Volga in the Late XIX - Early XX Centuries (on the Small-Scale Structure in the Economy of Russia) // Questions of History of Capitalist Russia: the Problem of Multiculturalism. Sverdlovsk, Ural'skii gos. un-t, 1972. pp. 172-177
10. Kopylov D.I. Razvitie obrabatyvayushchei promyshlennosti g. Tyumeni v kontse XVIII - pervoi polovine XIX vv. [Development of the Manufacturing Industry of the City of Tyumen in the Late XVIII - First Half of XIX cent.] Goroda Sibiri (Ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskii period). [Cities of Siberia (Economics, Management and Culture of the Cities of Siberia in Pre-Soviet Period).]. Novosibirsk, Nauka, 1974. pp. 110-130
11. Korsak A. O formakh promyshlennosti voobshche i o znachenii domashnego proizvodstva (kustarnoi i domashnei promyshlennosti) v Zapadnoi Evrope i Rossii. [On the Forms of Industry and the Value of Domestic Production (Handicraft and Domestic Industry) in Western Europe and Russia.]. Grachev and K°, 1861. 314 p.
12. Koshman L.V. Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: sotsial'nye i kul'turnye aspekty [The City and Urban Life in Russia in the XIX Century: Social and Cultural Aspects]. M., ROSSPEN, 2008. 448 p.
13. Kulisher M.I. Tsekhi u nas i v Evrope [The Workshops we Have in Europe] // Russkaya mysl'. 1887. no. 11. pp. 78-92.
14. Lyubomirov P.G. Ocherki po istorii russkoi promyshlennosti [Essays on the History of Russian Industry]. M., Gospolitizdat, 1947. 760 p.
15. Margolin S.O. Portnyazhnoe proizvodstvo [Tailoring Trade]. Petrograd, [b.i.], 1915. 183 p.
16. Mironov B.N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII - nachalo XX veka / 2-e izd., ispravlennoe, dopolnennoe. [The Welfare of the Population and Revolution in Imperial Russia: the XVIII - Early XX Century / 2nd Ed. Corrected, Augmented.]. M., Ves' mir, 2012. 848 p.
17. Mironov B.N. Sotsial'naya struktura gorodskogo naseleniya Rossii vo vtoroi polovine XVIII-pervoi polovine XIX v. [The Social Structure of Urban Population of Russia in Second Half

- of XVIII - First Half of XIX Century] *Genezis i razvitie feodalizma v Rossii: problemy istorii goroda* [The Genesis and Development of Feudalism in Russia: Problems of History of the City]. L., LGU, 1988. pp. 197-224
18. Miropol'skii V.N. O remeslennykh zavedeniyakh (Vserossiiskii torgovo-promyshlennyy s'ezd 1896 g.) [On Craft Institutes (All-Russian Commercial and Industrial Congress, 1896)]. Nizhny Novgorod, [b.i.], 1896. 18 p.
19. Mukhachev E. Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del. 1860. no. часть 45. pp. 85-134. [Journal of the Ministry of the Interior. 1860, Part 45, pp. 85-134]
20. Ol'khovaya L.V. K istorii razvitiya melkoi promyshlennosti Urala v kontse XIX - nachale XX vv. (do Pervoi mirovoi voiny) [The History of the Development of Small Industries in the Urals in the Late XIX - Early XX Centuries (till World War I)] *Voprosy ekonomicheskoi istorii i ekonomicheskoi geografii*. [Questions of Economic History and Economic Geography]. Sverdlovsk, UrGU, 1964. pp. 39-50
21. Olyunina E.A. Portnovskii promysel v Moskve i v derevnyakh Moskovskoi i Ryazanskoi gub.: materialy k istorii domashnei promyshlennosti v Rossii (Seminarii po politicheskoi ekonomii pri Moskovskikh vysshikh zhenskikh kursakh, vypusk KH) [Tailor Fishing in Moscow and in the Villages of Moscow and Ryazan Provinces: Materials for the History of Domestic Industry in Russia (the Seminar of Political Economy at the Moscow Higher Women's Courses)]. M., [b.i.], 1914. 368 p.
22. Pazhitnov K.A. Problema remeslennykh tsekhov v zakonodatel'stve russkogo absolyutizma [The Problem of Artisans in the Legislation of the Russian Absolutism]. M., AN SSSR, 1952. 209 p.
23. Promyshlennost': stat'i iz Handwörterbuch der Staatswissenschaften / 2-e izd. [Industry: Articles from the Handwörterbuch der Staatswissenschaften / 2-e Izd.]. SPb, Obshchestvennaya pol'za, 1905. 388 p.
24. Rashin A.G. Formirovaniye promyshlennogo proletariata v Rossii: statistiko-ekonomicheskie ocherki [The Formation of the Industrial Proletariat in Russia: Statistical and Economic Essays]. M., Sotsekgiz, 1940. 463 p.
25. Remeslennik, izdannyy Drugom Remeslennikov [Craftsman, Published by the Friend of Artisans]. SPb., 1863. 68 p.
26. Rudnev S.F. Promysly krest'yan v Evropeiskoi Rossii [Peasants' Crafts in European Russia] // *Sbornik Saratovskogo zemstva*. 1894. no. 6. pp. 209-210.
27. Russkie Vedomosti. [Russian Gazette.]. . no. 334 ot 3 dekabrya 1899 g.
28. Russkoe Slovo [Russian Word]. 1912. no. 68.
29. Ryndzyunskii P.G. Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoi Rossii [Urban Citizenship in Pre-Reform Russia]. M., AN SSSR, 1958. 556 p.
30. *Sbornik statisticheskikh svedenii po Moskovskoi gubernii (otdel khozyaistvennoi statistiki)*. T. 6. Vypusk 2. [Collection of Statistical Information on Moscow Province (Department of Economic Statistics). Vol. 6. Issue 2.]. M., Tipografiya S.V. Gur'yanova, 1880. 358 p.
31. Semenov -Tyan'-Shanskii V. . Gorod i derevnya v Evropeiskoi Rossii: ocherk ekonomicheskoi geografii. [City and Village in European Russia: an Essay on Economic Geography.]. SPb., Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1910. 212 p.
32. Smurova O.V. Nezemledel'cheskii otkhod krest'yan v stolitsy i ego vliyanie na evolyutsiyu obraza zhizni goroda i derevni v 1861-1914 gg. (Na materialakh Sankt-Peterburga, Moskvy, Kostromskoi, Tverskoi i Yaroslavskoi gubernii): dis. ... dokt. ist. nauk [Non-Agricultural Peasants' Escape to the Capital and its Influence on the Evolution of the Lifestyle of the Towns and Villages during the Years 1861-1914 (On Materials of St.-Petersburg, Moscow, Kostroma, Tver and Yaroslavl Provinces): thesis... Doctor.Hist. Sciences]. Yaroslavl, 2005. 434 p.

33. Stepanov N. *Sravnitel'no-istoricheskii ocherk organizatsii remeslennoi promyshlennosti v Rossii i zapadnoevropeiskikh gosudarstvakh* [Comparative-Historical Sketch of the Organization of Handicraft Industry in Russia and Western European States]. Kiev, Universitetskaya tip., 1864. 164 p.
34. [Tarantsov A.] *V masterskoi. Iz zapisok russkogo remeslennika. Ocherki A. Tarantsova* [In the Workshop. From the Memoirs of a Russian Artisan. A. Tarantsov's Essays]. M., Nestor-istoriya, 2011. 96 p.
35. Tarnovskii K.N. *Melkaya promyshlennost' Rossii v kontse XIX - nachale XX vv.* [Small Industries of Russia in the Late XIX - Early XX Centuries.]. M., Nauka, 1995. 272 p.
36. Tarachkov A. *O sostoyanii trgovli i promyshlennosti v gorodakh Bolkhove, Maloarkhangel'ske, Kromakhe, Dmitrovsk* [On the State of Trade and Industry in the Cities of Bolkhov, Maloarkhangel'sk, Kromakh, Dmitrovsk] *Pamyatnaya knizhka Orlovskoi gubernii na 1870 god.* [The Memorable Book of Oryol Province in 1870.]. Eagle, Gub. tipografiya, 1870. pp. 1-60
37. *Trudy Vserossiiskogo s'ezda po remeslennoi promyshlennosti v Peterburge. 1900 g. T. 3: Remeslennoe uchenichestvo* [Proceedings of All-Russian Conference on the Craft Industry in St. Petersburg. 1900, Vol. 3: Trade Apprenticeship]. SPb., [b.i.], 1900. 476 p.
38. Tugan-Baranovskii M.I. *Izbrannoe. Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskoe razvitie russkoi fabрики v XIX vv* [Selected Works. Russian Factory in Past and Present. Historical Development of a Russian Factory in the XIX Century]. M., Nauka, 1997. 735 p.
39. *Tul'skie oruzheiniki* [Tula Gunsmiths]. M., ROSSPEN, 2003. 368 p.
40. [Tyufilin A.M.] *Zapiska o sostoyanii remeslennosti.* [A Note on the State of Craftsmanship]. Kazan, Tipografiya V.M. Klyuchnikova, 1906. 23 p.
41. Uvarov S.S., Lyalin V.V. *Okhrana zhizni i zdorov'ya rabotayushchikh* [Workers' Life and Health Care]. [b.m., b.i.], 1908. 580 p.
42. Uspenskii G.I. *Sochineniya: v 2-kh t.* [T. 1] [Works: in 2 Volumes [Vol. 1]]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1988. 790 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бухаренкова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, директор Ресурсного центра педагогического образования Московской области, доцент кафедры истории Государственного гуманитарно-технологического университета;
e-mail: buk-olga@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bukharenkova Olga Yu. – PhD in History, Director of the Resource Centre of Pedagogical Education of Moscow Region, Associate Professor of the Department of History, State University of Humanities and Technology (GGTU);
e-mail: buk-olga@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Бухаренкова О.Ю. Отечественное городское ремесленничество второй половины XIX в.: быт и образ жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 88–99.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-88-99

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Bukharenkova. O. Bukharenkova. Russian urban craftsmanship in the second half of the XIX century: housekeeping and way of life // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 88–99.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-88-99

УДК 93 37.075

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-100-109

МОСКОВСКИЕ ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ КУРСЫ И КОМИССИЯ КНЯЗЯ М.С. ВОЛКОНСКОГО

Борташевич И.В.*Московский государственный областной университет**10505, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается один из поворотных этапов в процессе становления высшего образования женщин в России. В связи со сменой правителя произошел переход к консервативной политике и в области образования. На примере деятельности комиссии князя М.С. Волконского автор выявляет стремление государства подчинить высшую школу. Анализируя источники, автор показывает, что отношение в среде чиновников к Московским высшим женским курсам (МВЖК) было не однозначным, и выясняет, что данное учебное заведение оценивалось как благонадежное, в отличие от других подобных учреждений. Однако деятельность комиссии привела к ликвидации МВЖК в 1888 г.

Ключевые слова: Комиссия князя М.С. Волконского, Московские высшие женские курсы, женское образование, курсистки, слушательницы, студенческое движение, политическая благонадежность.

MOSCOW HIGHER LADIES' COURSES AND THE PRINCE VOLKONSKIY'S COMMITTEE

I. Bortashevich*Moscow State Regional University**10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article discusses one of the turning points in the process of development of women's higher education in Russia. Following the change of the ruler there was a shift to conservative politics in education. Studying the activities of the Prince M.S. Volkonsky's Committee, the author proves the aim of the state to subordinate the high school. Having analysed the sources, the author shows that the officials did not have the univocal attitude towards Moscow Higher Ladies' Courses (MHLC), and finds out that the school mentioned was considered to be quite trustworthy unlike other similar institutions. However, the work of the Commission resulted in the elimination of MHLC in 1888.

Key words: Prince M.S. Volkonsky's Committee, Moscow Higher Ladies' Courses, women's education, female students, student movement, political reliability.

С началом правления Александра III был выбран курс на ревизию предшествующих преобразований в сфере народного просвещения. 15 августа 1884 г. был введен в действие новый Университетский устав. Он соединил в себе, с

одной стороны, ряд норм подготовки специалистов высшей квалификации, почерпнутых из опыта Западной Европы, а с другой стороны – правил, фактически ликвидировавших университетскую автономию, полностью подчинявших университет Попечителю учебного округа.

Начало было положено событиями в Киеве, где проходили студенческие волнения по причине запрета министерством празднования 50-летия университета св. Владимира. В итоге университет был закрыт. Мера, принятая царским правительством, лишь подлила масла в огонь студенческого возмущения. Волнения студентов в Киеве вызвали отклик во всех университетских городах, в том числе и в Москве, среди учащихся-женщин, слушательниц МВЖК. Это стало поводом для предложения М.Н. Каткова министру просвещения И.Д. Делянову закрыть Высшие женские курсы [5, с. 16–17].

Однако прежде чем ликвидировать высшие учебные заведения для женщин, министерство создало комиссию по вопросу об изыскании главнейших оснований для лучшей постановки женского образования в Империи [4, с. 628] во главе с товарищем министра народного просвещения князем М.С. Волконским. На докладе министра 12 мая 1886 г. Государь написал: «Совершенно разделяю мнение совещания. Необходимо дать этим курсам твердое и правильное основание и устройство» [4, с. 628]. Таким образом, в связи с развитием студенческого движения министром народного просвещения графом И.Д. Деляновым было принято решение унифицировать работу высших женских курсов, согласовать

их деятельность с основными идеями Университетского устава 1884 г.

Это была не первая попытка Министерства народного просвещения (МНП) привести высшие женские учебные заведения к единообразию. В 1879 г. Попечителю Московского учебного округа князю Н.П. Мещерскому министерством были направлены правила для слушательниц ВЖК, учрежденных в С. Петербурге профессором К.Н. Бестужевым-Рюминым с требованием внести по необходимости дополнения, исходя из состояния МВЖК, и ввести их в действие на курсах Герье с 1879/80 уч. г. Данные правила без изменений были утверждены попечителем, однако в действие введены не были. В.И. Герье обосновал свой отказ тем, что правила составлены для курсов в Петербурге и вполне соответствуют их интересам, ограждая их от наплыва слушательниц, который был так силен в прошедшем году, что мешало правильному ходу и успеху занятий со стороны слушательниц. Московские же курсы находятся в совершенно другом положении. На них никогда не было стеснительного для преподавания наплыва. Всех слушательниц обыкновенно бывало около ста и в это число входили и лица, посещавшие только некоторые лекции¹. Попечитель отложил введение данных правил на год, однако они так и не были утверждены, так как произошли перестановки в МНП, которые привели к созданию комиссии.

Членами комиссии князя М.С. Волконского были назначены представи-

¹ Государственное бюджетное учреждение «Центральный государственный архив г. Москвы» (Далее ЦГА г. Москвы). Ф. 459. Оп. 5. Д. 147. Л. 1.

тель духовного ведомства, директор канцелярии обер-прокурор Святейшего синода, тайный советник И.А. Ненароков; представитель учреждений ведомства императрицы Марии, начальник С.-Петербургских женских гимназий И.Т. Осинин; представители министерства народного просвещения – председатель ученого комитета, тайный советник А.И. Георгиевский и директор департамента народного просвещения, действительный статский советник Н.М. Аничков. Председателю было предоставлено право приглашать к участию в занятиях комиссии и других компетентных лиц [2, с. 147]. В постоянном составе комиссии не было представителей высших женских курсов. Первоначально на заседаниях комиссии обсуждались общие вопросы постановки женского образования, затем особое внимание уделялось учебным заведениям расположенным в С.-Петербурге.

Из 55 заседаний комиссии всего 8 были посвящены высшему женскому образованию. Проблемы высших женских учебных заведений обсуждались в заседаниях 20 февраля 1885 г., 14 января 1886 г., 8 и 17 апреля, 1, 13 и 16 мая 1887 г. и 4 марта 1888 г. [2, с. 149]. Результатом стала публикация 8 мая 1886 г. сообщения в «Правительственном вестнике» о прекращении приема слушательниц на Высшие женские курсы. Комиссия пришла к неутешительному выводу, что ситуация на курсах во всех отношениях ненормальна и не может быть терпима, и составила проект нового Положения для курсов, учебный план и примерный штат. Так как до утверждения проектов этих документов должно было пройти довольно много времени, то за воспрещением

приема новых слушательниц и выпускном оканчивающих курсы, последние должны были на некоторое время вообще прекратить свое существование [4, с. 628]. Вот как в своих воспоминаниях В.И. Герье отозвался об этом решении: «Под предлогом, что министерство должно предварительно разработать правила для будущих Курсов, граф И.Д. Делянов в 1886 году воспретил прием новых слушательниц на всех существовавших тогда Курсах. Разработка же новых правил затянулась на несколько лет» [1, с. 15].

Комиссия князя Волконского обратилась к Попечителю Московского учебного округа за информацией по поводу курсов профессора Герье и Лубянских курсов только в 1886 г. Тогда как официально она действовала в период с 1885 по 1886 г. М.С. Волконский затребовал от Попечителя следующие сведения: а) сколько за время существования курсов было слушательниц; б) сколько их в настоящее время; в) сколько было преподавателей из профессоров и доцентов университета и из учителей-гимназий и других заведений и кто именно; г) сколько слушательниц принадлежит к постоянно живущим в городе и сколько приехавших из других местностей; д) где и как живут ныне учащиеся на курсах, сколько из них живет у родителей и ближайших родственников и сколько на частных квартирах и каких именно; е) какое число слушательниц обладает постоянными и определенными средствами содержания и сколько таковых средств не имеет вовсе; ж) какое участие принимали слушательницы в университетских беспорядках и политических демонстрациях и процессах, с обозначением, по возможности, чис-

ла принимавших таковое; 3) сколько из слушательниц находилось и находится под надзором полиции; «а равно и всякого рода другие сведения, которые бы могли служить к верной характеристике курсов и к составлению суждения о них как с научной, так в особенности с воспитательной стороны»¹. Таким образом, мы видим, что комиссию, прежде всего, интересовали сведения о материальном положении слушательниц и их непосредственное участие в беспорядках. Организация учебного процесса и содержание образования не входили в сферу интересов чиновников. В первую очередь курсы рассматриваются с позиции постановки воспитательной работы, каким образом они были способны отвлечь девушек от распространяющихся революционных идей. Поэтому комиссию интересовала и политическая благонадежность преподавателей.

Попечитель Московского учебного округа, не обладая необходимыми сведениями, обратился к московскому генерал-губернатору и руководителям курсов: «Всех означенных требований при делах Управления Учебного округа не имеется, так что я поставлен в крайнее затруднение дать на предложенные мне вопросы какой либо ответ, а посему честь имею покорнейше просить Ваше сиятельство не отказать мне в сообщении помянутых сведений о слушательницах высших женских курсов Герье и женских курсов при третьей Московской гимназии»².

В ответ курсы Герье предоставили сведения, которые свидетельствовали о стабильном увеличении числа слушательниц и высоком уровне пре-

подавания. За 14 лет существования Высших женских курсов число слушательниц росло: 59, 103, 116, 99, 107, 107, 183, 169, 179, 213, 256; в 1885/86 уч.г. – 223³. Ежегодно публиковался годичный отчет, в котором содержались списки слушательниц по курсам, списки преподавателей с указанием предмета и количества часов, денежный счет доходов и расходов. Если обратиться к годичным отчетам, мы увидим, что представленные данные по численности слушательниц не совпадают. Вероятно, это связано с тем, что указанные сведения включают в себя как действительных слушательниц, так и вольнослушательниц. Происходил большой отсев. Некоторые слушательницы выбывали, затем опять возвращались на тот же курс. Иногда они оставались на нем 2 или 3 года [3, с. 26]. В.И. Герье в письме министру народного просвещения графу Д.А. Толстому писал: «На Курсах в настоящее время 103 слушательницы, из которых 34 слушают курс второй год и многие с большими усилиями. Результаты были бы еще значительнее, если бы мы не были принуждаемы принимать в число слушательниц всех девиц, получивших диплом об окончании курса в женских гимназиях или свидетельство на домашнюю учительницу, выданное испытательными комиссиями учебных округов, некоторые члены которых потом сами оказывались весьма плохо подготовленными» [1, с. 39]. Тем самым подготовка девушек, поступавших на курсы, не позволяла успешно обучаться. К тому же неопределенность прав выпускниц, необходимость оплачивать обучение сказывались на численности курсисток.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 585. Л. 3–4.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 13.

Таблица

Количество слушательниц

Учебный год	1 курс	2 курс	3 курс	Действительных слушательниц	Вольнослушательниц	Всего	Стипендиатки	Полустипендиатки	Недостаточные
1872/73	31	-	-	31	23	54	-	-	-
1873/74	37	17	-	54	49	103	5	-	-
1874/75	27	18	-	45	71	116	3	3	-
1875/76	44	44		88	29	117	13	2	-
1876/77	45	27		72	44	116	9	20	-
1877/78	52	14		66	33	99	3	10	-
1878/79	54	28		82	24	106	10	9	8
1879/80	53	24	14	91	16	107	10	9	7
1880/81	80	24	27	131	52	183	9	13	15
1881/82	61	31	17	109	60	169	5	13	14
1882/83	69	30	20	119	60	179	6	9	6
1883/84	99	45	29	173	40	213	10	15	11
1884/85	106	50	37	193	63	256	19	4	19
1885/86	81	65	29	175	52	227	14	12	42

Источник: НИОР РГБ Ф. 70. К. 72. ед. хр. 11 Л. 1–28.

При сопоставлении данных годовых отчетов и запрашиваемых министерством сведений выявлены следующие показатели: общая численность слушательниц, численность действительных слушательниц и стипендиаток снижались в 1877/78, 1881/82, 1885/86 уч.гг. Безусловно, материальное положение оказывало влияние, но при этом следует учитывать, что в 1876 г. министерство получило повеление открывать высшие женские курсы в университетских городах, так же Владимир Иванович Герье пытался перестроить учебные планы ВЖК, что вносило некоторую неопределенность в их работу; в 1881 г. на его курсах должны были

быть введены правила, по которым поступить могли только окончившие полный курс в женской гимназии, институте или другом женском учебном заведении, дающем права домашней учительницы¹, тем самым девушки, получившие домашнее образование или звание домашней учительницы только по одному предмету, не смогли бы продолжить свое образование. В 1886 г. министерство запретило прием новых слушательниц на ВЖК. Тем самым попытки министерства контролировать женское образование естественным образом приводили к сокращению численности слушательниц.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 5. Д. 147. Л. 3.

В числе преподавателей на Курсах состояли: профессора университета Ф.А. Бредихин, Ф.И. Буслаев, Н.Г. Виноградов, В.И. Герье, И.Ф. Клейн, В.О. Ключевский, В.Ф. Миллер, А.Г. Столетов, Н.И. Стороженко, Н.С. Тихонравов, А.Н. Шварц, А.И. Чупров, доцент А.И. Ливенцов, В.Д. Шервинский, профессор Лазаревского института В.Я. Веселовский, Н.А. Попов, приват-доцент Л.М. Лопатин, С.Ф. Фортунатов, магистрант М.С. Корелин, бывший преподаватель училища живописи и ваяния – К.М. Быковский, С.А. Юрьев (не обязательный предмет) и преподаватель французского языка Л.И. Паншо¹.

Что касается контингента самих слушательниц, то он оценивался руководством курсов так: «Большинство принадлежит к достаточным классам, судя по взносу платы, одежде и другим внешним признакам, даровых слушательниц 14, а число остальных, судя по просьбе об отсрочке платы, недостаточных около 30»². Если обратиться к годичным отчетам, то можно проследить, как изменялся контингент слушательниц, исходя из критериев администрации курсов. Количество не оплативших обучение возрастало в 1876/77, 1880/81, 1885/86 уч.гг. Особо следует выделить 1885/86 уч.г. Здесь мы видим резкий спад численности 1 курса и увеличение численности не оплативших обучение, вероятно, это было связано не только с деятельностью комиссии, но и с пристальным вниманием полиции к тем из девушек, кто поддерживал студенческое движение.

Но эти данные оказались не важными для комиссии. М.С. Волконский 2 февраля 1886 г. направил конфиденци-

альное письмо Попечителю московского учебного округа, ответом на которое стала записка, в которой П.А. Капнист изложил сведения об участии курсисток в университетских беспорядках по данным московского генерал-губернатора. Попечитель писал: «Лишь за время моего управления московским учебным округом положительно ничего не известно ни разу в течении этого времени не получал я каких бы то ни было заявлений относительно политической неблагонадежности слушательниц женских курсов ни со стороны полиции, ни от жандармского управления. Затем, в течении трех лет, когда я состоял прокурором Московской Судебной Палаты, ко мне ни разу не поступали дела по политическим преступлениям, в которых были бы замечены слушательницы Московских женских курсов»³. То есть Попечитель московского учебного округа заявляет о политической благонадежности московских женских курсов. Однако далее он излагает сведения, полученные от московского генерал-губернатора, которые кардинально расходятся с его видением ситуации: «Курсистки главным образом направляют свои силы на организацию кружков и агитацию в духе, враждебном существующему общественному строю. Многие курсистки являются участницами революционных кружков и политических демонстраций. В беспорядках, происходивших 2 октября 1884 г. на Страстном бульваре, были задержаны, до 50 слушательниц курсов Герье и Лубянских, которые тут же были отпущены. В настоящее время под надзором полиции находится в Москве двадцать две слушательницы женских курсов

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 585. Л. 13.

² Там же. Л. 14.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 5. Д. 587. Л. 1.

при третьей гимназии и одиннадцать на курсах профессора Герье¹».

Таким образом, мы видим, что отсутствовало взаимодействие между органами полиции и руководством учебного округа на протяжении длительного времени. Данная ситуация могла сложиться и потому, что слушательниц, замеченных в антиправительственной деятельности, сразу же отчисляли. Сам П.А. Капнист описывает подобного рода ситуацию: «За исключением одного случая имевшего место в октябре сего года и заключавшегося в том, что брат слушательницы женских курсов при третьей гимназии Ильиной, состоявшей от него в переписке, был привлечен по политическому делу, вследствие чего сама Ильина была, согласно моему распоряжению, тогда же уволена из числа слушательниц»². Стоит отметить, что помимо действительных слушательниц, которые подвергались контролю со стороны администрации курсов, существовали еще и вольнослушательницы. Вольнослушательницы посещали занятия по отдельным предметам, в связи с чем сведения о них не запрашивались комиссией. Однако зачастую именно они являлись участницами кружков.

Официально только в октябре 1886 г. московский генерал-губернатор предоставил Попечителю московского учебного округа списки из 22 слушательниц женских курсов при Московской третьей гимназии и 11 – на высших курсах профессора Герье, состоявших под надзором полиции. Списки представляли собой таблицы с указанием имени, фамилии, происхождения³.

Данные списки также были направлены и непосредственно в учебные заведения. В.И. Герье следующим образом отозвался на означенный перечень: «В настоящем году ни одной курсистки поименованной на курсах нет»⁴. Из годичных отчетов ВЖК в Москве следует, что означенные в списке девушки действительно прекратили свое обучение.

Интересен комментарий профессора относительно Зинаиды Развальяевой: «Очень порядочная девица и очень хорошо занималась. Она в течении трех лет аккуратно сдавала экзамены и теперь окончила курс. Попала она в тот список вероятно по недоразумению»⁵. Судя по годичному отчету за 1885/86 уч.г. З.П. Развальяева действительно закончила III курс⁶. Вновь наблюдается неинформированность полиции о ситуации на курсах.

8 мая 1886 г. попечителю московского учебного округа поступило предложение от министра просвещения о прекращении приема на курсы. В.И. Герье подал ходатайство попечителю учебного округа об отсрочке прекращения приема на курсы «по крайней мере еще на год»⁷. П.А. Капнист обратился с представлением к И.Д. Делянову, в котором обосновывал несправедливость закрытия МВЖК. «Считаю долгом высказать со своей стороны, что курсы, учрежденные профессором Герье, я считаю положительно последними, – писал он. – Дело преподавания под непосредственным контролем действительного статского

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же.

⁶ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Далее НИОР РГБ). Ф. 70. К. 72. ед. хр. 11. Л. 1.

⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 586. Л. 2.

¹ Там же. Л. 3-5.

² Там же. Л. 1.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 585. Л. 18.

советника Герье велось на них всегда серьезно и в течении 14 лет своего существования курсы дали возможность многим молодым девицам получить гимназическое образование... я находил бы весьма желательным, чтобы они могли продолжать свое существование и в дальнейшее время. Если высшие курсы в С.-Петербурге получают 4 года учения, а высшие курсы Герье только 3, то очевидно, что последним предстоит прекратить свое существование ровно на год раньше, чем первым, что по моему разумению было бы не вполне справедливо по отношению к курсам, учрежденным профессором Герье, на которых в течении 14 лет их существования дело преподавания велось правильно...»¹. П.А. Капнист обозначил несправедливость решения министерства относительно разрешения работы Бестужевских курсов, которые были признаны политически неблагонадежными, и закрытия МВЖК, работа которых в целом была оценена положительно, и контингент слушательниц, и преподавательский состав соответствовали требованиям министерства и полиции. Отношение в обществе к сложившейся ситуации в полной мере отвечало точке зрения Попечителя. Бывшая курсистка С.К. Тимонова вспоминала: «Давно уже носились слухи, что мало по малу закрываются высшие учебные заведения для женщин. Но мне не верилось, что та же участь постигнет и нашу *alma mater*, так безукоризненна была репутация лиц, стоявших во главе учреждения» [1, с. 144]. Однако 24 мая 1886 г. министр народного просвещения следующим образом ответил на прошение: «Я не признаю возможным

удовлетворить ходатайство учредителя Высших женских курсов в Москве профессора Герье об отсрочке прекращения приема слушательниц на означенные курсы»².

Министр строго контролировал выполнение предложения от 8 мая 1886 г., теперь МВЖК находились под его личным контролем. Им был запрещен прием слушательниц и вольнослушательниц в 1887/8 учебном году, закрывалось второе отделение, «а равно о не дозволении означенным лицам оставаться на второй год на одном из остальных курсов иначе, как по особому каждый раз моему разрешению»³.

Таким образом, мы видим, что общее консервативное направление в политике министерства продолжилось по отношению к высшим женским учебным заведениям. Главной целью министерства стало приведение деятельности данных учебных заведений к общему образцу. При этом особое внимание уделялось столичным учебным заведениям. Именно по образцу Санкт-Петербургских ВЖК, в итоге, будут переустроены Московские ВЖК, которые возобновят свою деятельность в 1900 г.

МВЖК по итогу деятельности комиссии князя Волконского представляются вполне политически благонадежным учебным заведением, где в основном преподавали профессора Московского университета, большинство слушательниц принадлежали к «достаточным» классам, преподавание было поставлено серьезно. Но, несмотря на означенные критерии, решение министерства основывалось не на них. Прежде всего необходимо было под-

¹ Там же. Л. 2 – 2 об.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 586. Л. 6.

³ Там же. Л. 7.

чинить общему контролю полугосударственные учебные заведения. При этом МНП не стремилось к созданию государственных высших учебных заведений для женщин, так как это потребовало бы финансовых затрат. Само создание системы женского образования было уступкой обществен-

ным потребностям и не отвечало интересам правящих кругов: тем более, что высшие женские учебные заведения представлялись министерству рассадниками революционных идей. МВЖК в данном случае представлялись исключением, подтверждающим правило.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимир Иванович Герье и Московские Высшие женские курсы: мемуары и документы. М.: МПГУ, 1997. 158 с.
2. Вохромеева О.Б. Бестужевские курсы и русское общество. 60–80-е годы XIX века: дис... канд. ист. наук. СПб., 2001. 216 с.
3. Московский педагогический государственный университет. 125 лет. М., 1997. 560 с.
4. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 гг. М.: Книга по Требованию, 2011. 814 с.
5. Эвенчик С.Л. Высшие женские курсы в Москве // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. М.: [б.и.], 1972. С. 4–99.

REFERENCES

1. Vladimir Ivanovich Guerrier and Moscow Higher Ladies' Courses: Memoirs and Documents. M.: Publishing House of the Moscow State Pedagogical University, 1997. 158 p.
2. Vohromeeva O.B. Bestuzhev Courses and Russian Society in 60-80-ies of the XIX Century: Thesis ... PhD in History. SPb., 2001. 216 p.
3. Moscow State Pedagogical University. 125 Years. M., 1997. 560 p.
4. Rozhdestvensky S.V. Historical Overview of the Activities of the Ministry of Public Education. 1802–1902 years. M.: Book on Demand, 2011. 814 p.
5. Evenchik S.L. Higher Ladies' Courses in Moscow // Experience in Training Teachers in Pre-Revolutionary Russia and the USSR. M., 1972. P. 4–99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борташевич Ирина Владиславовна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: irina.bortashevich@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bortashevich Irina I. – a post-graduate student of Department of history of Russia of the middle ages and new times of the Moscow State Regional University;
e-mail: irina.bortashevich@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Борташевич И.В. Московские высшие женские курсы и комиссия князя М.С. Волконского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 100–109.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-100-109

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Bortashevich. Moscow higher ladies' courses and the prince Volkonskiy's committee // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 100–109.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-100-109

УДК 94(470+571)"1970/1970"

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-110-116

МОЛОДЕЖНЫЕ ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ В СССР – РЕАЛЬНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ В 1970-1980-Е ГОДЫ

Горлов В.Н.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы молодёжных жилых комплексов. Автор анализирует причины перехода к этому эксперименту, который получил широкое распространение в СССР. Автор сравнивает молодёжные жилые комплексы с другими социальными экспериментами в жилищной политике, происходившими в советской стране. Автор изучает управленческие структуры МЖК, социальные основы создания молодёжных жилых комплексов. В статье рассматриваются позитивные последствия перехода к МЖК, преимущества этого жилища.

Ключевые слова. Молодежные жилые комплексы, коллективизация быта, среда обитания.

YOUTH RESIDENTIAL COMMUNITIES IN THE USSR – THE AUTHORITIES' REAL ACHIEVEMENT IN 70-80S

V. Gorlov*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article deals with the problems of youth housing complexes. The author analyzes the reasons for the transition to this experiment, which was widespread in the Soviet Union. The author compares the youth residential communities with the other social experiments in housing policy taken place in the Soviet Union. The author examines the management structures of the YRCs (Youth Residential Communities), as well as the social basis for their creation. The article examines the positive effects of the transition to the YRCs, the advantages of this kind of housing.

Key words: Youth residential complexes, collectivization of life, habitat.

Движение по созданию молодёжных жилых комплексов (МЖК) зародилось в СССР в середине 1970-х г. Уже давно существовала потребность в создании жилых домов с обслуживанием, которая и легла в основу распространения в стране МЖК.

В 1970-е гг. состояние советской экономики не давало возможности массово инвестировать средства в строительство. Надо отдать должное властям, которые посчитали одним из реальных путей решения жилищной проблемы объе-

динение частной инициативы граждан и финансовых ресурсов учреждений, на которых эти граждане работали. С одобрения советских властей граждане сами для себя строили дома с помощью государственной техники, материалов. МЖК состояли из жилых домов и объектов культурно-бытового, социального, спортивного назначения.

В первую очередь МЖК необходимо рассматривать как политическое явление. Возникновение потребности в советском обществе в МЖК следует искать в сложности с получением жилья для молодых семей, что, естественно, сказывалось на текучести кадров. Строительство МЖК осуществляли сами будущие жильцы, которые не имели возможность получить от государства или от предприятия отдельную квартиру, или не желающие годами ждать своей очереди на жилье. Главным отличием от традиционного государственного жилища был принцип создания МЖК, который заключался в непосредственном участии будущих жильцов в процессе проектирования, строительства и эксплуатации своего жилища.

Молодая семья испытывала многочисленные бытовые перегрузки. Семейные конфликты часто вели к разводам, недостаткам в воспитании детей, снижению рождаемости. Эти бытовые сложности во многом предопределили появление МЖК. Для молодых семей в 1970-е г. жилищная проблема в советской стране оставалась острой. Они вынуждены были ютиться в общежитиях, снимать частное жильё. Естественно, что идея МЖК была поддержана молодежью, так как для большинства из них возможность по-

строить себе жилье собственными руками стала фактически единственным реальным путем улучшить жилищные условия. Самостоятельное решение жилищной проблемы молодыми семьями свели к минимуму участие государства в таком важном вопросе. МЖК нужны были гражданам, необходимы были и государству, поэтому данное молодежное движение получило довольно широкое распространение. Власть стремилась создать социально активную форму существования молодежи в районе проживания.

В СССР время от времени существовала тенденция – коллективизация быта. Молодежные жилые комплексы 1970–1980-х гг. были логическим и естественным развитием идей домов-коммун 1920-х гг. и экспериментальных жилых комплексов 1960–1970-х гг. в вопросах комплексного строительства, принципах самоуправления, коллективного быта. Идея МЖК выросла из идей коммунистического переустройства быта. Чтобы определить специфику комплексов, следует сравнить их с родственными объектами, целью которых было развить навыки коллективизма: дома-коммуны 1920-х г. и Дом нового быта (ДНБ) архитектора Н. Остермана – наиболее продуманное жилье с развитым обслуживанием, построенное в 1966–1971 гг.

В 1920-е г. в домах-коммунах пытались организовать коллективный быт. Однако оказалось, что коллективизм является довольно сложной и тонкой материей и не возникает только оттого, что множество разнородных граждан были механически соединены под одной крышей. Создатели Дома нового быта пошли по другому пути. Предпо-

лагалось, что навыки коллективизма сформируются в ДНБ оттого, что жильцы будут связаны единой, общей системой разностороннего обобщественного обслуживания, в первую очередь – общими пунктами питания. В состав ДНБ были включены залы для спорта, для детских игр, самодеятельности, авиамодельные, столярные, слесарные, радиолубительские. Центральное место Дома нового быта занял корпус обслуживания, где главную часть объема отвели столовой и кухне. Казалось, что построено и устроено было всё: и высотные дома, и широкие коридоры, и обеденные залы на этажах и гостиные (с телевизорами!) и вдруг: «Семьи, которым предлагалось в этом доме поселиться, отказывались въезжать в этот дом» [10]. Социолог А. Кирюшин, объясняя этот факт, вполне резонно отметил, что в этом случае сработал «...синдром, связанный с опытом жизни людей в коммуналках, боязнь повторения нравов коммунальной кухни» [10]. Однако социолог забыл добавить, что основания для такой боязни у предполагаемых новосёлов были: в квартирах для молодых семей не было ни плиты, ни кухни – всё это было общее [10]. Идея ДНБ не выдержала проверки на практике. Совершенно другая структура была в МЖК. Коллективизм там возникал, прежде всего, в трудовом коллективе. Строители МЖК знали друг друга по совместному труду на предприятии. В отличие от МЖК дома-коммуны и ДНБ строились исключительно государством. Поэтому оказалось возможным без проблем передать ДНБ под общежитие аспирантов и сотрудников МГУ. Такой поступок по отношению к МЖК был бы невозможен.

Между МЖК и ДНБ было немало общего, и главное, в чем они совпадали – общественное обслуживание. Роднил МЖК с предыдущими проектами ряд общих черт. Во-первых, как и прошлые проекты, идею МЖК к жизни вызвали требования реальной жизни. Для молодых семей наиболее острой была жилищная проблема. Во-вторых, методологическая основа рассматриваемых концепций соответствовала конкретному историческому периоду развития советской страны. Идея домов-коммун базировалась на концепции форсированного развития социализма и коммунизма, идея дома нового быта базировалась на концепции развернутого строительства коммунизма в Советском Союзе, идея МЖК, которая сформировалась в развернутую систему взглядов в 80-е гг., – на концепции развитого социализма. Такие методологические предпосылки не могли не оказать влияния на основные положения социальных проектов, в первую очередь на обосновании целей экспериментов, средств и методов их достижения.

Главной целью всех экспериментов было создание по месту жительства коллективов друзей, единомышленников. Инициаторы МЖК, развивая эту цель, выдвинули идею построения по месту жительства «новой общности с качественно новой структурой отношений, уровнем бытия соответствующим представлениям о продвижении социалистического общества по пути к коммунизму. Конкретное дело, позволяющее собственными руками построить, дотронуться до основ коммунизма» [2, с. 15]. Подобные декларации, скорей всего, не только не могли иметь конструктивного значе-

ния, а, пожалуй, ограничивали творческие возможности участников эксперимента. В-третьих, общим в данных проектах была схема общественного самоуправления МЖК, ДНБ и домов-коммун. В «Типовом положении о доме-коммуне» отмечается, что высшим органом его самоуправления является общее собрание членов дома-коммуны и Совет коммуны» [11, с. 175]. В ДНБ схема самоуправления была такова: «В период между конференциями членов Союза руководство всей работой осуществляет Совет Дома нового быта, исполнительный и контрольный комитет» [6, с. 32]. В МЖК по Уставу руководство осуществлял Совет МЖК, избираемый представителями Советов корпусов. В каждом доме самоуправления осуществлялось Советом корпуса, а в подъезде – активом Совета. В-четвертых, общей чертой, объединяющими эти эксперименты, было представление о необходимости новых архитектурных форм при решении социальных задач переустройства быта. В 1920-1930-е г. в домах-коммунах предпринимались попытки средствами архитектуры создать условия для полного обобществления быта, досуга, воспитания и через них – для формирования новой личности коллективиста, новых форм общения, основанных на нормах коммунистической морали. В ДНБ подходили к этому вопросу более реалистично – речь шла о сочетании преимущественно общественных форм быта с индивидуальными и т.д. В МЖК упор делался на активную преобразующую деятельность участников эксперимента.

Если в проектах домов-коммун 1920–1930-х гг. не предлагался специальный отбор жителей, то в других

рассматриваемых проектах было иначе. Архитектор Н. Остерман предлагал заранее рассматривать вопрос о желании стать членом Союза при отборе кандидатов для заселения. Ещё более ужесточился отбор в МЖК. Уже было недостаточно одного желания стать участником социального эксперимента, необходимо было пройти «сито» социалистического соревнования, сначала – за право быть бойцом комсомольско-молодежного строительного отряда, а затем внутри отряда – за лучшего его бойца. Таким образом, одним из основополагающих принципов в этом социальном эксперименте был принцип предварительного отбора будущих жителей МЖК.

В 1976 г. в подмосковном Калининграде был создан первый МЖК. Комплекс включал в себя три корпуса, на всех этажах которого были размещены помещения общественного обслуживания: культурно-бытового, торгового и спортивно-оздоровительного назначения. Калининградский МЖК решил важнейшие задачи: полноценное обживание придомового пространства, организация взаимопомощи между молодыми родителями. Дети и взрослые активно участвовало в большинстве кружков, секций и мероприятий. Впоследствии Правительство СССР поддержало это движение. Более 4 миллионов граждан страны улучшили свои жилищные условия [4].

Совет Министров СССР 5 июля 1985 г. принял постановление «О дополнительных мерах по строительству молодежных жилых комплексов и кооперативных жилых домов для молодежи» [8, с. 93–94], которое стимулировало развитие строительства МЖК по всей стране. Политбюро ЦК КПСС

поддержало социальный эксперимент, ориентированный на активное включение будущих жильцов в строительство собственного жилища, на организацию молодежного коллектива по месту жительства.

В 1980-е гг. идея молодежных жилых комплексов становится значительным явлением в советской архитектурной жизни. В 1985 г. более 30 городов СССР подали заявки на осуществление МЖК [9], значит, это была потребность времени. Примерно так же в 1920-е гг. в СССР первоначально образовывались студенческие и рабочие коммуны, а потом уже по их заказу создавались проекты домов-коммун. К сожалению, пришлось отказаться придать застройке МЖК неповторимый облик. Пошли на многие уступки, чтобы не сорвать эксперимент. Согласились и с тем, что жилые здания МЖК были возведены на основе типовых серий.

При МГК ВЛКСМ был образован оргкомитет МЖК, в который входили около 50 человек. Он занимался формированием коллективов МЖК и строительных отрядов [7, с. 303.]. В состав первого московского МЖК в Хорошево-Мневниках входили здания на 2700 жителей, школа, спортклуб, детсад-ясли, молодежный клуб, клубы «Молодая семья» и «Хозяюшка» [с. 1, 6]. МЖК могли создаваться и за счет существующего жилого фонда в домах, включенных в план капитального ремонта с перепланировкой. Например, в 1989 г. в МЖК «Покровка» молодежи отдали на откуп четыре по-

луразрушенных дома в Малом Казенном переулке. В этот МЖК было очень трудно попасть, на 100 мест было 500 желающих. Поэтому отбирались лучшие – рационализаторы, победители соцсоревнования. В 1990 году новосёлы въехали в 114 квартир МЖК [4]. В СССР в 1989 г. насчитывалось уже более 700 МЖК [3]. Сфера их деятельности расширилась, в неё уже включалось создание баз отдыха, детских учреждений, спортивных сооружений. В 1986 г. в МЖК Москвы было возведено 1 млн. кв.м. жилья[5].

Благодаря МЖК оперативное (от 2 до 5 лет) обеспечение полноценным жилищем наиболее трудоспособной группы населения (25-35 лет) способствовало сокращению текучести кадров на производстве, укреплению семей, использованию трудовых ресурсов. Движение МЖК, конечно, было очень заметным явлением не только в жилищной сфере, но и в социальной жизни советского города. Можно смело утверждать, что в МЖК была создана специфическая социокультурная общность по месту жительства благодаря достижению позитивно эмоционально окрашенного социально-психологического фона соседского взаимодействия. Это, скорее всего, было главным итогом социального эксперимента, та цель, которую удалось властям осуществить. В целом молодежные жилые комплексы можно оценить как удачную попытку разрешения острых противоречий городского образа жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глятман Я., Ольхова А. Молодежные жилые комплексы в Москве // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 2. С. 32–33.
2. Карелова Г.Н., Аулов А.П. МЖК – социальное творчество молодых. М. 1987. 127 с.

3. Комсомольская правда. 1989. 1 авг.
4. Московская правда. 2004. 19 февр.
5. Московская правда. 2002. 3 сент.
6. Остерман Н., Петрушкова А. Жилой дом-комплекс с общественным обслуживанием // Архитектура СССР. 1965. № 7. С. 29–31.
7. Приходько И.А., Силантьев А.Н. Молодежные жилые комплексы. Правовые вопросы. М.: Юрид. лит., 1988. 368 с.
8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 16, Ч. I. М.: Политиздат, 1988. 304 с.
9. Сергеева Л. Молодой семье – доступное жильё // Строительство и архитектура Москвы. 1986. № 3. С. 18–19.
10. Советская Россия. 1985. 15 марта.
11. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. 374 с.

REFERENCES

1. Glyatman YA., Ol'khova A. Molodezhnye zhilye komplekсы v Moskve [Youth Residential Complexes in Moscow] // Arkhitektura i stroitel'stvo Moskvyy. 1987. no. 2. pp. 32–33.
2. Karelova G.N., Aulov A.P. MZHK – sotsial'noe tvorchestvo molodykh. [YRC - Social Creativity of Young People.]. M, 1987. 127 p.
3. Komsomol'skaya pravda. 1989 (Komsomolskaya Pravda. 1989). Aug.5.
4. Moskovskaya pravda. 2004 [Moskovskaya Pravda. 2004]. Feb.19.
5. Moskovskaya pravda. 2002 [Moskovskaya Pravda. 2002]. Sep.3.
6. Osterman N., Petrushkova A. Zhiloi dom-kompleks s obshchestvennym obsluzhivaniem // Arkhitektura SSSR [Residential Building – a Complex with a Public Service \\\ Architecture of the USSR]. 1965. no. 7. pp. 29–31.
7. Prikhod'ko I.A., Silant'ev A.N. Molodezhnye zhilye komplekсы. Pravovye voprosy. [Youth Residential Complexes. Legal Issues.]. M., YUrid. lit., 1988. 368 p.
8. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam [T. 16., CH. I] [The Decisions of the party and the Government on Economic Problems [Vol. 16., Part I]]. M., Politizdat, 1988. 304 p.
9. Sergeeva L. Molodoi sem'e – dostupnoe zhil'e [Affordable Housing for a Young Family] // Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvyy. 1986. no. 3. pp. 18–19.
10. Sovetskaya Rossiya. 1985 [Soviet Russia. 1985]. Mar. 15.
11. Khazanova V.E. Sovetskaya arkhitektura pervoi pyatiletki: problemy goroda budushchego [Soviet Architecture of the First Five-Year Plan: Problems of the City of the Future]. M., Nauka, 1980. 374 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History of Russia and Moscow Region, Moscow State Regional University; e-mail: Gorlov812@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Горлов В.Н. Молодежные жилые комплексы в СССР – реальное достижение властей в 1970-1980-е годы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 110–116.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-110-116

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Gorlov. Youth residential communities in the USSR – the authorities' real achievement in 70-80s // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 110–116.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-110-116

УДК 314.156(470.26)(06)

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-117-126

ЛИТОВСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: МИГРАЦИИ И СОХРАНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Зимовина Е.П.*Балтийский федеральный университет имени И. Канта**236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена литовскому населению Калининградской области, которое сформировалось на этой территории в результате миграций на протяжении советского периода и постсоветского времени. С 1970-х г. численность литовцев начала постепенно сокращаться в результате снижения рождаемости, миграционного оттока и ассимиляционных процессов. Тем не менее литовцы продолжают оставаться одним из самых многочисленных этносов региона. На территории Калининградской области функционируют литовские национально-культурные сообщества, способствующие изучению языка и традиций литовского народа.

Ключевые слова: Калининградская область, Литва, литовское население, миграции

LITHUANIAN POPULATION OF KALININGRAD REGION: MIGRATIONS AND SAVING OF ETHNOCULTURAL PECULIARITIES

E. Zimovina*Immanuel Kant Baltic Federal University**14, A. Nevskogo str., Kaliningrad, 236016, the Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the Lithuanian population of Kaliningrad region, which is formed in this area as a result of migration during the Soviet period and the post-Soviet period. Since the 1970s, the number of Lithuanians gradually began to decline as a result of fertility decrease, the migration outflow and the assimilation. Nevertheless, Lithuanians continue to be one of the most numerous ethnic groups of the region. On the territory of Kaliningrad region there are Lithuanian national-cultural community, contributing to the study of the language and traditions of the people of Lithuania.

Key words: Kaliningrad region, Lithuania, Lithuanian population, migrations.

Постановка проблемы. Обзор источников. Калининградская область является специфичным регионом Российской Федерации. В результате Второй мировой войны, согласно международным договоренностям, часть территории Восточной Пруссии отошла Советскому Союзу. Здесь в 1946 г. была образована Калининградская область. В результате миграций в регионе сформировался полиэтнический состав населения. Одним из крупных этносов Калининградской области являются литовцы. Они имеют давние исторические связи с рассматриваемым регионом и

стремятся сохранить свои этнокультурные особенности.

По истории и культуре литовцев Восточной Пруссии и Калининградской области имеется определенный круг исследований. Среди них следует отметить работы, посвященные проблемам этнической идентичности литовцев [10; 11]; деятельности национально-культурных и языковых объединений литовцев [9; 12]; осмыслению литовского наследия региона [5; 6; 7]. В тоже время отсутствуют исследования, характеризующие специфику миграций литовского населения в советский и постсоветский периоды, а также акцентирующие внимание на факторах формирования литовского сообщества региона и его характерных чертах. В связи с этими, автором были сформулированы две исследовательские задачи: выявить роль миграций в формировании литовского населения Калининградской области и продемонстрировать особенности литовского этнокультурного сообщества региона.

Источниковой базой исследования послужили архивные материалы, данные официальной статистики, а также интервью с председателем региональной национально-культурной автономии литовцев Калининградской области Альвидасом Антаном Мулиуолисом и жительницей г. Калининграда, пенсионеркой Чесловой Венцавной Дручунене.

Динамика численности литовского населения Калининградской области. С первых лет существования Калининградской области литовцы проявляли миграционную активность и компактно селились на территории региона. Альвидас Мулиуолис в

интервью отметил: «В основном, литовцы компактно проживают вдоль восточной границы Калининградской области. Где границы с Литвой – там проживают, практически, 80% литовцев области. ...Нестеров, Черняховск, Гусев, Чернышевское, Славск, Неман, Советск – это те города области, где проживает очень много литовцев. ... Практически у всех литовцев, которые проживают в Калининградской области, есть родственники в Литве. Это установилось исторически. Это сейчас границы, а раньше была Восточная Пруссия»¹. Следует отметить, что литовцы, действительно, составляли значительную часть населения Восточной Пруссии – в начале XX в. их насчитывалось более 93,5 тысяч человек или 14,5% всех жителей провинции (приводится по: [6, с. 331]). Территориями их компактного расселения были северные и восточные приграничные части региона, которые в литовской историографии получили название Малой Литвы (или Прусской Литвы) [10, с. 69–70; 11, с. 4]. После Первой мировой войны эта территория оказалась разделенной. Территории по правому берегу реки Неман (Клайпедский край) были отделены от Германии и в 1923 г. вошли в состав Литвы [10, с. 70]. Территории по левому берегу Немана остались германскими [10, с. 70] и после Второй мировой войны оказались в составе Калининградской области. Однако, по мнению исследователей, литовское население Калининградской области не имеет непосредственной

¹ Интервью Е.П.Зимовиной с председателем региональной национально-культурной автономии литовцев Калининградской области А.А. Мулиуолисом. г. Калининград, 19.08.2015 г., стенограмма (далее – Интервью 1)

преимущественности с литовцами Восточной Пруссии. Во-первых, в конце 1944 г. и 1945 г. местное население покидало территории своего проживания вместе с отступающими частями германской армии [8, с.158]. Во-вторых, в 1947-1951 гг. граждане Германии, независимо от национальной принадлежности, были выселены из новой советской области в Восточную Германию [6, с.331-332]. В течение нескольких лет после окончания Второй мировой войны на переданных Советскому Союзу территориях Восточной Пруссии полностью сменилось население. Эта территория стала советской как по государственной принадлежности, так и по составу населения. Здесь обосновались представители разных этносов. Все они, за редким исключением, были выходцами из разных территорий Советского Союза (в том числе и из Прибалтийских республик). Поэтому говорить о формировании послевоенного литовского сообщества Калининградской области возможно с периода заселения региона советскими людьми.

Данный тезис подтверждается статистическими данными. Только за 1947 г. из Литвы прибыло 1283 человека и миграционный прирост составил 536 человек¹. И, хотя доля прибывшего из республики населения в общем миграционном приросте составила всего 0,7%, Литва уже в те годы занимала «четвертое место» по количеству мигрантов в область. По подсчетам исследователей, с 1948 по 1950 гг. доля жителей Литвы в приросте населения Калининградской области за счет переселенцев составила 4,3% (прибыло

13986 человек, выбыло 5464 человека). Бóльший вклад внесли только РСФСР, Белоруссия и Украина [8, с. 134]. Несмотря на то, что этническая принадлежность переселенцев не фиксировалась, исследователи отмечают высокую степень совпадения национальности переселенцев с титульной нацией той республики, откуда они прибыли [8, с. 135]. К сожалению, полная и корректная статистическая информация о миграционном взаимодействии между Калининградской областью и Литвой на протяжении 1950-х гг. отсутствует. Однако по косвенным и отрывочным сведениям можно сделать вывод, что в эти годы происходило довольно активное пополнение численности населения региона выходцами из соседней прибалтийской республики. Так, согласно годовому отчету о механическом движении населения, в 1958 г. из Литвы в область прибыло 2412 человек, миграционный прирост составил 1260 человек, а по вкладу в миграционный прирост населения области Литва уступала лишь РСФСР².

Значительный миграционный приток этнических литовцев в Калининградскую область во второй половине 1950-х гг. был обусловлен как процессом их возвращения из мест депортации (Сибири, Казахстана), так и нежеланием оставаться в колхозах даже у себя на родине. Вот как об этом вспоминает очевидец: «Нас освободили в 1956 году, в августе. А в 1957 г. я уже в Калининград приехала. ... Нам сказали, что можно ехать по всему Союзу. В Литву тоже можно, но если только примет. И мы сначала приехали в Литву, в Кибартай... А потом мы вернулись домой (в деревню. – Прим. авт. Е.З.). ...Но мы

¹ Государственный архив Калининградской области (далее – ГАКО). Ф. Р – 180. Оп. 1. Д. 74. Л. 2–7.

² ГАКО. Ф.Р-181. Оп.15. Д.240. Л.2-5.

Таблица 1

**Динамика численности литовского населения Калининградской области¹
(по данным переписей населения)**

	1959		1970		1979		1989		2002		2010	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Население области	610885	100,0	731936	100,0	807985	100,0	871159	100,0	955281	100,0	941873	100,0
в т.ч.:												
литовцы:	21262	3,5	23376	3,2	19647	2,4	18116	2,1	13937	1,5	9769	1,04
городские	8239	38,7	10087	43,2	9589	48,8	9704	53,6	7240	51,9	5198	53,2
сельские	13023	61,3	13289	56,8	10058	51,2	8412	46,4	6697	48,1	4571	46,8

хотели уехать, потому что не хотели в колхоз. ...И вот нас соседка привезла в Калининград. ...В Калининградскую область из Литвы все бежали – из колхозов чтобы выйти»². Еще одним фактором миграции из Литвы в Калининградскую область, который действовал затем долгие годы, была служба в армии. Говоря о том, как ее муж оказался в Калининграде, респондент уточнила: «Он в армии здесь служил и, чтобы не вернуться в колхоз, остался здесь»³. Отметим, что в данном случае речь шла о прохождении срочной военной службы. На вопрос о том, много ли здесь было литовцев на тот момент, респондент ответила: «Да, были здесь литовцы. ...Были те, с которыми он служил»⁴. К концу 1950-х гг., в результате миграций, литовцы становятся одним из самых многочисленных этносов Калининградской области. Об этом свидетельствуют данные переписи населения 1959 г. (табл. 1).

В межпереписной период (1959–

1970 гг.) численность литовцев региона увеличилась на 9,9% (табл. 1) в результате естественного прироста и миграций. Вплоть до конца 1970-х гг. большая часть литовского населения Калининградской области проживала в сельской местности. В последующие годы, в результате активизации внутренних миграций по линии «село-город», большинство литовцев уже проживали в городах области (табл. 1).

Постепенное сокращение численности литовского населения области начинается в 1970-е гг. и продолжается до сих пор (табл. 1). Это было обусловлено миграционным оттоком, снижением рождаемости, а также ассимиляционными процессами и сменой этнической идентичности. Следует отметить, что в постсоветский период наблюдались изменения в динамике численности многих национальностей Калининградской области. Например, сократилась численность белорусов, евреев, поляков, украинцев. Поэтому сокращение численности литовцев не следует считать чем-то особенным. Тем более, что это сокращение являлось довольно последовательным, хотя и растянутым во времени процессом (табл. 1). Распад Советского Союза, изменившиеся со временем репродук-

¹ Составлено по: [1; 2, с.312, 338, 364; 3, с.50-51; 4, с.59-61].

² Интервью Е.П.Зимовиной с жительницей г.Калининграда, пенсионеркой Дручунене Ч.В. г.Калининград, 23.07.2016 г., стенограмма (далее – Интервью 2).

³ Интервью 2.

⁴ Интервью 2.

тивные установки, а также культурно-языковая интеграция литовцев в российское общество лишь ускорили этот процесс. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на количественное сокращение, литовцы области занимали стабильное «четвертое место» по численности на протяжении советского периода и постсоветского времени [1; 2, с. 312; 3, с. 50–51]. Лишь перепись 2010 г. продемонстрировала некоторые изменения – наибольшая численность приходилась на русское население; затем следовали практически равные по численности белорусы и украинцы; литовское население переместилось на «третье место», разделив его с увеличившимся армянским населением [4, с. 59–61].

Вопрос о сокращении численности литовского населения области по данным переписей населения обсуждался в интервью с Альвидасом Мулиуолисом: «...сокращение количества литовцев я не связываю с тем, что они куда-то уехали. ...Я не думаю, что такой миграционный отток произошел. ... Конечно, миграция существует всегда, но она не повлияла бы так сильно на эти цифры. ...Наверное, происходит ассимиляция. Может, все начинают ощущать себя русскими. ...Еще и такой момент. Не каждый себя называет литовцем. Многие люди не указывают национальность, не пишут»¹.

Миграции этнических литовцев. В нашем распоряжении имеются ограниченные данные о миграции этнических литовцев. Но и эти сведения позволяют сделать вывод о том, что в поздний советский период оформилась вполне определенная тенденция – миграционная убыль литовского насе-

ления области. До начала 1990-х годов этнические литовцы приезжали в Калининградскую область из разных регионов СССР, в том числе и из Литовской ССР. Так, в 1989 году этнические литовцы из Литвы составляли 23,1% от общего количества прибывших в край литовцев, в 1990 г. – 26,3%; в 1991 г. – 25,2%; в 1992 г. – 32,5%; в 1993 г. – 30,7%. Как видно, выбытие из Литвы на территорию области не было приоритетным направлением. Особенно это становится очевидным с середины 1990-х годов, когда количество и доля приехавших из Литвы литовцев существенно сокращается: 1994 г. – 12,2%; 1995 г. – 9,2%; 1996 г. – 8,6%; 1997 г. – 6,6%; 1998 г. – 2,8%; 1999 г. – 5,3%; 2000 г. – 3,5%². Большая часть литовцев приезжала либо из других регионов Российской Федерации, либо из постсоветских республик. Калининградская область является единственным регионом России, который граничит с Литвой. Поэтому переезд сюда, зачастую, был вызван желанием быть ближе к стране, воспринимаемой как историческая родина.

Географическое соседство Калининградской области с Литвой предопределило и основное направление выезда литовцев. Данный процесс очень ёмко охарактеризовала один из респондентов: «Отсюда многие уехали. Это до перестройки было. Но мой муж не хотел. Мы здесь получили квартиру.

² Подсчитано по: ГАКО. Ф.Р-181. Оп. 20. Д. 1517. Л. 54-65, 138-141; Д. 1702. Л. 61-72; Д. 1852. Л. 42-53, 107-108; Д. 2012. Л. 65-82, 179-184; Д.2162. Л. 43-45, 67-69; Д. 2163. Л. 61-69; Д. 2314. Л. 148-195; Д. 2315. Л. 61-69; Д. 2483. Л. 104-106; Д. 2484. Л. 1-9; Д. 2621. Л. 72-74, 234-242; Д. 2771. Л. 23-25, 47-55; Д. 2899. Л. 117-119, 141-149; Д. 3037. Л. 115-117, 139-147; Д. 3194. Л. 115-117, 139-147.

¹ Интервью 1

С его работы были литовцы и уехали. Они по обмену. Меняли квартиры. На Клайпеду или на Каунас»¹. На рубеже 1980-х-1990-х годов выезд литовцев из области в Литву был значительным: 1989 г. – 37,6%; 1990 г. – 32,5%; 1991 г. – 36,8%; 1992 г. – 34,0%; 1993 г. – 32,6%; 1994 г. – 24,5% от общего количества выбывших из области литовцев². Это отметил и председатель региональной национально-культурной автономии литовцев Калининградской области: «Часть литовцев после перестройки, когда произошло отделение прибалтийских республик, переехали. Военнослужащие из Литвы переезжали в Калининградскую область. Из Литвы сюда переезжали русские. Но массового переезда литовцев в Литву не было. Массового оттока литовцев отсюда не было. Часть литовцев уехала, когда в Литве был принят закон о поддержке этнических литовцев, предки которых были репрессированы и переселены в Сибирь, Казахстан по политическим причинам. ...Те, кто подвергся репрессиям, могли получить квартиры в Литве»³. С середины 1990-х годов Литва не являлась территорией первостепенного притяжения для литовцев Калининградской области. Небольшая доля выехавших из региона литовцев отправлялись в Литву: 1995 г. – 9,0%; 1996 г. – 14,9%; 1997 г. – 14,1%; 1998 г. – 14,0%; 1999 г. – 12,3%; 2000 г. – 13,7%⁴. Основной причиной являлись

трудности социально-экономического характера, с которыми столкнулась Литовская Республика после обретения независимости. Поэтому выезд литовского населения с территории Калининградской области происходил в разных направлениях (как по России, так и в другие страны мира). На вопрос о том, есть ли у этнических литовцев стремление рано или поздно уехать в Литву, Альвидас Мулиуолис ответил: «Я знаю, что многие люди даже не рассматривают этот вопрос. ...Я не знаю таких людей, которые хотели бы на старости лет уехать в Литву из России. А на что жить? А как получить гражданство? Это довольно сложно. Старые люди уезжают туда, если там живут дети. Я не знаю такой ситуации, при которой люди считают, что вот они доживут до определенного возраста и уедут в Литву»⁵. В подобном смысле высказался и другой респондент: «Я мужу сказала: надо было раньше ехать. А теперь дети большие, они не поедут. Они там чужие. Они языка не знают. Сестра меня поставила там на очередь на квартиру, а я и не интересуюсь, потому что купить мне ее будет не на что»⁶.

Литовское сообщество Калининградской области является очень сплоченным. Этому способствует ряд организационных мероприятий, которые поддерживаются государством. В частности, такая форма поддержки этнических сообществ, как национально-культурные автономии. Альвидас Мулиуолис является одним

¹ Интервью 2.

² Подчитано по: ГАКО. Ф. Р – 181. Оп.20. Д. 1517. Л. 54 – 65, 138 – 141; Д. 1702. Л. 61 – 72; Д. 1852. Л. 42 – 53, 107 – 108; Д. 2012. Л. 65 – 82, 179 – 184; Д. 2162. Л. 43 – 45, 67 – 69; Д. 2163. Л. 61 – 69; Д. 2314. Л. 148 – 195; Д. 2315. Л. 61 – 69.

³ Интервью 1.

⁴ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р – 181. Оп. 20. Д. 2483. Л. 104 – 106; Д. 2484. Л. 1 – 9; Д. 2621. Л.

72 – 74, 234 – 242; Д. 2771. Л. 23 – 25, 47 – 55; Д. 2899. Л. 117 – 119, 141 – 149; Д. 3037. Л. 115 – 117, 139 – 147; Д. 3194. Л. 115 – 117, 139 – 147.

⁵ Интервью 1.

⁶ Интервью 2.

из инициаторов создания не только региональной, но и Федеральной национально-культурной автономии литовцев. В интервью он рассказал о процессе образования литовских этнических сообществ и принципах их функционирования: «Литовская диаспора Калининградской области довольно-таки дружная и сплоченная. ... Мы вместе проводим много мероприятий. ... В 2000 г. была образована национально-культурная автономия Калининградской области. ... В 2004 г. была организована Федеральная национально-культурная автономия литовцев. ... Наша автономия была уникальна в том, что местом ее расположения была Калининградская область. Все остальные были в Москве. Я проявил эту инициативу, зарегистрировал Федеральную национально-культурную автономию литовцев и пробыл два срока на посту председателя. ... у нас у всех одна цель – сохранить культуру, традиции, обычаи и язык»¹.

Еще одной формой организации литовцев является католическая церковь. Принадлежность к одной религии способствует и этнической консолидации. На это обратил внимание и Альвидас Мулиуолис: «Одна из точек объединения литовцев – это церковь. Например, у нас в г.Калининграде есть две католические церкви. Одна - польская, потому что службы проходят на польском языке. В другой богослужения проходят на русском, немецком, польском и литовском языках. И все литовцы ходят туда. Все зависит от священнослужителя. Где идет служба на литовском языке, туда и идут литовцы. ... От этого очень много зависит»².

¹ Интервью 1.

² Интервью 1.

Большое значение уделяется литовскому языку. Зачастую он является языком домашнего общения, а также языком богослужения и обучения: «Сейчас литовский язык сохраняется благодаря тому, что он преподается в некоторых наших школах. ... В Калининградской области около 20 школ с частичным преподаванием на литовском языке. ... При церквях есть воскресные школы, где преподается литовский. Раньше это было более активно. А сейчас меньше. ... Язык начинает смешиваться. Например, литовцы, которые сюда приезжают, говорят, что в нашей речи половина литовских слов, а половина – русских... ... Наверное, там, где живешь, к тому и привыкаешь. ... Интересно, что когда приезжаешь в Литву, автоматически начинаешь думать на литовском, сразу переключаешься на литовский язык»³.

Этнокультурная сплоченность, стремление сохранить родной язык и поддерживать тесную связь с исторической родиной, не препятствуют проживающим в России литовцам ощущать себя частью единого российского социума. На это обратил внимание Альвидас Мулиуолис: «Мы все – граждане России. Поэтому мы все – россияне, не независимо от национальности. Да, мы – этнические литовцы, но мы - граждане России»⁴.

Заключение. Литовское население Калининградской области представляет собой интересное явление. Литовское сообщество заново сформировалось на этой территории в послевоенный период в ходе миграций. Постепенно оно пополнялось выходцами из Литвы и других регионов СССР, а затем со всего

³ Интервью 1.

⁴ Интервью 1.

постсоветского пространства. В результате накопился солидный опыт сохранения этнокультурных особенностей в условиях миграционных перемещений. Литовцы стараются сохранить свои национальные традиции, стремятся изучать родной язык, поддерживают

связи с исторической родиной и представляют собой один из наиболее ярких образцов сохранения этнической идентичности. Вместе с тем, они демонстрируют глубокую и достаточно успешную интеграцию в калининградский социум.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Приложения [Электронный ресурс] / Информационный бюллетень «Демоскоп Weekly» [сайт]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения 16.08.2016).
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года Т. 4. Кн.1. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: Статистика России, 2004. 945 с.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: Статистика России, 2012. 847 с.

Литература:

5. Багдонавичус В. Видунас и современность // Проблемы межрегиональных связей: научный альманах (Москва-Калининград- Клайпеда). 2013. Вып. 7. С. 9–13.
6. Гальцов В.И. Литва и литовская история в Калининградской области и в сознании современных молодых калининградцев // Россия и Балтия. Вып. 7: Памятные даты и историческая память. М.: Наука, 2015. С. 331–336.
7. Гензелис Б. Кант и Видунас // Проблемы межрегиональных связей: научный альманах (Москва-Калининград- Клайпеда). 2013. Вып. 7. С. 19–21.
8. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2006. 351 с.
9. Национально-культурные объединения Калининградской области: информационный справочник. Калининград: Европейский центр по делам меньшинств, 2004. 64 с.
10. Поците С. Феномен менталитета литовцев в Пруссии // Балтийский альманах. 2004. № 4. С. 69–71.
11. Сафроновас В. Идентичность литовскоязычного населения Восточной Пруссии: интерпретации на переломе XX и XXI столетий // Исследования Балтийского региона. Вестник социально-гуманитарного парка БФУ им.И.Канта. 2011. № 2 (8). С. 4–26.
12. Чаяускас М. Литовцы, живущие в Калининградской области // Балтийский альманах. 2004. № 4. С. 53–55.

REFERENCES

1. Prilozheniya [Elektronnyi resurs] / Informatsionnyi byulleten' «Demoskop Weekly» [sait]. [Applications [Electronic Source] / Information Bulletin "Demoskop Weekly" [Website].] URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (request date 16.08.2016)
2. Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda: RSFSR [The Results of the Soviet Census of 1959: the Russian Federation]. M., Gosstatizdat, 1963. 456 p.
3. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda [T. 4. Kn.1. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo] [The Results of the Population Census of 2002 [Vol. 4. Book 1. National Composition and Language Skills, Citizenship]]. M., Statistika Rossii, 2004. 945 p.

4. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [T. 4. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo] [The Results of the National Census of 2010 [Vol. 4. National Composition and Language Skills, Citizenship]]. M., Statistika Rossii, 2012. 847 p.
5. Bagdonavichus V. Vidunas i sovremennost' [Vidunas and Modernity] // Problemy mezhregional'nykh svyazei: nauchnyi al'manakh (Moskva-Kaliningrad-Klaipeda). 2013. no. 7. pp. 9–13.
6. Gal'tsov V.I. Litva i litovskaya istoriya v Kaliningradskoi oblasti i v soznanii sovremennykh molodykh kaliningradtsev [Lithuania and Lithuanian History in Kaliningrad Region and in the Minds of Modern Young People Living in Kaliningrad] Rossiya i Baltiya. Vyp.7: Pamyatnye daty i istoricheskaya pamyat' [Russia and the Baltics. Vol.7: Observances and Historical Memory]. M., Nauka, 2015. pp. 331-336
7. Genzelis B. Kant i Vidunas [Kant and Vidunas] // Problemy mezhregional'nykh svyazei: nauchnyi al'manakh (Moskva-Kaliningrad-Klaipeda). 2013. no. 7. pp. 19–21.
8. Kostyashov YU. V. Sekret'naya istoriya Kaliningradskoi oblasti. Ocherki 1945-1956 gg [The Secret History of Kaliningrad Region. Essays of 1945-1956s]. Kaliningrad, Terra Baltika, 2006. 351 p.
9. Natsional'no-kul'turnye ob"edineniya Kaliningradskoi oblasti: informatsionnyi spravochnik [National-Cultural Associations of Kaliningrad Region: Information Guide]. Kaliningrad, Evropeiskii tsentr po delam men'shinstv, 2004. 64 p.
10. Potsite S. Fenomen mentaliteta litovtsev v Prussii [The Phenomenon of Lithuanians' Mentality in Prussia] // Baltiiskii al'manakh. 2004. no. 4. pp. 69-71.
11. Safronovas V. Identichnost' litovskoyazychnogo naseleniya Vostochnoi Prussii: interpretatsii na perelome KHKH i KHKHI stoletii [Identity of Lithuanian Population of East Prussia: Interpretation at the Turn of the Twentieth and Twenty-First Centuries] // Issledovaniya Baltiiskogo regiona. Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo parka BFU im.I.Kanta. 2011. no. 2 (8). pp. 4–26.
12. Chayauskas M. Litovtsy, zhivushchie v Kaliningradskoi oblasti [Lithuanians Living in Kaliningrad Region] // Baltiiskii al'manakh. 2004. no. 4. pp. 53–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зимовина Елена Павловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Социологической лаборатории анализа, моделирования и прогнозирования рисков Балтийского федерального университета им. И. Канта;
e-mail: zimelena@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zimovina Elena P. – Candidate of Historical Sciences (PhD), Senior Researcher of Sociological laboratory of analysis, modelling and prognostication, Immanuel Kant Baltic Federal University;
e-mail: zimelena@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Зимовина Е.П. Литовское население Калининградской области: миграции и сохранение этнокультурных особенностей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 117–126.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-117-126

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Zimovina. Lithuanian population of Kaliningrad region: migrations and saving of ethnocultural peculiarities // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2016. no 5. Pp. 117–126.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-117-126

УДК 324

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-127-137

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕФЕРЕНДУМ: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Алексеев Р.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Освещается опыт проведения электронных референдумов, проводимых в России на региональном и муниципальном уровне, их обеспеченность организационно-нормативной базой. Особое внимание уделено опыту проведения электронных референдумов в Москве, Липецке и Екатеринбурге. Отмечается, что нет единой модели системы электронных референдумов как в России, так и в мировой практике. Рассматривается схожесть российской системы электронных референдумов с азиатской моделью. Сделан вывод, что для электронных референдумов как в России, так и за рубежом характерна положительная динамика; в настоящее время в России целесообразно проводить электронные референдумы только на местном уровне.

Ключевые слова: электронный референдум, федеральный, региональный и местный референдум, прямая (непосредственная) демократия, информационные технологии и ресурсы.

ELECTRONIC REFERENDUM: PROBLEMS AND EXPERIENCE IN MODERN RUSSIA

R. Alekseev

*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The experience of holding the electronic referendum in Russia at the regional and municipal level is highlighted, as well as its organizational and regulatory framework. Special attention is paid to the experience of holding electronic referenda in Moscow, Lipetsk and Yekaterinburg. It is noted that there is not any unified model of electronic referenda both in Russia and in the world. The similarity of the Russian system of electronic referenda with the Asian model is considered. It is concluded that there is a positive dynamics of electronic referenda both in Russia and abroad. Besides, it is advisable to hold e-referenda only at the local level in Russia.

Key words: electronic referendum, federal, regional and local referendum, direct democracy, information technologies and resources.

В последнее время в мире все больше проявляется интерес к институту прямой демократии. Наиболее распространённым методом прямой демократии является референдум – форма принятия законов или решение вопросов государственной жизни путем всеобщего голосования населения страны [2, с. 214]. Так как на непосредственную (т.е. прямую) демократию возлагаются большие надежды в области осуществления местного самоуправления и развития гражданского общества, становится понятным активное внедрение Интернет технологий в систему голосования, что направлено на повышение электоральной активности, привлечение граждан к участию в политике. Появление и применение форм электронного голосования кажется достаточно закономерным явлением в век информационных технологий. Электронное голосование применяется не только на выборах, не обошла стороной эта технология и институт референдума. На взгляд автора статьи главными преимуществами электронных референдумов является снижение затрат на организацию и скорость получения результата. Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что внедрение в современной России электронных референдумов для решения вопросов местного или регионального значения является вполне закономерным процессом демократизации как избирательной, так и политической системы РФ, привлекает широкие слои населения к решению повседневных задач, стоящих перед субъектами РФ и муниципальными образованиями.

В современном мире системы электронных референдумов стремительно развиваются. Впервые вопрос об организации референдумов в электронной форме поднимался в США еще в 1974 г. Питером Паркинсоном [10, с. 469]. Рассматривалась система референдумов, в которых различные политические вопросы транслировались бы местными теле- и радиоприемниками, а «реакция аудитории» передавалась в центры вещания в электронном виде. Такая система могла быть использована для оценки популярности программ, коммерческих продуктов, общественно-политических мнений и новых идей. Обратные пути передачи данных могли бы сформировать независимую и узконаправленную физическую сеть с переносом и модификацией существующих информационных объектов, в том числе с помощью кабельного телевидения и телефонных сетей.

В статье Ильсу Чо «Цифровая демократия и гражданская позиция как форма демократической политической системы в информационную эру», представленной в 2008 г. на 52-й ежегодной встрече ISSS, также поднимается вопрос об электронных референдумах. На взгляд автора статьи, массовая компьютеризация населения подразумевает под собой возможность каждому гражданину использовать больше политической информации, а также иметь больше каналов связи, которые позволят ему передавать свои идеи представителям различных общественно-политических организаций или своим согражданам. Таким

образом, значительно увеличивается степень вовлеченности и активность участия в политической жизни своей страны со стороны общества и каждого его члена.

Достаточно масштабное исследование было проведено Международным Фондом избирательных систем (IFES) в 2012 г. Перспективам развития и проведения референдумов посвящена научная статья Джорди Баррета И. Эстиф, Бена Голдсмита и Джона Тернера – «Международный опыт электронного голосования. Норвежский проект электронного голосования», в которой большое внимание уделяется опыту электронного голосования разных стран, а также норвежскому подходу к подобной системе голосования. Джорди Баррет И. Эстиф, профессор конституционного права в Каталонии, был вовлечен в широкий спектр научно-исследовательских проектов электронного голосования во многих странах мира, которые в своей избирательной практике активно используют технологию онлайн-референдума.

Конституция РФ, являясь ядром правовой системы государства, предусматривает референдум Российской Федерации, референдум субъекта РФ и местный референдум, следовательно, институт референдума можно использовать на всех уровнях власти. Помимо основного закона, к нормативно-правовой базе, на которой основывается институт референдума, принято относить: Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации», Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права граждан на участие в референдуме граждан Российской Федерации», законы о референдумах

субъектов РФ и органов местного самоуправления. Юридический статус электронных референдумов пока не определен. Результаты голосований на электронном референдуме являются консультативным агентом в выборе возможных управленческих решений и ресурсом поддержки инициатив горожан и городских властей. По данным ЦИК РФ, с 7 декабря 2003 года по 24 апреля 2016 г. было организовано 1351 референдумов [8]. Всего 13 из них – референдумы регионального уровня, референдумов федерального значения за это время не проводилось [2, с. 215]. Из чего мы можем сделать вывод, что в Российской Федерации референдум как важнейший институт прямой демократии [1, с. 145] функционирует преимущественно на уровне местного самоуправления, значительно реже на региональном уровне. Практика проведения электронного голосования на федеральном уровне в России отсутствует и вряд ли будет реализована из-за различного уровня информационных технологий, применяемых в субъектах РФ, отсутствия информационного обеспечения или его слабого обеспечения в более отдаленных от центра регионах.

Впервые в Российской Федерации система электронных референдумов появилась в Москве в 2014 г. по указанию мэра Сергея Собянина. Цель внедрения электронного голосования в практику осуществления публичной власти демократического государства – это совершенствование институтов референдума и свободных выборов традиционных форм осуществления власти народа, привлечение граждан к участию в управлении государством, регионом, городом или

районом. Еще 25 января 2012 г. на встрече со студентами МГУ Медведев Д.А. сказал об институте референдума следующее: «Сейчас это довольно сложная, громоздкая процедура. Надо подумать, может быть, об ее изменении даже. Но в будущем, с учетом развития электронных средств коммуникации, я уверен, что большинство референдумов станут электронными» [6]. И вот, уже 21 мая 2014 г. была запущена первая система электронных референдумов в РФ – приложение «Активный гражданин». Механизм системы таков: органы московской власти (мэр, члены правительства Москвы, территориальные органы власти) выносят различные вопросы на народное голосование и дают варианты ответа или варианты решения проблемы, а пользователи голосуют. Для того чтобы принять участие в референдуме, москвичам необходимо скачать приложение для мобильных устройств на платформе iOS или Android, либо поучаствовать в народном голосовании на сайте ag.mos.ru. Власти города Москвы сделали упор именно на информационные технологии при создании системы референдумов, что не случайно. В Москве уровень проникновения Интернета в конце 2015 г. достиг отметки в 83% от населения, также 54% москвичей пользуются Интернетом на смартфонах [9]. Именно поэтому система электронных референдумов стала достаточно популярной среди жителей столицы. Для повышения интереса и активности участников создана система бонусов, которые можно обменять на билеты в музей и театр, на парковочные часы и пополнение карты «Тройка», на различные полезные сувениры и многое другое. В системе электронных ре-

ферендумов «Активный гражданин» предусмотрено несколько уровней опросов: общегородские, окружные и районные.

21 мая 2016 г. проекту «Активный гражданин» исполнилось 2 года. По этому случаю всех участников и просто равнодушных жителей столицы ждал большой праздник. «Активный день», проходивший на ВДНХ, посетил лично мэр Москвы Сергей Собянин. Столичный градоначальник поздравил москвичей с праздником, он подчеркнул, что за время существования проекта было проведено более 1700 голосований, власти услышали и систематизировали более 48 млн. мнений и предложений москвичей. «Сегодня хороший день в Москве. Двухлетняя годовщина создания «Активного гражданина» – современного инструмента по управлению городом. Он предоставляет возможности горожанам непосредственно решать те или иные проблемы. За это время зарегистрировались на «Активном гражданине» более 1,3 миллиона человек. Это почти каждый десятый москвич, и они принимают решения по самым разным вопросам», – подчеркнул Сергей Собянин [3]. За время своего функционирования система электронных референдумов смогла решить множество поставленных перед ней задач.

На одном из первых электронных референдумов поднимался вопрос о дополнительном озеленении дворов. Голосование проводилось с 21 мая 2014 г. в два этапа. Стоит отметить, что вопрос о дополнительном озеленении дворов проходит ежегодно в несколько этапов. В осенний период 2014 г. на 384 дворовых территориях посажено 2 826 деревьев и 53 135 кустарников (про-

голосовало 55 тысяч человек). Весной 2015 года отобрано почти 600 дворов для дополнительного озеленения (в голосовании приняли участие уже 338 814 человек) [4]. На референдум в 2014 году выносился вопрос «о необходимости ввести преимущественное право для москвичей при записи в детские сады». 82% опрошенных согласились с тем, что дети с московской пропиской должны иметь приоритет при поступлении в дошкольные учреждения, после чего данное условие было учтено руководителем Департамента образования города Москвы. Проведены референдумы по вопросу об оборудовании природных парков Москвы контейнерами для раздельного сбора мусора: 52% москвичей проголосовали за дооснащение парков контейнерами для раздельного сбора отходов. В результате на особо охраняемых природных территориях проведены работы по размещению 62 контейнеров и урн для раздельного сбора мусора [7].

На электронное голосование выносилось и предложение о снижении скоростного режима в пределах Бульварного кольца до 40 км/ч. Но 53% жителей не поддержали инициативу снижения скоростного режима. Учитывая, что большинство горожан посчитало, что снижение скоростного режима существенно не изменит дорожную ситуацию, скоростной лимит в пределах Бульварного кольца остался прежним – 60 км/ч. Москвичам задавался вопрос и о необходимости запуска в Москве 9 новых автобусных маршрутов. По результатам опроса все девять предложенных маршрутов одобрены горожанами. Уже в августе 2014 г. в городе были запущены автобусные маршруты. Был выбран удоб-

ный способ авторизации при подключении к публичной беспроводной сети в городе (в том числе в Московском метрополитене). Всего в голосовании приняли участие 221 499 москвичей. Большинство (74%) участников проекта предпочли способ авторизации по номеру мобильного телефона (смс-аутентификация). В августе 2014 г. Правительство России утвердило новые правила предоставления доступа в сеть Интернет в публичных местах. Теперь пользователю для подключения к публичной сети Wi-Fi необходимо пройти процедуру авторизации.

В Москве по решению «Активных граждан» в качестве способа авторизации введена смс-аутентификация. Было выявлено отношение москвичей к переходу на зимнее время: 37% участников опроса поддержали идею перехода на зимний стандарт исчисления времени. В соответствии с Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исчислении времени» 26 октября 2014 г. стрелки часов переведены на час назад. При разработке проекта по реформированию системы наземного общественного транспорта в Москве были учтены пожелания горожан. По вопросу о новой модели управления наземным транспортом был организован электронный референдум. Большинство горожан проголосовало за возможность проезда по городским билетам «Тройка», «Единый», ТАТ, «90 минут» (27%). Хотя саму реформу наземного общественного транспорта столичные власти анонсировали еще в 2014 г., новые маршрутки на дорогах столицы стали появляться только в 2016 г.. Теперь проезд в новых маршрутках можно

будет оплатить обычными проездными билетами. Помимо вышеуказанных референдумов москвичам предлагали решить вопросы, связанные с путями улучшения работы МФЦ, о введении единого графика каникул для школьников Москвы, внедрением новых технологий в сфере образования (родительские собрания в режиме видеоконференций) и прочие актуальные для горожан вопросы.

В 2015 г. в Москве было вынесено на электронный референдум два очень важных вопроса: 1) запрет на продажу алкоэнергетиков; 2) нужно ли переименовать «Войковские» станции метро, железной дороги и пересадочный узел. Голосование по вопросу введения запрета продажи алкогольных энергетических напитков проводилось с 11.02.15 по 09.03.15. Всего в голосовании приняли участие 279 156 москвичей. 80% горожан поддерживали запрет на продажу в Москве алкогольных энергетиков. С 1 мая 2015 г. в Москве запрещена продажа алкоэнергетиков. Такое требование было установлено Законом города Москвы № 11 от 18.03.2015 г. «Об установлении ограничений в сфере розничной продажи слабоалкогольных тонизирующих напитков». На вопрос о необходимости переименования станции Московского метрополитена «Войковская», а также железнодорожной станции и пересадочного узла, большинство участников электронного референдума ответили отрицательно. Голосование на сайте «Активный гражданин» началось 2 ноября и завершилось в 00:00 в понедельник, 23 ноября. Согласно окончательным результатам, за переименование проголосовали 35 %, 53 % — против. Еще 7 % затрудни-

лись с ответом, а 5% считают, что этот вопрос должны решать специалисты. Всего в голосовании приняли участие 304 тысячи 74 человека.

В 2016 г. также успело пройти немало референдумов, были реализованы проекты прошлых лет. В феврале 2016 года объявлены результаты конкурса на выбор подрядчика по оснащению Wi-Fi пригородных электричек в Москве. Согласно конкурсной документации, компания-победитель до конца года должна оборудовать сетями беспроводного доступа 65 электропоездов Центральной пригородной пассажирской компании (ЦППК). Узнать электричку с Wi-Fi можно будет по специальной наклейке. Были выбраны улицы и набережные в Центральном административном округе, которые необходимо благоустроить в 2016 г. в первую очередь. Горожане оценили пилотный проект по организации велополосы на Бульварном кольце. Всего в голосовании приняли участие 250 775 активных граждан. Идея пришлась по душе 95% велосипедистов, которые приняли участие в голосовании. 85% активных граждан, назвавших себя пешеходами, также поддерживали появление в столице специальной велополосы. Также отдельную полосу для велосипедистов посчитали удачным решением 78% автомобилистов. По итогам эксперимента и результатов голосования в проекте «Активный гражданин» работа велополосы на Бульварном кольце переведена в постоянный режим.

Перенимают опыт по проведению электронных референдумов и в ряде субъектов РФ: Липецке («Открытый Липецк»), Московской области («Добродел»), Екатеринбурге. В начале

2016 г. был запущен проект «Открытый Липецк», который позиционировался как приложение для тех, кто хочет принимать участие в управлении городом и влиять на принимаемые властями решения. Высказывая свое мнение, горожане могут напрямую влиять на решение общественно значимых городских проблем. Чтобы участвовать в опросах окружного значения, необходимо указать свой адрес и округ в профиле пользователя. В начале работы проекта горожанам было предложено выбрать наиболее интересные для них мероприятия в год российского кино, отметить, в каких акциях они с удовольствием приняли бы участие. Также жителям областного центра предстояло определить, какие дополнительные услуги необходимо ввести в муниципальных библиотеках (мастер-классы по рукоделию, рисованию, танцам; языковые и дизайнерские курсы, студии раннего развития детей) [5]. Участие в референдумах доступно на сайте проекта «Открытый Липецк» www.openlipetsk.ru и через мобильное приложение для Android-устройств и устройств с системой iOS. Участвуя в голосованиях проекта, липчане принимают на себя ответственность и вместе с муниципалитетом решают, каким быть городу. Еще в 2014 г. мэрия Екатеринбурга высказывала идеи по внедрению системы электронных референдумов для города. В качестве пилотного проекта горожанам было предложено выбрать один из трех цветов для 100 новых автобусов, которые выйдут на маршруты городского общественного транспорта: зеленый – «цвет весны, лета, один из основных цветов геральдики Екатеринбурга»; голубой – «цвет транспор-

та, являющегося символом реки, которая течет по городу, соединяет разные уголки и сливается в единый поток»; красный – «цвет жизни, горящего пламени; яркий и насыщенный, он согревает душу». Проголосовать за тот или иной цвет можно на официальном портале Городской администрации.

Отмечая опыт и проблемы проведения электронных референдумов в России, стоит отметить, что за рубежом также нет единой модели европейской системы электронных референдумов. Существует несколько основных моделей систем электронных референдумов. В первую очередь, это азиатская модель, для нее характерно наличие сайта (в основном, это сайты Правительства, либо сайты, созданные по распоряжению правительства) и мобильного приложения. Для модели, характерной для постсоветского пространства, характерно только наличие интернет-сайтов, мобильной версии ресурса в формате приложения нет. А вот в Европе нет единой модели европейской системы электронных референдумов, как правило, используют ту же модель, что и для проведения интернет-выборов, либо имеется сайт и приложение, но сама система электронных референдумов создана независимой от правительства. Так, например, в Исландии используется модель, которая применяется в некоторых странах для проведения интернет-выборов. В Исландии для интернет-голосований используются только веб-сайты. Существует единая система идентификации для участия в любых голосованиях. Каждый пользователь может пройти идентификацию двумя способами: с помощью мобильного телефона, на который придет SMS с кодом подтверж-

дения регистрации (для этого необходимо иметь IseKey – пароль, который выдает Национальный Регистр Исландии [11]); с помощью электронного идентификатора, которые доступны в Исландии с 2008 г. (их можно получить в банке Исландии или/и через систему Audkenni). Модель системы электронных референдумов Нидерландов включает в себя и сайт, и приложение для смартфонов и планшетов. Рассматриваемая система создана независимой от правительства. Сайт Mijn Referendum (Мой референдум) не имеет никакого отношения к сайтам властных структур Нидерландов. На сайте размещены все референдумы, но проголосовать, посмотреть результаты, а также создать новый референдум можно только в приложении.

Российская модель электронных референдумов очень похожа на азиатскую модель, в особенности на применяемую в лидирующей в информационных технологиях и информационном обеспечении стран – Южной Корее. Схожесть состоит в том, что правительства г. Москвы, Московской области, Липецка и Екатеринбурга, как и правительство Сеула, выступали в роли инициатора создания проекта городских электронных референдумов. Российские проекты, как и азиатские, в качестве базы имеют официальное приложение для смартфонов и планшетов, а также имеются официальные сайты, где продублирована вся информация, содержащаяся в приложениях. Несмотря на достаточно внушительный опыт использования интернет-технологий при проведении выборов на разных уровнях власти, систему электронных референдумов, проводимых посредством использования

мобильных приложений и веб-сайтов, можно назвать нововведением. Одними из первых реализовали подобные проекты страны Азии, особенно отличились Южная Корея и Индия. Еще в 2012 г. в этих странах Правительство решило подключить своих граждан к участию в жизни страны и формированию ее политики. В 2014-2015 г. были созданы ресурсы Белоруссии, Приднестровья и Украины, на которых были размещены электронные референдумы. В 2015 г. был реализован проект электронного референдума в Исландии, а в 2016 г. – в Нидерландах.

Как уже упоминалось автором статьи, ещё в 2014 г. в Москве был воплощен в жизнь проект электронных референдумов «Активный гражданин», по своей сути очень схожий с азиатскими проектами. С января 2016 г. властью Московской области был инициирован процесс внедрения проекта электронного референдума – «Добродел». В этом же году был создан проект «Открытый Липецк», планируется внедрение системы электронных референдумов в Екатеринбурге. Из чего можно сделать вывод о том, что в России применяется одна из передовых азиатских моделей электронных референдумов, которая активно внедряется на практике в крупных российских мегаполисах, вовлекая в принятие властно-управленческих решений широкий круг населения РФ, в том числе и представителей подрастающего поколения.

Обобщая сказанное, автор статьи отмечает, что динамика распространения системы электронных референдумов как в России, так и в мире в целом, носит положительную динамику. В РФ за два года, с 2014 по 2016 гг., были разработаны и внедрены полноценные

системы городских электронных референдумов для Москвы и Липецка. Наиболее подходящей для России видится создание именно апробированных на практике правительственных систем онлайн-референдумов, которыми являются «Активный гражданин» и «Открытый Липецк». Данные проекты решают очень важные задачи: привлечение граждан к управлению городом, следствием чего является повышение политической активности; формирование системы коммуникации между населением и разными уровнями власти; информирование о городских новинках, результате работы властей, итогах референдумов. Стоит отметить, что серьезные вопросы выносятся на референдум не так часто по ряду причин: на данный момент еще недостаточно большое количество граждан

принимает участие в электронных референдумах, к тому же решения, принятые путем электронного голосования, носят рекомендательный, а не обязательный для исполнения властью характер. На взгляд автора статьи, на данный момент для Российской Федерации оптимальным вариантом является развития сети электронных референдумов с использованием базы порталов городских услуг на уровне местного самоуправления. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что уже в настоящее время у России есть шанс создать систему электронных референдумов, которая поможет формированию системы коммуникаций между властью и населением, а также повысить интерес рядовых граждан к политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В. 12 лекций по политологии: учеб. пособие для бакалавров. М.: МГОУ, 2013. 260 с.
2. Алексеев Р.А. Политико-правовое обеспечение проведения референдума в Российской Федерации: реальность или фикция? // Политические процессы на постсоветском пространстве: материалы IV международной конференции (Москва, 14 апр. 2015 г.). М.: МГОУ, 2015. С. 214–223.
3. «Активный гражданин» отметил 2 года плодотворной работы [Электронный ресурс] // ГБУ города Москвы «Городской центр профессионального и карьерного развития» [сайт]. URL: <http://centrprof.dtoiv.mos.ru/presscenter/news/detail/2998267.html> (дата обращения: 07.09.2016)
4. Акция «Миллион деревьев» [Электронный ресурс] // Департамент природопользования и охраны окружающей среды города Москвы [сайт]. URL: http://www.dpioos.ru/eco/ru/million_dereviev (дата обращения: 9.09.2016)
5. В городе стартовал новый проект - «Открытый Липецк» [Электронный ресурс] // Липецк: официальный сайт города. URL: http://www.lipetskcity.ru/iblock/novij_proekt_otkritij_lipeck (дата обращения: 12.09.2016)
6. Встреча со студентами факультета журналистики МГУ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/14366> (дата обращения: 7.09.2016)
7. Выполнено органами власти по результатам работы проекта «Активный гражданин» [Электронный ресурс] // Активный Гражданин [сайт]. URL: <https://ag.mos.ru/results> (дата обращения: 14.09.2016)
8. Сведения о проводящихся выборах и референдумах. [Электронный ресурс] // ЦИК

- РФ [сайт]. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 15.09.2016)
9. Проникновение Интернета в России: итоги 2015 года [Электронный ресурс] // GfK [сайт]. URL: http://www.gfk.com/fileadmin.2016/Internet_Usage_Russia_2015.pdf (дата обращения: 3.09.2016)
 10. Peter Parkinson Analytic and Simulative Approaches to an Electronic Referenda-System Occupancy Problem // Winter Simulation Conference Proceedings, Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE). 1974. P. 469–479.
 11. Vote on amendments to the Helguvnk site plan [Электронный ресурс] // Electronic voting in Reykjanesbжr [сайт]. URL: <http://www.ibuakosning.is/en/how-do-you-get-an-icekey> (дата обращения: 17.09.2016)

REFERENCES

1. Abramov A.V. 12 lektcii po politologii: ucheb. posobie dlya bakalavrov [12 Lectures on Political Science: Textbook for Bachelors]. M., MGOU, 2013. 260 p.
2. Alekseev R.A. Politiko-pravovoe obespechenie provedeniya referendumov v Rossiiskoi Federatsii: real'nost' ili fiktsiya? [Political and Legal Support of Holding a Referendum in the Russian Federation: Reality or Fiction?] Politicheskie protsessy na postsovet'skom prostranstve: materialy IV mezhdunarodnoi konferentsii (Moskva, 14 apr. 2015 g.) [Political Processes in the Former Soviet Union: Proceedings of the IV International Conference (Moscow, April 14, 2015)]. M., MGOU, 2015. pp. 214–223
3. «Aktivnyi grazhdanin» otmetil 2 goda plodotvornoi raboty [Elektronnyi resurs] [“Active Citizen” Celebrated 2 Years of Productive Work [Electronic Source]] GBU goroda Moskvy «Gorodskoi tsentr professional'nogo i kar'ernogo razvitiya» [sait]. [GBU Moscow City “Municipal Centre for Professional and Career Development” [website]]. URL: <http://centrprof.dtoiv.mos.ru/presscenter/news/detail/2998267.html> (request date 07.09.2016)
4. Aktsiya «Million derev'ev» [Elektronnyi resurs] [The Campaign “One Million Trees” [Electronic Source]] Departament prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchei sredy goroda Moskvy [sait]. [Department of Natural Resources and Environmental Protection of Moscow City [Website]]. URL: http://www.dpioos.ru/eco/ru/million_dereviev (request date 9.09.2016)
5. V gorode startoval novyi proekt - «Otkryti Lipetsk» [Elektronnyi resurs] [The City Initiated a New Project – “Open Lipetsk” [Electronic Source]] Lipetsk: ofitsial'nyi sait goroda. [Lipetsk: the Official Site of the City.]. URL: http://www.lipetskcity.ru/iblock/novij_proekt_otkritij_lipeck (request date 12.09.2016 g)
6. Vstrecha so studentami fakul'teta zhurnalistiki MGU [Elektronnyi resurs] [Meeting with students of faculty of journalism [Electronic Source]] Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii. [Official Site of the President of Russia.]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/14366> (request date 7.09.2016)
7. Vypolneno organami vlasti po rezul'tatam raboty proekta «Aktivnyi grazhdanin» [Elektronnyi resurs] [Performed by the authorities on the results of the project “Active citizen” [Electronic Source]] Aktivnyi Grazhdanin» [sait]. [Active Citizen” [website]]. URL: <https://ag.mos.ru/results> (request date 14.09.2016)
8. Svedeniya o provodyashchikhsya vyborakh i referendumakh. [Elektronnyi resurs] [Information on the Ongoing Elections and Referendums. [Electronic Source]] TSIK RF [sait]. [CEC RF [website]]. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (request date 15.09.2016)
9. Proniknovenie Interneta v Rossii: itogi 2015 goda [Elektronnyi resurs] [Penetration of the

Internet into Russia: Results of 2015 [Electronic Source]] GfK [сайт]. [GfK [Website]]. - URL: [http://www.gfk.com/fileadmin. 2016/Internet_Usage_Russia_2015.pdf](http://www.gfk.com/fileadmin.2016/Internet_Usage_Russia_2015.pdf) (request date 3.09.2016).

- 10 Peter Parkinson Analytic and Simulative Approaches to an Electronic Referenda-System Occupancy Problem // Winter Simulation Conference Proceedings, Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE). 1974. P. 469–479.
- 11 Vote on amendments to the Helgúvík site plan [Электронный ресурс] // Electronic voting in Reykjanesbær [сайт]. URL: <http://www.ibuakosning.is/en/how-do-you-get-an-icekey> (дата обращения: 17.09.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Роман Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: alekseev.r555@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alekseev Roman A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: alekseev.r555@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Алексеев Р.А. Электронный референдум: проблемы и опыт проведения в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 127–137.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-127-137

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

R. Alekseev. Electronic referendum: problems and experience in modern Russia // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 127–137.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-127-137

УДК 32:78

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-138-142

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ОСМЫСЛЕНИИ ЗАПАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Грачева М.С.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен обзор современных теорий Р. Инглхарта, Л. Фойера, З. Фрейда, Ч. Рейча, Т. Роззак, Н. Хоува и У. Штрауса, призванных объяснить трансформацию роли молодежи в социально-политических процессах второй половины XX – начала XXI вв. По заключению автора, большинство современных ученых связывают социально-политическую активность молодежи в первую очередь с теми ценностными ориентирами, которыми руководствуется молодое поколение в своем стремлении изменить мир и общество. Данный ценностный «сдвиг» нашел свое отражение как в контркультурном искусстве, так и в развитии массовых протестных движений.

Ключевые слова: контркультура, бесшумная революция, конфликт поколений.

MODERN YOUTH'S POLITICAL PROTEST IN WESTERN POLITOLOGY' CONCEPTUAL COMPREHENSION

M. Gracheva*Moscow State Regional University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article presents the basic theory of R. Inglehart, L. Feuer, S. Freud, Ch. Reich, T. Roszak, N. Howe and W. Strauss, designed to explain the transformation of the role of youth in social and political processes of the second half of XX - early XXI centuries. The author concludes that most modern scientists connect the social-political activity of youth with their value benchmarks most of all. The benchmarks, which lead them in their drive to change the world, are the most significant. This "value shift" is reflected both in counterculture art and in the development of mass protest movements.

Key words: counterculture, silent revolution, the conflict of generations.

Во второй половине XX в. в рамках массовой культуры формируется контркультурное искусство, чьей основной целевой аудиторией становится послевоенное молодое поколение, стремившееся по-новому взглянуть на место человека в мире. Литература «битников», кино «новой волны», рок-музыка становятся проявлениями альтернативного мышления, которое молодежь противопоставила рационалистическим и консервативным идеям прошлого.

Социально-политические изменения послевоенного времени в странах Запада также способствовали приобретению молодежью статуса политического актора, что отразилось на характере массовых протестных движений 1960-х – 1970-х гг.

Превращение молодежи в важного участника социально-политических процессов вызвало широкий интерес среди ученых, которые разработали ряд теорий, призванных объяснить протестную активность молодого поколения.

Теория «бесшумной революции» американского социолога Р. Инглхарта объясняет изменение роли молодежи трансформацией базовых ценностей, которыми руководствуется новое поколение. Так, «постматериальные» ценности (свобода самовыражения, качество жизни, гарантии соблюдения прав и свобод граждан), к которым стремится молодое поколение, приобретают оппозиционный характер по отношению к материальным ценностям (безопасность, материальное благополучие, стабильность) [6].

О молодежи как о движущей силе общественных изменений также писали Ч. Миллс [1], Ж.-П. Сартр [11], Э. Фромм [3], причину данного явления они видели в глубинном изменении характера общественных отношений в эпоху господства корпоративного капитализма. Леворадикальное идейное течение «новые левые» критиковало современное им буржуазное общество, в котором под маской демократии осуществляется господство крупных промышленников и отдельных корпораций, а также усиливается государственное давление и контроль над личностью.

Основной целью «новых левых» являлась дезинтеграция системы господствующих отношений на локальном и региональном уровне, главной движущей силой данных изменений становится молодежь, которая, по мнению социолога М. Раунтри, является эксплуатируемым и потому революционным классом [10].

Говоря о новой роли молодежи в протестном движении второй половины XX – начале XXI вв., стоит затронуть теорию «конфликта поколений», выдвинутую американским ученым Л. Фойером [4, с. 234], согласно которой основой общественного развития является не классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемой частью населения, а борьба между поколениями.

Л. Фойер отмечал возможность победы молодых в будущем, причину чего он связывал с ростом крупных студенческих общин, что позволило молодому поколению в лице студенческого движения приобрести могущество и стать значительной политической силой.

О конфликте поколений с психологической точки зрения говорил и австрийский психиатр З. Фрейд, он утверждал, что основой конфликта является соперничество между отцом и сыном (Эдипов комплекс), между дочерью и матерью (комплекс Электры), причиной чего является бессознательное сексуальное влечение к родителю противоположного пола, а также двойственные чувства по отношению ко второму родителю [2]. В результате данной борьбы юноша или девушка отказывается от воспроизведения социокультурных установок родителя – «соперника», что, в свою очередь, и по-

рождает непримиримую борьбу между поколениями.

Теория Фрейда подверглась критике со стороны французского психоаналитика Ж. Менделя, который утверждал, что современное общество воплощает скорее архаичный образ Матери, нежели образ мудрого Отца [7].

Американские ученые Н. Хоув и У. Штраусс [5], разработавшие на основе анализа американской истории «теорию поколений», утверждают, что в разные исторические периоды поколения имеют совершенно противоположные ценностные установки, что обуславливается различием социокультурной, экономической и политической обстановок, в рамках которых поколения взрослеют.

Согласно данной теории происходит чередование четырех поколений (Герои, Художники, Пророки, Странники), каждому из которых присущ особый набор ценностных ориентиров, что определяет историческое развитие общества в различные периоды.

Н. Хоув и У. Штраусс утверждали, что причиной конфликта между поколениями является не возрастное различие, а разница в ценностных ориентирах, которые оказывают определяющее воздействие на восприятие окружающей действительности и побуждают к действиям того или иного характера.

О роли молодежи в протестном движении против капиталистической системы отношений, сложившейся

в западном обществе, говорили американские социологи Ч. Рейч [8] и Т. Роззак [9], разработавшие теорию, давшую культурную основу движению «новых левых». Центральное место в данной теории заняло понятие «контркультура», выражающее идею нового мировоззрения, отличного от миропонимания, присущего носителям «старого» сознания, т.е. представителям военного поколения.

Согласно мнению американских социологов, теоретическая база «новых левых» не имела под собой метафизического начала, способного вывести протест на более высокий уровень, т.к. культурный конфликт может стать основой продолжительного противостояния, в то время как социально-экономические противоречия возможно сгладить.

Как видно из проделанного нами обзора концепций, большинство ученых связывают социально-политическую активность молодежи в первую очередь с теми ценностными ориентирами, которыми руководствуется молодое поколение в своем стремлении изменить мир и общество, что отразилось как в контркультурном искусстве, так и в развитии массовых протестных движений. Сделанный исследователями вывод позволяет глубже рассмотреть проблему развития массовых протестных движений, а также может стать теоретической базой анализа политического участия западной и российской молодежи в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллс Ч. Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959. 544 с.
2. Фрейд З. Об особом типе выбора объекта у мужчин // Психотерапия. 1911. № 1. С. 62–71.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2007. 624 с.
4. Feuer L.S. The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement. N.Y.: Basic Books, 1969. 556 p.

5. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow and Company, 1991. 538 p.
6. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton University Press, 1977. 482 p.
7. Mendel G. La crise de generations. Etude sociopsychanalytique. Paris: Payot, 1969. 256 p.
8. Reich Ch. The Greening of America. Harmondsworth: Penguin Books Ltd., 1970. 332 p.
9. Roszak T. The Making of a Counter Culture. N.Y.: Anchor Books, 1969. 303 p.
10. Rowntree J., Rowntree M. Youth as a Class // International Socialist Journal. 1968. Vol. 5. № 25. P. 25–58.
11. Sartre J.-P. Materialism and Revolution // Politics. 1947 (July). P. 161–172.

REFERENCES

1. Mills CH. Vlastvuyushchaya elita. [The Ruling Elite.]. M., Inostrannaya literatura, 1959. 544 p.
2. Freid Z. Ob osobom tipe vybora ob"ekta u muzhchin [On the Special Type of Choice of Object by Men] // Psikhoterapiya. 1911. no. 1. pp. 62-71.
3. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti [Anatomy of Human Destructiveness]. M., AST, 2007. 624 p.
4. Feuer L. S. The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement. N.Y.: Basic Books, 1969. 556 p.
5. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – N.Y.: William Morrow and Company, 1991. 538 p.
6. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton University Press, 1977. 482 p.
7. Mendel G. La crise de generations. Etude sociopsychanalytique. Paris: Payot, 1969. 256 p.
8. Reich Ch. The Greening of America. Harmondsworth: Penguin Books Ltd., 1970. 332 p.
9. Roszak T. The Making of a Counter Culture. N.Y.: Anchor Books, 1969. 303 p.
10. Rowntree J., Rowntree M. Youth as a Class // International Socialist Journal. 1968. Vol. 5. № 25. P. 25-58.
11. Sartre J.-P. Materialism and Revolution // Politics. 1947 (July). P. 161-172.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грачева Марина Сергеевна – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: hexahedron@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina S. Gracheva – Post-Graduate Student of the Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: hexahedron@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Грачева М.С. Политический протест современной молодежи в концептуальном осмыслении западной политологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 138–142.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-138-142

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Gracheva. Modern youth's political protest in western politology' conceptual comprehension // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 138–142.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-138-142

УДК 330.101.541 + 1

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-143-150

О СОВРЕМЕННОМ КРИЗИСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Панов А.И.¹, Шишкин В.А.²

¹ *Московский государственный областной университет*

105005 г. Москва, улица Радио, 10а, Российская Федерация

² *Новосибирский государственный педагогический университет*

632387 г. Куйбышев, улица Молодёжная, д.7, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется сложившийся кризис управления, переходящий, по мнению авторов, в перманентное состояние. Одной из причин этого сложившегося положения является имеющаяся в современном обществе установка выращивания не лидеров, которые и могли бы устранить кризисы, а исполнителей. Таким образом, кризис управления вызван дефицитом эффективных управленческих творческих кадров.

Ключевые слова: кризис, управление, духовность, прибыль, кадры, производство, перманентный.

ON MODERN CRISIS OF PUBLIC MANAGEMENT

A. Panov¹, V. Shishkin²

¹ *Moscow State Regional University*

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

² *Novosibirsk State Pedagogical University*

7, Molodyozhnaya street, Kuybyshev, 632387, the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the current crisis in management and its transition into a permanent state. One of the reasons of the current situation is cultivation of the performers, but not the leaders who could eliminate crises. Thus the crisis in management is due to the deficit of the efficient and creative specialists in management.

Key words: crisis, management, spirituality, profit, personnel, production, permanent.

© Панов А.И., Шишкин В.А., 2016.

* Публикуемый материал отражает точку зрения авторов и является приглашением к научной дискуссии о сути современного кризиса.

Американский социолог И. Валлер-стайн в 1990-х гг. в своей статье «Мир, стабильность и легитимность» предсказал, что вплоть до 2050 г. мир будет находиться в состоянии мирового кризиса и нестабильности из-за упадка США как гегемона мир-системы. Решающим условием поддержания нормы прибыли и накопления капитала прежде было распространение капитализма в новые географические зоны. Угроза переноса производства позволяла держать в узде рабочий класс своих стран, одновременно экономить на издержках производства за счёт дешёвой рабочей силы других стран. В настоящее время капиталистический мир-экономика захватил весь земной шар. Отсутствие возможности дальнейшего распространения привело к тому, что население дерурализовано (пролетаризировано), норма прибыли неизбежно снижается во всех регионах мира и издержки производства растут в глобальном масштабе. Прежние механизмы выхода из кризисов перестают действовать.

Механизм развития действующей капиталистической мир-системы – перетекание денег из периферии в центр, иерархическое неравенство в распределении капиталов, основанное на концентрации и монополизации производств с высокой прибылью в ограниченных зонах. Но гегемония не может быть постоянной и потому центр мир-системы периодически меняется. Именно это обстоятельство вызывает сильнейшее возмущение в мировой экономике и геополитике [1, с. 347–369].

О том, что современный капитализм – путь перманентных кризисов, говорилось давно. Цель производства

– получение прибыли и сверхприбыли. В силу этого обстоятельства индустрия усиленно формирует в обществе культ потребления материальных благ, которые в большинстве случаев обывателю не нужны. Более шестидесяти лет назад авторы повести «Квота, или «Сторонники изобилия» представили общество потребления, превратившее людей в «покупательные машины». Эта экономическая система называлась «расширенное воспроизводство»: потребляй, выбрасывай, покупай новое, даже если оно и не нужно. Ради получения баснословных прибылей международными корпорациями в жертву были принесены природные ресурсы Земли [2].

Три составляющие этого процесса – кадры, финансы и СМИ – сконцентрировали США. Манипулируя вышеназванными ресурсами, они добились своего лидерства в мире, но обеспечить мир бескризисным развитием не смогли. Высокий уровень жизни в США долгое время поддерживался за счёт ограбления ими других стран. Однако сегодня «на пятки» гегемону наступают другие страны. Так, Китай и Индия по уровню потребления энергии приближаются к США, что может спровоцировать экономический, энергетический коллапс. Сближение этих государств (если такое случится) грозит военным кризисом, компенсированным пока технологическим превосходством гегемона.

Перевод термина «*krisis management*» очень важен по смыслу и контексту. Прямой перевод может означать как кризис управления, так и кризис-управление. В первом случае – это состояние экономики, при котором существующие средства и

методы достижения целей становятся невозможными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации. Если же мы переводим понятие как кризис-управление, тогда речь идет об управлении в период кризиса, то есть по сути об управлении кризисом. В конечном итоге речь должна идти не об антикризисном, а о бескризисном управлении.

В то время как антикризисное управление нацелено против состоявшегося кризиса, бескризисное управление не допускает самого появления кризиса, действуя согласно пословице: «Умный хорошо выходит из проблемы, а мудрый в неё не попадает!». Как представляется, современное общество направляют по ложному пути устранения следствия, а не причин. Задача состоит не в преодолении кризиса, а в его недопущении. К сожалению, современная гуманитарная наука даже не ставит задачи недопущения кризисов, довольствуясь объяснениями следствий текущего положения дел. Этим по сути оправдывается бездействие или поиск доказательств неразрешимости проблемы.

Ещё в период Просвещения было сформулировано, что любое общество управляется через общие интересы, ценности и идеалы. Идеал задаёт цель развития организации. Образы святых служат основой функционирования общины верующих – Церкви. Политический идеал (единство народа и правителя) используется государством для управления своими подданными или гражданами. Механизм управления реализуется через институты государства и через принятые в стране законы. Социальный идеал понимается в любом социуме как справед-

ливость, формы которой могут быть различны. Так, на Западе традиционно справедливым считается всё, что сделано по *закону*, в России справедливо то, что сделано по *правде*. Древность этого установления подтверждается названием первого свода законов, принятого великим князем Ярославом Мудрым, – «Русская правда».

Исходя из того, что общественные идеалы задают цели развития и являются средством управления общностями, следует поставить вопрос о соответствии сложившейся в России модели управления, системе взаимосвязанных ценностей и идеалов, составляющих ядро культуры. Чем больше предложенная обществу модель управления государством, экономикой и обществом соответствует духовному, социальному и политическому идеалам, тем больше пробуждает творческой энергии народа и переводит её в энергию действия. И самым генерируется эффект синергии управления и общества в целом [10].

Действие идеалов хорошо прослеживается в советскую эпоху, на протяжении жизни трёх поколений граждан СССР. Высочайшие в истории темпы развития страны в годы первых пятилеток (до 16% в год), трудная победа в Великой Отечественной войне, восстановление разрушенного хозяйства, создание атомной и ракетно-космической отраслей, отечественной кибернетики и компьютеров – результат коллективных усилий народа, осуществлявшего высокие и масштабные цели. Кризис управления в масштабе страны всегда есть следствие кризиса базовых для общества идеалов. Именно это и произошло в нашей стране в 1980-х – 1990-х гг. В настоящее время

прежние общественные идеалы замещены образцами иного культурного происхождения: индивидуализм вместо коллективизма, личное обогащение вместо совместного развития, идеология потребления вместо концепции гармоничного развития личности.

Кризис управления тесно связан с другими негативными явлениями: кризисом духовности, экономики, социальных отношений, политического строя. Это объясняется тем, что система управления обществом соответствует ментальным основам определенного народа. Эта проблема соответствия управления и культуры в России была поставлена ещё в XIX в. П.Я. Чаадаевым, славянофилами и А.И. Герценом.

Внедрение инноваций в институты управления государством должно быть тщательно подготовлено и заранее проанализировано. Как показывает успешный опыт комплексных реформ Александра II в 1860-е гг, только внимательное изучение имеющегося опыта, его анализ и долгое обсуждение проблем на заседаниях Государственного совета предопределили успех преобразований. Успех реформ Александра II и противоречивость преобразований Петра I в государственном управлении и экономике показывает, что внедрение иностранных новаций имеет объективные пределы, накладываемые национальной культурой: религией, этикой труда и богатства, политической культурой, экономическим укладом, формами собственности и труда [4].

Оценивая результаты либеральных реформ 1990-х гг. в России, которые превратили страну из сверхдержавы в периферию, сырьевой придаток миро-

вой экономики, Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц назвал их социально-экономической катастрофой для страны [9]. Произошло падение объёмов экономики более чем в два раза и чрезвычайно резкое расслоение российского общества при сокращении ресурсов. В современной России производительность труда упала вдвое в сравнении с СССР: она составляет 28% от производительности труда в США, в то время как в СССР достигала 55%. Таким образом, господство частной собственности и копирование чужого опыта не были успешными ни для народа, ни для страны.

Глобальные манипуляторы настойчиво подводят нас к мысли, что кризисы – норма нашей экономической жизни, которую предотвратить нельзя. В крайнем случае, последствия кризисов могут минимизировать так называемые «кризисные менеджеры». Но организовать бескризисную работу отрасли или государства, а тем более человечества, они не в состоянии. В результате работы «окна Овертона» [6] наступило состояние перманентного кризиса, и человечество воспринимает его как данность. Переход из одного кризиса в другой – и так постоянно. Это оправданно в обществе, построенном на постоянном противопоставлении интересов, на конкуренции, но не на сотрудничестве.

Как установлено, человек нуждается в публичном признании плодов своего труда (почётная грамота, рост по карьерной лестнице до уровня своей некомпетентности и т.п.). Это наступает в момент, когда человек своими знаниями управляет другими. Бескризисным такое управление становится потому, что на своём опыте человек

выбирает то, что даёт положительный (бескризисный) результат и отбрасывает всё, что фактически уничтожает результаты его деятельности, как и всякий кризис, который уничтожает всю его предыдущую деятельность. Кроме того, так называемый прогресс связан обычно с технологиями так называемого «двойного назначения» – военного и гражданского. Может ли этот процесс создаваться бескризисным управлением, когда в самой его цели заложен конфликт?

Возможно ли бескризисное управление и бескризисная экономика в принципе? Есть несколько условий, при которых достигается некоторый паритет в экономических отношениях. Эти условия создаются управлением. Во-первых, когда масса выпущенных денег удерживается равной стоимости произведённого товара и оказанных услуг (формула К. Маркса). Во-вторых, имеются беспроцентные ссуды (типа исламского банкинга) и, в-третьих, плановая экономика (социализм) [5].

При наличии всех трёх условий необходимо просчитывать возможные негативные моменты, определить «эффект обезьяньей лапы»¹. Современные экономисты и политологи в своих планах и прогнозах рассматривают только материальные плюсы, забывая о том, что «не хлебом единым жив человек».

С точки зрения авторов, «бескризисное управление» предполагает наличие условий, при которых человек развивается в гармонии с обществом, а социум – в гармонии с природой.

¹ «Эффектом обезьяньей лапы» называют ситуацию, когда вместе с ожидаемым положительным результатом от своих действий получают ещё больший непредсказуемый отрицательный результат [11].

Современное управление экономикой ведёт к прямо противоположному результату: отрыву личности от общества, человека от его природных основ, социума от природы. Следствием такого управления стал энергетический кризис, связанный со снижением запасов углеводородов. Учёные заговорили о природоподобных технологиях [3]. Но если цель этих технологий остаётся прежней – не совершенствование человека, а погоня за сверхприбылями, это закономерно приведёт к отрицательному аморальному результату, вплоть до самоуничтожения человека.

Процесс внедрения морально недопустимых явлений описал в 1990 г. американский социолог Джозеф Овертон. Его теория, получившая название «Окно Овертона», достаточно полно и аргументированно описывает способы социально-информационного управления и манипулирования людьми и всем обществом. Сущность этого управления в медленном поэтапном внедрении в сознание человека ложных целей развития [6]. В случае с современным обществом это производство ради производства, прибыль ради прибыли, погоня за деньгами и ненужными товарами и т.д. В результате внедрения в сознание таких целей у населения планеты Земля появилась «приобретённая беспомощность»².

Приобретённая беспомощность в управлении кризисами – это абсолютно пассивная реакция на перманент-

² «Приобретённая беспомощность» – термин введенный Мартином Селигманом и Стивом Майером по результатам своих исследований. Проводя, подобно физиологу И.П. Павлову, эксперименты над собаками, ученые выяснили, что живое существо можно постепенно приучить к тому, что оно не может влиять на изменение окружающей его среды [8].

ные кризисы в экономике, основанная на стойком убеждении, которое возникло на основании полученного долговременного опыта о том, что кризис, якобы, норма рыночного хозяйства и его невозможно устранить. При этом бескризисная плановая экономика давно замалчивается, не применяется и даже не изучается учёными-экономистами.

Вопрос о бескризисном управлении необходимо рассматривать на двух уровнях: на макро- и микроуровне. Макроуровень – это глобализация со всеми вытекающими последствиями перманентных кризисов в масштабе планеты. В современных условиях эта проблема представляется не решаемой в принципе. Микроуровень – это выведение из кризиса государств, социальных групп и личностей. На этом уровне кризисы ликвидируются за счёт другого объекта экономической деятельности.

Бескризисное управление предполагает набор стратегических мер, направленных на воспитание человека духовного [7]. Управленческая наука

усиленно ищет пути выхода из сложившейся ситуации, но в основу положила только материальный интерес человека, как правило, игнорируя духовность, мораль, нравственность и народные традиции. В современных экономических условиях можно допустить использование фактора кризиса как первого этапа перехода от общества потребления к формированию общества благоденствия.

Подводя итоги, можем еще раз констатировать: кризис управления является результатом влияния стихийных факторов на экономические процессы; без учёта духовной составляющей прекращение кризиса маловероятно; и, наконец, технологический путь не в состоянии вывести социум из перманентного кризиса. В соответствии с вышеизложенным, устранение кризиса предполагает не столько набор формальных мероприятий по поиску антикризисных кадров, сколько реализацию мер социально-психологического, нравственного характера, направленных на совершенствование человека как основы жизни на Земле.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга. 2001. 416 с.
2. Веркор и Коронель, Перек Ж., Кюртис Ж.-Л., Ремакль А. Квота, или Сторонники избобилия / Пер. с фр. И. Эрбург. М.: Правда. 1984. 640 с.
3. Директор «Курчатовского института» М. Ковальчук выступил на заседании Совета Федерации в рамках «Времени эксперта» (30 сент. 2015 г.) [Электронный ресурс] / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru/events/multimedia/video/44107/> (дата обращения 05.10.16)
4. Каррер д'Анкокс Э. Александр II. Весна России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2010. 415 с.
5. Лативок Н., Мазур Е. Сталин: Экономика без кризисов – залог Великой Победы. М.: Белые альвы, 2010. 159 с.
6. Окно Овертона – технология уничтожения человеческих сообществ [Электронный ресурс] // Антимаркетинг [сайт]. URL: <http://antimarketing.by/kak-nas-obmanyvayut/okno-overtona-texnologiya-unichtozheniya-chelovecheskix-soobshhestv/> (дата обращения: 05.10.2016).

7. Панов А.И. Кризис управления (экономический аспект) // Вестник МИРБИС (Московской международной высшей школы бизнеса). 2016. № 3 (7). С. 89–92.
8. Приобретенная беспомощность [Электронный ресурс] // Psychologic.ru: портал о психологии [сайт]. URL: <http://psychologyc.ru/priobretnennaya-bespomoschnost/> (дата обращения: 05.10.2016 г.)
9. Стиглиц Дж. Кто потерял Россию? // Эковест. 2004. Вып. 4. № 1. С. 4–37.
10. Шишкин В.А. Национальный идеал как общий закон развития культуры. Барнаул: ИП Колмогоров. 2014. 225 с.
11. Эффект обезьяньей лапы [Электронный ресурс] // Энциклопедия КОБ [сайт]. URL: http://wiki.kob.su/Эффект_обезьяньей_лапы (дата обращения: 05.10.2016).

REFERENCES

1. Vallerstain I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire [The Analysis of World Systems and Situation in the Modern World]. SPb., Universitetskaya kniga, 2001. 416 p.
2. Verkor i Koronel', Perek ZH., Kyurtis ZH.-L., Remakl' A. Kvota, ili Storonniki izobiliya / Per. s fr. I. Erburg [The Vercor and Coronel, Perek, J.,]. M., Pravda, 1984. 640 p.
3. Direktor «Kurchatovskogo instituta» M. Koval'chuk vystupil na zasedanii Soveta Federatsii v ramkakh «Vremeni eksperta» (30 sent. 2015 g.) [The Director of the Kurchatov Institute Mikhail Kovalchuk Spoke at the Meeting of the Federation Council in the Framework of the "Time Expert" (30 Sept. 2015)] URL: <http://www.council.gov.ru/events/multimedia/video/44107/> (request date 05.10.16)
4. Karrer d'Ankoss E. Aleksandr II. Vesna Rossii. [Alexander II. Spring in Russia.]. M., Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. 415 p.
5. Lativok N., Mazur E. Stalin: Ekonomika bez krizisov [Stalin: Economy without Crises]. The Pledge of the Victory. M., Belye al'vy, 2010. 159 p.
6. Okno Overtona – tekhnologiya unichtozheniya chelovecheskikh soobshchestv [Elektronnyi resurs] [Overton's Window" – the Technology of Destruction of Human Communities [Electronic Source]] Antimarketing [sait]. [Antimarketing [Website].]. URL: <http://antimarketing.by/kak-nas-obmanyvayut/okno-overtona-texnologiya-unichtozheniya-chelovecheskix-soobshchestv/> (request date 05.10.2016)
7. Panov A.I. Krizis upravleniya (ekonomicheskii aspekt) [Crisis Management (Economic Aspect)] // Vestnik MIRBIS (Moskovskoi mezhdunarodnoi vysshei shkoly biznesa). 2016. no. 3 (7). pp. 89–92.
8. Priobretnennaya bespomoshchnost' [Elektronnyi resurs] [Acquired Helplessness [Electronic Source]] Psychologic.ru: portal o psikhologii [sait]. [Psychologic.ru: Portal about Psychology [Website].]. URL: <http://psychologyc.ru/priobretnennaya-bespomoschnost/> (request date 05.10.2016 g)
9. Stiglits Dzh. Kto poteryal Rossiyu? [Stiglitz J. Who Lost Russia?] // Ekovest. 2004. Vyp. 4. no. 1. pp. 4–37.
10. Shishkin V.A. Natsional'nyi ideal kak obshchii zakon razvitiya kul'tury [The National Ideal as a General Law of Cultural Development]. Barnaul, IP Kolmogorov, 2014. 225 p.
11. Effekt obez'yan'ei lapy [Elektronnyi resurs] [The Effect of Monkey's Paw] Entsiklopediya KOB [sait]. [Encyclopedia of the BER [website].]. URL: http://wiki.kob.su/Эффект_обезьяньей_лапы (request date 05.10.2016)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Панов Анатолий Иванович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: ponchik.92@bk.ru

Шишкин Василий Архипович – кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики Куйбышевского филиала Новосибирского государственного педагогического университета;
e-mail: kpkfngpu@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Panov Anatoly I. – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: ponchik.92@bk.ru

Shishkin Vasily A. – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Pedagogics, Kuibyshev Branch of Novosibirsk State Pedagogical University;
e-mail: kpkfngpu@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Панов А.И., Шишкин В.А. О современном кризисе общественного управления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 5. С. 143–150.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-143-150

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Panov, V. Shishkin. On modern crisis of public management // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 5. Pp. 143–150.

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-5-143-150

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2016. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 10, усл. п.л. 9,5.

Подписано в печать 26.12.2016. Выход в свет: 00.00.2016. Заказ № 2016/12-04

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, 10А